

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

ВЫПУСК 11

Киев - 2019

Дорогой читатель! В новом, одиннадцатом номере альманаха «Каштановый дом» поселились как давно знакомые, так и новые «поэтические жители». Мы искренне надеемся, что, зайдя в гости в «Каштановый дом», ты станешь нашим верным другом.

Визитная карточка

Дмитрий БЛИЗНЮК
Харьков

***

Ты кошка – семь жизней растрочены на чепуху,
на стирку и готовку, на варку и уборку,
на боевую раскраску лица и тела,
на чуткий сон у колыбели.
Мне осталось тебя так мало.
Налить тебе лунного молока?
Я читаю тебя, как юношеские записки Шерлока,
как шпаргалки на девичьих коленях.
Мне от тебя осталась шагреновая кожа,
и она с каждым годом все меньше и тоньше,
но я не могу не желать, не стремиться.
Мелкое перышко торчит из подушки,
будто лыжня из снежного спуска.
За окном блестит карамельная луна,
и я смотрю на тебя сквозь годы,
сквозь густой снегопад:
ты улыбаешься, и твои губы
кажутся запачканными кефиром
в наплыве падающих снежинок...

***

любимая, дай мне таблетку
анальгина; туман туго обмотал
треугольные головы горам,
точно влажными полотенцами,
легчайшая боль неба, мелкая, незаметная,
как подъязычная кость колибри,
и виноградники разлаписто тянутся
по каркасам и шиферным заборам
карликовыми истощенными драконами
(больны осенним рахитом) -
усыпаны сладкими пыльными ягодами.
и грузчики, кряхтя и потея,
уже вносят в прозрачные чертоги воздуха
трехметровые портреты осени, забрызганные
грязью, глиной, грибными спорами,
а осень в кровавых от ягод ботфортах
с нами-статуэтками на ладонях
позирует возле ржавого лимузина
с выбитыми стеклами...

***

с утра все небо заполонил Микеланджело облаков,
и в мраморной глыбе созревающего дождя
легко разглядеть зерна будущих статуй Давидов
или асбестовых девушек с винтажными зонтами птиц.
я иду домой по переулку Черной Кошки
(привет Николо!),
иду по времени, как паук по чужой паутине.
по автомобильной дороге рассыпан песок -
пятнами, пятнами, отпечатками от больших лап -
это крался зверь песочных часов,
похожий на коричневую рысь
с лапами-конусами. и душа замирает...
ты чувствуешь – сейчас произойдет небольшое чудо.

из-за угла выбегают три девочки, друг за другом,
все разного роста и возраста – от большего к меньшему.
это линейка развития «девочки разумной» в картинках
от неуклюжей обезьянки с золотистыми кудрями
до наглой ехидной бестии с пластинами на зубах.
и это чудо длится меньше мгновения.
мгновенья – ограда из зубов (привет Гомеру!).
но лучистое нечто успевает
протиснуться из одного мира в другой, перебежать
из вагона в вагон электрички напротив.
так истина сбегает из одной реальности в другую,
а принцесса, накинув мастерку «Пума», спешит
со скучного бала на пиратский фрегат
«Летучий сентябрь».

***

осеннее пасмурное утро.
фонари, точно жирафы, тихо бродят в тумане,
косые сгустки теней вздрагивают
за деревьями – это плотва прошедшей ночи
запуталась в водорослях во время отлива.
пахнет паленым войлоком и подгнившими сливами;
осень тонкокостная дрожит, будто жеребенок-рахит
с гнутыми ножками-ветвями.
старушка тащит тележку с яблоками.
иные листья еще рдеют – цвета желчи с кровью.
внезапно срывается мелкий дождь,
сотни призраков трут мокрые ветки ладонями,
добывая туман.
две студентки укрылись от измороси в беседке:
курят, бережно кормят друг друга кусочками шоколада,
словно птицы окающих птенцов – червячками,
лишь бы не размазать на губах помаду.
а захмелевший дворник Ефим грустит у подъезда,
скачает по отчему яблоневому саду;
но не пройдет и месяца, как явится чистокровная зима,

и глянешь – с утра уже снегопад бредет за окном,
точно чистокровный сказочный единорог,
и его жалят белые слепни,
а он нервно отмахивается поземкой-хвостом...

В ИКОНЕ ИЗ ТРАВ

я найду тебя в иконе из трав,
в клейком шепоте молоденьких кленов,
сквозящих на солнце.
так и хочется спросить у вечернего мира: ты еще здесь?
но в ответ пахучая тишина
танцует босиком на теплом песке,
с голубой лентой ветра в прозрачных волосах.
или это младшая сестра тишины?
с веснушчатым тонким лицом
нащелкивает песенку кузнечиков,
дразнит слух занозистым звуком далекой пилы,
вздрагивает звяком собачьей цепи...
так я сейчас в каком мире? в лучшем из невозможных?
и правый берег сознания
исподволь исчезает в электрическом тумане;
я слышу тихое мур-мур мира -
песенку беременной кошки
(изящно растеклась по подоконнику),
прислушиваюсь к невечному, зыбкому, сиюминутному.
так младенец в утробе
различает размазанные, будто джем,
звуки музыки извне
и не попад вздрагивает ножками,
миниатюрными кулачками.

все эти легкие чувства – шестые, седьмые, восьмые -
твои, господи, невесомые шаги.
а все мои слова – трехтонные одноразовые якоря;
я бросаю их на немыслимую глубину,
чтобы уже никогда не поднять на поверхность...

зимние дни будто сотканы из сумерек:
царские верблюды с сиреневыми марлями
на надменных мордах,
и горбы припорошены снежинками.
нет, это не мираж, это легкая вьюга
похожая на нейрофибриальные клубки
в чей-то большой и вытянутой как улица голове.
забирая дочь из школы с ранцем и кульками
я чувствую себя счастливым великаном,
и что такое смысл жизни не спрашиваю.
прячу самоубийственный вопрос как пистолет в кобуру.
так наверное и звучит нерешительная мелодия бессмертия -
пугливая белая лань среди черных окаменевших львов,
умирать совсем не обязательно и есть любовь,
есть таинственный вайфай в твоей и моей голове.
мы путешествуем на крылатых осликах, а разум – морковь.
еще никогда жизнь не забиралась так высоко:
с вершины ей видны зимние города,
компьютерные платы в пепле, живые микросхемы...
«ого, меня занесло», даже Господь растерян -
создал нечто, а нечто стало сложнее его самого,
разогналось, как гепард
квантовый, пирамидальными прыжками – уже не догнать,
не рассмотреть уже никого – в белых осыпающихся титрах.
только зимние дни, сотканные из сумерек,
сонной надежды и любви.
сиреневые верблюжата вьюги дурачатся за окном...
пап, смотри мои оценки. и дает ручонку с наклейками -
второй класс, телефон-часы, и глаза, глаза -
серые смеющиеся цапли любопытства и игры,
жемчужный туман, живой танцующий еще-не-мрамор,
эти зимние дни
я оставляю себе, спрячу в подкорку,
чтобы однажды в перспективном нигде достать как звезду,

как бутерброд с колбасой и сыром, как д/з
по новой жизни
собственный мир...
а мы с дочкой сокращаем путь,
идем через пролом в чешуйчатом заборе,
как сквозь порванную сеть – отец-рыба и дочь-рыба.
и за нами никто не плывет,
только вьюга зализывает черноты гудящую рану
белым занозистым языком

***

как прекрасен ее пупок.
такие изящные выемки находишь в бракованных свечах
или на стволах вишен – место, где обнажилась кость,
отмерла старая ветвь или передумала родиться новая.
узкие джинсы – когда развешивает их на стуле -
похожи на картонные цилиндры внутри рулонов.
босоножки на высоких каблуках -
жилистые царицы-скорпионши
с выводком жал, выкрашенных черно-алым.
и главное – глаза. глаза... там всегда
мреют и плывут зеленовато-серые рассветы
инопланетные,
или угасают янтарно-жемчужные закаты
безлюдные.
таинственная планета, и жизни – разумной, хищной -
на ней нет,
или она ловко прячется от меня
за границами век, за туманами и озерами.
иногда промелькнет пятнистый монстр страсти,
точно перед объективом дискавери,
но отвлекают пыльно-шелковые облака,
темное пульсирующее солнце.
ее красота отзывчива и тепла – будто трон с подогревом
или электрический стул с подушечкой от геморроя.
заботливая красавица,

не трепанированная зубчатой самовлюбленностью, -
это редкость: так бриллиант в кольце
искренне переживает, если ты порезался
во время бритья. кто же ее создал,
подарил мне?
все вещи в доме пахнут ароматным уютом,
и даже гладильная доска – близорукий птенец птеродактиля -
смотрит на меня великодушно.
а почему бы и нет?
во мне скопилось так много любви – как радия в закромах
миролюбивого диктатора.
пора уже устроить небольшой термоядерный взрыв
семейного счастья.

***

если честно, не люблю писать –
верлибры, стихи, прозу, –
но люблю одну женщину. однажды Господь
дал поддержать ее за талию (бокал с плотью),
обнять, заполнить семенем, мечтами,
галлюцинирующей пустотой,
а потом превратил в вибрирующую, ломкую,
скульптуру из бабочек, щелкнул пальцами – фокл! –
и она разлетелась по миру узорным маревом.
а я только рот раззявил – небритый голодный птенец.
теперь в каждой женщине, с которой я мужчина,
узнаю узоры горячих крыльев.
но эротическая радость узнавания
сменяется разочарованием,
в каждом стихотворении я хочу невыхотимое...
если бы я мог с ней остаться сейчас и навсегда,
я бы и слова не написал больше. никогда.
сжег бы все рукописи, а они горят, чадят –
подоженные нефтяные скважины
с черными заваливающимися хвостами...
но не смог раствориться в ее душе и теле –

золотой айфон в желудке пойманной акулы.
застыл лопухим истуканом,
а вокруг меня порхают – бабочки-в-животах?
нет – она, она, она. но ее у меня нет
и больше никогда не будет.
это шершаво-кошмарное «никогда» – шикарное слово,
точно пиджак из вороньих перьев.
надеваешь его на голое тело ранним утром – и жуть.
и посему я возьму от поэзии все, что захочу.
поздно или рано.
вот почему я поэт.

***

тьма сгущалась наискосок,
будто кто-то играл каприччио Паганини на скрипке
без струн, без лакированных хрящей,
без рук и без смычка -
на одном вибрирующем сгустке теней.
и хотелось подойти к раскрытому окну
и выхватить голыми руками кусок синего неба,
ослепительного, остывающего.
антивечер.
антимотылек летит на свет антисвечи,
в комнатах всё вывернуто наизнанку:
вывернуты зеркала – внутренности зеркального карпа.
шторы, будто кони,
пьют светящуюся пыль у сонного водопоя,
и так тихо, что скулящий звук телевизора этажом ниже
просачивается сквозь тишину – звуковой кровью
сквозь бетонные распаренные бинты.

***

Ты живешь во мне.
и каждое утро подходишь к глазам
изнутри моей головы, точно к французским окнам -
чистое литое стекло разлито до самых пят,
и ты потягиваешься на цыпочках и смотришь
на едва шевелящийся зеленью водопад
нового дня,
оставаясь собою.
смотришь на знакомо незнакомый мир after-dinosaurs,
на просыпающийся в сиреневых камушках город...
я подарил тебе яркую каплю бессмертия,
впустил тебя хищной неясью
в красный лес своего сердца...

когда-то
я целовал тебя, всасывал сладкий дымок
из глиняных рожков твоей груди,
поглощал солоноватую суть
полупрозрачных ключиц и шеи,
приминал пальцами муаровое свечение
на лопатках;
я осязал твое сознание -
точно пушистый одуванчик в руке, -
и оставалось только нежно подуть тебе в глаза,
чтобы ты распушилась по спальне,
медленно закружилась тысячей и одной
ласковой лебяжьей иглой...
а потом мы засыпали, хрестоматийно обнявшись;
иногда я вздрагивал в полусне, точно холодильник,
и ты нежно гладила меня по загривку.
наша жилистая от множества проводов квартира
нуждалась в ремонте, словно бедный факир -
в новой корзине для змей-танцовщиц.
и не было у нас ни золотых рыб, ни синего моря -
лишь монументальный вид из окна
наподобие... (удалено модератором)

я был ребенком внутри корабля,
а ты была моим таинственным морем.
я боролся с дневным светом – лучами твоей свечи.
никто из нас не хотел уступать,
никто не хотел сдаваться,
проигрывать обжигающей темноте,
разрастающейся между нами.
я шептал «выкл»,
но твоя любовь мягко сияла.
ты исподволь становилась частью меня,
победоносно вкладывалась в мой мозг,
как лезвие – в перочинный нож.
как ребро, переросшее Адама...

любимая,
я стал заложником полезных привычек,
меня с годами поражает вселенский голод:
все, кого я запоминаю, становятся мною.
вот так мы находим продолжение души
в бесценном камушке, найденном на берегу моря,
в женщине, идее, дереве на горе,
в теореме, триреме, тереме,
в деревенской глуши, в дебрях науки,
в бессмертных, мерцающих садах искусства,
в крохотной теплой ладошке внука...
держи меня, соломинка, держи...

Прихожая

Игорь КАСЬЯНЕНКО
Сумы

УШЁЛ ОДИН

Вначале был дремучий лес. Огромный, вещий, с лешим,
с медвежьим мёдом диких пчёл и ягодой в росе.
И торной не было тропы ни конным и ни пешим
в краю, где всеми ведал лес, и лесом были все.

Деревья, звери, духи, мхи, ключи с водой живою –
все были телом чащи той, и так за веком век.
Но как-то в лес вошли гуськом: купец, монах и воин,
охотник, плотник, землероб, кузнец и дровосек.

И вещий лес был топором распорот и расколот,
и стала мертвою в ключах отравленных вода,
и на погосте, на костях лесных вознёсся город,
как в поле горькая трава, как лебеда-беда.

Шли годы. Город, как дракон, железными клыками
впивался в землю, грыз её и ставил на дыбы.
И всюду оставлял гробы, металл, резину, камень,
стекло и пластик всех сортов, но в основном – гробы.

Так возникал культурный слой, разумной полный мощи.
И город захлебнулся им, как парус под волной.
Остались только дыры труб и между ними рощи
антенн. И стужа по ночам, и в полдень лютой зной.

И в час, когда Творец, пройдя все уровни творенья,
в конце концов на шар земной взглянул сквозь облака,
у Всемогущего никто не попросил спасенья,
лишь ветер зло швырнул в глаза Господни горсть песка.

И Бог, купавшийся века в мольбе людской и зове,
вдруг заскучал и пустоту почувствовал в груди.
И написал тогда Господь на небе: Gameisover.
И окна вечности закрыл. И в рай ушёл один.

СНЕЖНЫЙ БЛЮЗ

Был снежный вечер. Гитарист в кафе играл нам блюз.
А после мы пошли гулять, и в шутку на снегу
ты написала имена, а я поставил плюс
и знак «равно»... А дальше что – я вспомнить не могу.

Снег забирался в рукава, скользил за воротник,
когда тебя я целовал, неловко, как во сне.
И как во сне, открыв глаза, спустя не век, а миг
у ног увидел только снег, пушистый свежий снег.

Я знаю наши имена. И помню, что была
их сумма... И объятий хмель... И губ твоих вино...
Но результат засыпал снег, и вьюга замела
тот рай, а может ад, куда привёл бы знак «равно».

Часы, застывшие давно, возобновили бег,
и в кабаке поёт шансон иных времён артист.
Я вышел из дому, а мне навстречу с неба снег:
пушистый, свежий и не-мой, как чистый белый лист...

НЕКОГО ЛЮБИТЬ

Она в игре его лица
и в жажде губ его терялась,
в его объятьях растворялась
и растворилась до конца.

Так заступают за черту...
И он, увы, однажды вместо
её фигуры, взгляда, жеста
увидел просто пустоту.

И понял, что за нитью нить
любви взаимной рвутся сети.
И он теперь один на свете.
Один. И некого любить.

ПЕСЕНКА О СВОБОДЕ

В моём уме грызутся мысли, как злые кролики в вольере.
В душе бардак, раздор и смута, а в сердце бой добра и зла.
Я сам себе напоминаю поэта Данте Алигьери –
его политика накрыла так, что любовь едва спасла.

Я тоже бегаю на форум. И хоть из клавиш три запали,
но я строчу свой гневный коммент,
где политический раздел.
А розу дней моих и музу иной уж бард в ином запале
омонимической рифмой аж до метафоры раздел.

Но вот с бутылочкой кастальской
в мой дом спускаются по трапу:
с небес Владимир Маяковский и Дант из далей неземных.
Владимир пьёт за коммунистов. Дант, по традиции, за папу.
А я смотрю на нашу Раду и вспоминаю маму их.

Затем стихов приходит время. Я свой читаю про берёзу,
Дант – из «Комедии» отрывок,
Владимир – «Облака» фрагмент.
И чтобы вновь не погрузиться в дисгармоническую прозу,
с утра я в парк спешу осенний ловить гармонии момент.

А в парке праздник листопада.
И пусть он как прыжок с обрыва,
но каждый лист пылает, словно во тьме задравная свеча.
И я иду хмельной от света, и всё в душе моей красиво,
и в голове моей свобода, и муза трётся у плеча.

ДЕНЬ БАБОЧКИ

Обнаружить себя на цветке – васильке или маке.
Баттерфляем проплыть по росе, чмокнуть божью коровку.
Отразиться в реке, где во мраке скрываются раки.
И с козой-стрекозой к муравьям заглянуть на тусовку.

На цветущем лугу от сачка увернуться и клюва.
Под оркестры цикад научиться порхать балериной.
Глянуть, как там дела, где растут земляника и клюква.
Танцевать па-де-де над лесною тропинкой звериной.

Оказаться на миг на балу, где вальсируют пары.
В горло впиться тому, кто как чёрная птица во фраке.
И в глазах светлячка прочитав, что развеялись чары,
исчезая, уснуть на цветке – васильке или маке...

СЧАСТЛИВЫЙ СЛУЧАЙ

Кому-то недруг по сюжету,
другим – любимый, третьим – друг,
я всё ещё хожу по свету,
смотрю вокруг.

Вот новых дней аборигены,
браня обычаи отцов,
спешат устроить перемены,
в конце концов.

И растворяются в грядущем,
где ими скроенный уклад
в угоду позади идущим
отправят в ад.

Всё тлен: победы, поражения,
туманных истин кружева...
И лишь игра воображенья
всегда жива.

Об этом думаю я кротко,
стреноженный смиряя взор,
когда из грёз моих красotka
плетёт узор.

Но пусть распутают герои
иной истории его –
в нём руны трав, руины Трои
и... ничего.

Душа Земли – многоязычьем,
как пашня полнится зерном.
Но гении поют на птичьем,
не на земном.

Ах, был бы я из легкокрылых,
как Пушкин или Амадей,
я б тайны певчие открыл их
для всех людей.

Я вижу радугу за тучей
и пепел в отблесках огня,
но где же тот счастливый случай,
что ждёт меня?

Вокруг чужих событий сонмы
и мнений патовые льды,
а я уже, как невесомый,
прозрачный дым,

плыву, минуя поединок
добра и зла, удач и драм,
кафе, арену, банк и рынок,
темницу, храм.

Миную парк и кромку пляжа,
начало дали, окоём
и, частью становясь пейзажа,
теряюсь в нём.

Беседка

Александра ШАЛИНА
Киев

***

Ты же знаешь, я не стану тебя винить
ни в одном, ни в другом, ни в третьем. Покамест это
удивительное свойство апологета
никому не удавалось искоренить.

Я его лелею словно в яйце иглу,
на конце которой прячется смерть кощева,
потому что, если каждому по углу,
у кого бы мне самой попросить прощения...

***

Если верить во множественность вселенных,
то сейчас я ровно во всех местах,
где мои солдаты стреляли пленных
твоих солдат. На свой риск и страх.

Чтоб никто из них не вернулся в лагерь,
донести, что вражеский стан разбит.
Чтобы все погибли забавы ради
на моей Второй мировой любви.

***

Когда я плачу, и море во мне дрожит,
украденное из южного городка,
я вспоминаю: я же ловец во ржи,
у меня колокольчатый смех и легка рука...
Пока ребёнок, который ко мне бежит,
расчерчивает тенью по облакам,
я буду делать то, что мне надлежит,
то что умею делать наверняка.

***

Я сделана из манки и воды –
пустое тесто, пресное как камень.
Но я прошу запечь в него плоды,
твоими неумелыми руками
в июньский вечер снятые с ветвей,
пока восток все жмурился на запад,
и мир стоял ни в чем не виноватый,
переминаясь тяжестью ступней.

Хоть восемь дядь качали колыбель,
несли дозор, но к яблочному спасу
ведут невесту, кто не доглядел?
Садить за стол, а дитяtko без глазу

***

Сад мой с большими деревьями в синей резьбе,
видишь, как сделали больно мы сами себе?
как из корней твоих, вверх проминая ствол,
вырос ребенок и от тебя ушел.
Ты же стоял спокоен и недвижим,
зная, что никогда не пойдешь за ним.

Белая-белая в этом году зима,
сны оживают и просятся по домам,
ходят, садятся на стулья, встают кольцом
выдают тебя то ли братом, то ли отцом...

Время пришло, не удержишь весь сор в избе.
Видишь, как стали мы дороги сами себе?
Как неизбежен, необратим процесс –
я лесоруб, ты единственный мой лес..

ИВАН ИВАНОВИЧ

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Иван Иванович скучал. Вот уже вторую неделю он сидел в чистилище и занимал себя тем, что перекатывался с одного затёкшего локтя на другой. Проклятая ложка супа. Угрозило же подавиться перед Новым годом.

Оказалось, что за свою жизнь Иван Иванович не совершил поступков, прямо характеризующих его как грешника или праведника, и случай его требовал подробного рассмотрения. Загробная канцелярия в этом отношении ничем не отличалась от любой земной – в предновогодней суматохе дело отчаянно затянулось. Иван Иванович почесал одной ногой другую, подтянул съехавший носок и мазнул взглядом по столу. На нём лежал белый листок.

С неожиданной для себя прытью Иван Иванович схватил бумагу.

«ПРИГЛАШЕНИЕ

Уважаемый ожидающий распределения, будем рады видеть вас на нашем скромном празднике! В качестве гостя и для ближайшего ознакомления с местными традициями.

Будьте готовы. Большой зал, Орг..»

Дальше прочитать текст не было никакой возможности, так как буквы расплылись красным, и если верить чувствительному обонянию Иван Ивановича, винным пятном.

«Шарк-шарк», – раздалось слева. Иван Иванович вздрогнул и нерешительно покосился в сторону звука. Неподалеку от стола, пошатываясь и неловко потирая лысину, стоял чёрт.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

- Ппрриглашение пполучали? – запинаясь, спросил чёрт.
- Пполучал, – тоже запинаясь, ответил Иван Иванович.
- Ннна оргию? – уточнил чёрт.

Тут Иван Иванович не знал, что ответить, поэтому сначала помотал головой, а затем кивнул.

– В ттаком случае, имею честь сопроводить ввас на Новогоднюю оргию в Пппреисподнюю, – дежурно оттарабанил чёрт, – Мы очень ценим наших потенциальных мmmm... клиентов и будем рады видеть вас на нашем празднике. Познакомиться, ттак сказать, поближе. Пппройдете, – чёрт крутанулся на месте и, едва не упав, схватился за внезапно образовавшуюся в стене дверную ручку.

Иван Ивановича прошиб пот.

- Всё-таки ад, – холодея, подумал он.

В следующую минуту Иван Иванович осознал себя перед огромными резными дверями. Чёрт вытянулся на цыпочках и трижды постучал по выделяющейся на общем узоре, узловатой собачьей голове. Двери начали открываться.

Иван Иванович запнулся на 9 строчке «Отче наш» и крепко зажмурился.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

– Подозрительно приятный климат в этом аду, – подумал Иван Иванович и нерешительно отжмурил левый, дальнотзорный, глаз.

Оргия была в самом разгаре. Со всех сторон лилась музыка, столы ломились от дичи и фруктов, фонтаны вина и шампанского били под самый потолок, а изящные пышнотелые нимфы обвиняли разомлевших от удовольствия грешников. Одна из них как раз заприметила Иван Ивановича и, игриво покачивая ножкой, нырнула в фонтан, набрать бокал красного полусладкого.

Иван Иванович расплылся в улыбке. Он определенно начинал ощущать в себе греховное начало. Руки его сами потянулись расстегнуть ворот рубашки, очки съехали на бок, а ноги, хоть и немного заплетаясь от возбуждения, но точно следуя траектории, понесли его напрямик к очаровательной нимфе. Через минуту Иван Иванович уже достиг фонтана и, приняв бокал из рук обольстительницы, совершенно потерял трепетно возвращаемый на протяжении 55 лет скептицизм.

«Шарк-Шарк» – раздалось откуда-то сбоку. Но Иван Ивановичу было не до того.

– Ииизвините, уважаемый. Пппроизошла ошибка, – чёрт выудил из недр костюма платок и промокнул лысину, – Оччень не хоттелось бы вас отвлекать, но, понимаете, пппутаница... произошла путаница! Вам не на оргию, вам в органнй зал.

Не дожидаясь сопротивления, черт подхватил обалдевшего Иван Иваныча под локоть и размашисто крутанулся.

– Ппонабирали оттпуска перед Новым годом, я тут знай – отдувайся, – бормотал он, стоя перед огромными дверьми, сплошь покрытыми фигурами ангелов, – Ну вот и органнй зал.

Чёрт окинул Иван Ивановича мутным взглядом и, неловко одернув ему ворот рубашки, махнул рукой, – Пппрошу!

Двери начали открываться.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Величественные звуки органа хлынули и потопили Иван Иваныча под собой, как бумажный кораблик. С бесконечных деревянных скамей на него глядели тысячи незамутненных и совершенно трезвых в своей праведности глаз.

Иван Иванович возвел очи к небу, глубоко вздохнул и впервые в жизни пожалел, что не согрешил с мужниной женой – востроносой соседкой Людкой. Хотя изящества ей, конечно, не доставало...

Да кто ж знал!

ЁСЯ

Начнём с того, что наши окна не выходили во двор. Поэтому, когда я выбегал на улицу, отскакивая пятками от асфальта, словно от шипящей маслом сковороды, тётя Рая безмятежно наблюдала разросшийся с восточной стороны дома парк.

То же самое происходило, пока я красил пятнами соседского пса и выменивал томик Достоевского на сломанный компас. В чём, конечно, не признался, так как я был воспитанный еврейский мальчик. А уж воспитанный еврейский мальчик смог бы отличить сломанный компас от исправного. Так тётя Рая и сказала нашим соседям. «Правда, Ёся?»

Ёся... Многие дети выдумывают себе имена, примеряются, как бы им жилось, будь они Петями или Катями. Я понимал, что «Ёся» – это мой крест. Лучше принять его сразу и нести с гордостью. Пока смерть не разлучит нас. Признаться, мужчины в нашей семье всегда отличались некоторым фатализмом...

Однажды я неудачно зашел домой. Тётя Рая как раз закончила читать письма Чехова: «Если в начале пьесы на стене висит ружье, оно должно выстрелить». Ружья у нас не было, зато было древнее расстроенное временем пианино. Трём поколениям счастливо

удалось увернуться от встречи с ним. Три поколения отделались соседством и сохранили мир от музыкальной бездарности нашей семьи. И вот кому пришлось за это расплачиваться.

Тётя Рая отложила Чехова и взглянула на меня поверх очков. Я знал этот взгляд – всё было решено. А через 5 минут с плиты убежало молоко...5 минут, понимаете? И возможно, дядя Айзек не оглох бы, как он любил выражаться, по собственному желанию, столь скороспешно.

С тех пор проклятые 5 минут не раз играли со мной злую шутку. Даже теперь, когда тётя Рая откомандировалась воспитывать следующего на очереди отпрыска. Собственно, прямо сейчас. Прошу, не спрашивайте, как всё получилось.

Итак, дорогой сосед слева, как вы понимаете, под вашей дверью стою я, Иосиф Виссарионович Кац, воспитанный мальчик из интеллигентной еврейской семьи. Владелец двух красных дипломов, одной докторской степени и грамоты «за старание» на концерте 9 мая 1991 года. В чём мать родила.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ МАЛЕНЬКОГО КЕЛЬВИНА В ГЕРМАНИИ

Женщина, давшая ему имя, так никогда его и не произнесла. 10 лет они жили бок о бок, не называя друг друга. В этом не было нужды. Потому что истина не руководствуется словами, а слова истиной – первое, что он усвоил, перешагнув порог их тихого царства.

Мать Кельвина была немой. И это было совсем неплохо. Потому что было правильно для них обоих.

Кельвин ощущал слова очень точно. Как профессиональные инструменты, которые используют только целенаправленно и стерилизуют после каждого применения. Их не должно быть много, потому что второпях можно схватить не тот. И они должны содержаться в порядке, чтобы в случае необходимости не глядя взять нужный.

Когда Кельвину исполнилось 10, он был вывезен в Берлин на лето. Там ему должно было стать лучше. Как будто до этого было плохо.

Кельвина поместили в семью тетушки Луизы и её сорванцов, которые были слишком живыми и слишком говорящими. «Кельвин! Келли! Кел!», – то и дело выкрикивали они. Словно им было мало его имени, тогда как самому Кельвину его было чересчур много. Конечно, он не отзывался. Но, оказалось, это довольно сложно – притворяться глухим среди слышащих.

После обвинений в невежестве, заносчивости и применения последнего средства – знаменитой выволочки тётушки Луизы, Кельвину пришлось сдаться. Он был вынужден признать за ними право к нему обращаться.

С того момента все пошло наперекосяк. Стройный тихий мир Кельвина брали штурмом. Беспардонно, без разрешения слова проникали в его сознание. Грабили, разоряли, строили корабли и колонизировали целые материки. Портили его идеальные безмолвные земли.

От них было не спастись. Хотя со временем Кельвин все же нашел один способ...

«Ну наконец-то, мальчик хоть немного заговорил», – удовлетворенно сказала тётушка Луиза осенью. Она потрепала Кельвина по загривку и посадила на подножку поезда – назад, к матери.

Сердобольная тётушка Луиза, если бы она только знала, что с тех пор Кельвин всю жизнь будет пытаться избавиться от этого нашествия, сгоняя, ссаживая, депортируя слова на бумагу.

О, это будет поистине великая битва! Удивительная и парадоксальная тем, как много Кельвин напишет для других, чтобы остаться немым для себя.

Мария КИТАЕВА

Киев

***

когда настойчивыми лучами весна достанет землю из-под зимы
когда сны будут помниться, а не растворяться

в темноте беспросветной усталости

когда, наконец, мы будем предельно честны

чисты

кристально пусты от эмоций

и слез

и слов

я одной из основ каждого нового дня

объявлю то, что меня наполняет, делая крепче

когда в далеких крымских горах, влюблённый в жизнь,

зацветёт миндаль

и берега степных рек змеистых покроем густая трава

пусть голова моя будет пуста, до безобразия звонкой

от отсутствия мыслей

когда потянутся птиц вереницы,

заглушая курлыканием гул разросшихся городов

а склоны холмов покроем чертополох

пусть моих ног не касается злой асфальт,

пусть, как встарь, вскармливает меня нагретая солнцем земля

когда мир выйдет из-под снегов, облачаясь в мягкую зелень мха

а небо безбрежьем своим отразится в моих глазах

мне станет неведом страх

неведомы боль и печаль

осталось лишь пережить февраль

и ещё одну зиму насквозь пройдя

впредь между чем угодно в мире и лично собой

выбирать себя

***

не отбрасывать тени
не существовать
не ходить по земле
не ложиться в кровать –
сон – пустая трата времени
когда ты бестелесен и пуст

вечер промозгл и тускл
ветер зовёт за собой
в душный мир пустынь
в жаркий мир песков

остов ослабел –
ни человек – ни корабль-
так – легковесное воспоминание
бессмысленное
не нужное никому

я тебя обниму через сотни миль-
ветром южных морей
волной
лижущей щиколотки
серым песком городского пляжа
тенью уставших пальм

план мой прост – затереть все следы
своего пребывания на земле
стереть воспоминания в сотне людских голов
и раствориться в вечерней мгле
будто бы я никогда и не существовал

асфальт под ногами черен тягуч
как моя тоска
мыслью тяжелой пульсирует у виска
моя бессмысленность
нелепость
и бесполезность

не воскрешай меня в снах своих
я не вернусь
не стану рядом
не обниму за плечи
вечер твой останется тихим
незапятнанным мной

а я тем временем вернусь домой
в эту тёмную бездну печали
в эту чёрную дыру одиночества

ты нужна мне
очень
но что я могу тебе дать?
песни ветров?
рассветные трели птички?
майских вечерних трав великолепие?
тёплый весенний дождь?

мысль о тебе – нож в моих рёбрах – ни вытащить
ни оставить – в любом случае будешь мертв

потому
исчезая
прошу – не вспоминай
не призывай
не думай
не будь угрюмой и тихой
живи во всю силу
веселись и пой

я все равно пока остаюсь с тобой –
бестелесным молчанием
молчаливым призраком
хранящим от зла

а память твоя – зола
развей над полем и отпусти
пока не отпустишь –
я не смогу уйти
а мне это нужно

***

поцелуй меня
развернись спиной
и уйди в темноту расцветшей сирени
не отбросив тени
не оставив следа

память моя – вода,
утекает сквозь пальцы
все скитальцы мира в неё умещаются,
прячутся там от дождей

в ней я храню людей
врезавшихся, впечатавшихся
накрепко, наглухо
слишком сильно,
чтобы забыть

а уходить волен каждый
вопрос лишь в том
что останется после тебя

важный вопрос
а никто не берет его во
внимание

так расстояние появляется,
раскрывается, расширяется,
расталкивает по сторонам

и если не нам исправить этот разорванный круг
этот сломанный цикл
то кому?

***

я как свитер – выворачивает наизнанку, потом обратно, и
так за день тысячу раз
температура повышена, все изнутри – горит
сливаются воедино потоки слов, звуков и фраз,
но никто со мной по-настоящему не говорит

все теряется, спутывается, превращается в пыль
а в пустыне моей буря такая, которой не видел мир
а в океане моем волны цунами растянулись на сотни миль
и все мои корабли потеряли ориентир

и каков прок от брошенных кем-то кругов, плотов –
корабли все пройдут мимо, спасения нет
покажи, покажи мне, на что ты теперь готов,
лишь бы спасти этот меркнущий свет

лишь бы разжечь снова, лишь бы не сесть на мель?
толку от слов, если они пусты
кто-то из нас стучится не в ту дверь,
предпочитая свету сговорчивость темноты

предпочитая другому – тоску и мрак,
кто же из нас это, кто же? узнал?
попытка вогнать меня в рамки опять потерпела крах,
да и размер их – опять оказался мал.

так что давай без лирики, драм и слез –
никогда не умрет то, что уже мертво.
чтобы жить заново – Феникс теряет все.
а я выдыхаю, и спускаюсь в метро.

***

человек человеку ни друг ни брат,
ни собака, ни волк, ни священные пирамиды.
человек человеку – изгибы
душ,
затравленных, раскромсанных пополам,
человек человеку – парус и ветер,
человек человеку – набат,
голову раскалывающий на сотни частей.

но сколько в мире людей, не знающих этого, не ведающих,
верящих,
что можно одним заменить все вокруг – сущее и поднебесное,
мирское и мирное, мерзкое, меркантильное, милое.

миллионы глаз устремляются в потолок.
миллионы верят – за тем потолком есть бог,
за тем потолком есть спасение или месть,
и черт его знает, что же ещё там есть!

они вопрошают, и крестятся бормоча,
они призывают не бога, только врача
для их искаженного разума – пей и пой
и может тогда покажется,
что живой,

и может тогда покажется, что ты жив.
миллионы душ и глаз тонут во лжи,
как корабль, поймавший внезапный коварный крен,
они не поймут, не увидят суть перемен
к лучшему.

стало быть
нам нельзя
красноречивую правду бросать в глаза.

Дуэт

Андрей ПОЛЯКОВ

Сумы

Отрывок из романа «Magic»

ЗНАКОМСТВО

Если бы месяц назад, мне сказали... Если бы сказали...

Теперь, оглядываясь назад, понимаю: Земля стоит не на черепахах или китах. Свалиться в пустоту бесконечного ничего ей не даёт любовь.

А параллельный мир – не шутка совсем...

Отряхивая с ног прах моей прошлой жизни, я с ужасом и радостью оглядываюсь назад, словно меня окликнул кто-то или неожиданно схватил за руку.

*

Июнь.

Жара...

Я сидел в редакции городской газеты «Глас народа» или «ворчание ягнят», как её называли злопыхатели.

Сидел, пытаюсь выдать из себя хотя бы одну новостную строчку для статьи на сайт. Время подпирало. Красивый и стройный замредактора уже несколько раз забегал в «стойло для Пегазов» – комнату журналистов – задавая один и тот же ненавистный вопрос: «Ну?»

– Щас будет, – в очередной раз пообещал я, пытаюсь взглядом измерить глубину Марианской впадины монитора.

Работать не хотелось – июнь, жара... жизнь с одним единственным лучом в тёмном царстве – литературой. Полгода назад стукнуло тридцать. Дружки не перевелись, а вот бабы закончи-

лись. «Женился, не приходя в сознание» – шутили «корешки», время от времени напиваясь со мной до поросячьего визга. С друзьями не спорил. Думал: начну – скажут: оправдываюсь. А с другой стороны: чего с дураками спорить – они ведь тоже орлы окольцованные. Парили высоко, вот и долетались! Сначала – один, потом – другой, за ними – третий камнем упал с неба в объятия любимой, чуть не прибив до смерти своей страстью. Я женился позже всех. Нашёл свою половинку в грозу, посреди дождя. Шла без зонта. Мокла. Я предложил свой. Потом допоздна задержался у неё дома – дождь пережидал. Сама, кстати, предложила. Вот и пережидая уже второй год, боясь, что однажды ливень закончится. Люблю её, наверное. Бабахаемся с нею на всех меридианах и параллелях нашей небольшой двухкомнатной квартиры как бобики в подворотне. Разве ж это не любовь? Конечно же...

– Где новость? – прогремел за спиной голос уже не зама, а главного тирана – Вячеслава Ивановича. – Жора, если через пятнадцать секунд я не увижу статью, твоя премия сделает себе хакири. Я не шучу! Какого хрена ты уставился в одну точку? Она пиксельная! Смотри, не протри взглядом до чёрной дыры своей лени! Придётся монитор тогда выбросить, кому он битый нужен будет! Останешься ты с разбитым корытом или у разбитого корыта...

– Так то старуха была, – попытался хоть что-то умное выдать из себя.

– Ну и что, козлом отпущения всё равно станешь ты! Сегодня я тебя в жопу ещё не посылал?

– Ещё нет!

– Ничего, скоро я эту ошибку исправлю! Напишу на сайт, что дал тебе под зад коленом – чем не новость? Пятнадцать секунд! Отсчёт пошёл!

Новость написал быстро – зам подбросил событие: «На рынке сгорела маршрутка. Подробности – уточняются!»

Вячеслав Иванович выключил секундомер своего нетерпения и, как с печки упав, спросил:

– Когда отпуск?

– Недели через две, в разгар жары. В городе всё равно никаких событий – писать не о чем!

– Хорошо! Отдохнуть от тебя – дополнительный отпуск для меня!

– Куда-то поедешь? На моря?

– Нет... В деревню, в глушь, в Париж! Роман хочу написать за месяц, как Достоевский!

– Как Достоевский, говоришь! Тогда бери в помощники Льва Толстого!

– А я себя в помощники возьму! Говорят, у каждого человека во вселенной есть двойник. Лучшей подмоги не найти.

– Ну-ну, – Вячеслав Иванович скривился. – Да бери хоть чёрта – за месяц роман тебе не написать. Ты же знаешь, твои стихи люблю, но проза – это... другое. О чём тебе писать: бутылки три дня сдавал! Тут разбег нужен! Если взлётной полосы не хватит, жди беды. Но тебе зла не желаю. От себя – дам пятнадцать суток, но не за нарушение общественного порядка! Ты ведь у нас уже года два без отпуска по клоакам всяким политическим лазаешь?

– Где-то так!

– Строчил?

– Ещё и как!

– Вот, Анка-пулемётчица, и дострочилась ты до светлого будущего – плюс пятнадцать дней для прогрета двигателя. Итого – сорок пять! Одно условие: я первым прочитаю твой бред!

– Хорошо! – я согласился сразу, тем более, что роман о первой мировой войне и революции семнадцатого года начал писать месяцев восемь назад, но никому об этом не рассказывал. Написал больше половины. Оставалось его «добить» и придумать название (оно было, но не нравилось).

Ложь во спасение не я придумал, и не мне её отменять – утешил себя, выпорхнув из кабинета главного. И всё-таки на душе кошки скребли – маленькая ложь, всё равно ложь! Роман надо писать новый! «Надо!» – как сказал бы Папанов в знаменитой кинокомедии.

*

Отпуск приближался медленно. Статьи писались ещё медленнее – из редакторской жопы я не вылезал. Жара усилилась, бросив в озноб – начала мучить аллергия. Радовала только жена.

Её необузданная страсть не давала разуму ни единого шанса восторжествовать над безумием любви. Роман, как назло, не писался. «Ничего, – думал я, – вот найду местечко поукромней, вдалеке от страстей и суеты лишней, отыграюсь на героях. Старый мир разрушу до основания, а затем...»

Незадолго до отпуска приснился сон, надолго запавший в душу: люди в чём-то белом медленно уходили в глубину чёрной пустоты; я пошёл за ними, и тут раздался голос, сообщивший, что Хронос рассыпал свой песок – всё остановилось! Я отчётливо видел, как золотые лошади, запряжённые в золотые повозки замерли, окаменев. Не знаю, по этой причине или от страха, я так и не смог пройти через коридор пустоты, в глубине которого, из под дверей, пробивался тёплый свет. Он притягивал к себе, как ничто ни разу не притягивало меня наяву. Мне почудилось – бледное подрагивающее сияние звало меня! Прозвучали какие-то слова – их забыл сразу. Странно, но я был убеждён, что пришёл сюда не просто так созерцать необъяснимые видения. Они были частью моей судьбы. Я мог размышлять. Задавать вопросы. Со мной беседовали, но свои слова неизвестные тут же забирали обратно. А я оставался без ответов.

Проснувшись – потерял покой... К ласкам жены потихоньку стал охладевать. Врал, мол, нездоровится. Журналистика – злила! Во мне что-то стало меняться. Если раньше, опоздав на работу, я замирал перед «государём-императором» в ожидании смертного приговора, то теперь даже не обращал внимания на угрозы «палача» быть колесованным в мужском туалете.

За три дня до отпуска послал в задницу зама, за два – главного. Думал, предложат написать заявление по собственному желанию. А такое желание появилось! Но, к моему удивлению, начальство сделало вид, что миропорядок нарушен не был и все духовные ценности по-прежнему находятся на своих местах. Когда я смотрел в зеркало, мне казалось, что человек, стоящий передо мной – один из тех, кто разговаривал со мной в тёмном коридоре.

Он был похож на меня только своими чертами, но в его взгляде появилась та уверенность, с которой обычно не спорят. А ещё – чуть видимое мерцание в глубине глаз, на которое долго ни я, ни собеседники смотреть не решались. Оно проникало им в душу, и у них возникало подсознательное желание бежать

прочь, хотя от чего именно, не ведали. А ещё, я почувствовал, что могу взглядом останавливать время. Не в часах, конечно, а в самих людях. Я смотрел на них, как на кадры замедленной киносъёмки. Мог подойти, ударить по щеке, вернуться на место, а человек только через мгновение вздрагивал от невидимой пощёчины. Чтобы не напугать чем-нибудь жену, решил реже на неё поглядывать. Вечером, готовясь ко сну, – словно в бреду увидел, как между нами упал плащ... а, может, чья-то тень.

Утром проснулся раньше будильника. И сразу «старый» роман всплыл в сознании, а в душе – нежелание прикасаться к нему даже в мыслях.. «О Достоевском ляпнул зря, – подумал, стоя под тёплым душем, – но теперь этого позора не смыть. Если даже и напишу новый за месяц – бревно останется бревном и в орденах, и в лентах». Понемногу успокоился, представив, как бы посмеялся Фёдор Михайлович, услышав мои слова. Да и Толстой за компанию. Чтобы совсем успокоится, оставалось одно – послать вслед за главным редактором и замом ещё кого-нибудь. Кандидатура главного бухгалтера подходила как нельзя лучше... Было за что! «Мелко плаваю, – пришло откуда-то понимание. Уж если и посылать кого-то – себя. Точно: есть за что!» На душе полегчало. Вытираясь перед зеркалом, в глаза себе не смотрел, зато подробно изучил паука, замершего в углу на батуте паутины.

На работе сделал вид, что собираю материал для будущей статьи: звонил всем подряд, болтая о своём; не выходил из Интернета часами. А когда и это надоело – уселся поудобней в кресле на колёсиках (заехало как-то случайно в нашу комнату и прижилось) и, от нечего делать, начал тормозить прошлую жизнь. Пьянки-гулянки первыми вынырнули из глубины памяти, но я сразу отмёл их в сторону. «Натерпелась, наждалась, нагулялась, напилась, – улыбнулся в сердцах самому себе, – харе об этом!» В детство возвращаться не хотелось – ну, сколько можно бесконечно воровать чужие черешни, крыжовник и вытаптывать морковь на грядке! Рыбалку любил, но сидеть в редакции с удочкой в руках, пусть и эфемерной, тоже не дело. Вспомнились практические занятия в универе. Задание казалось простым – написать автопортрет. Просидел полчаса, не зная с чего начать. А написал минуты за полторы: « Я – есть я. Среднего роста. Глаза точно не голубые. Волосы длинные. Нос, говорят, классический. Губы

чувственные, хотя, может, и не об этом надо. Ценю дружбу. Согласен с мнением философов, что любовь – это не то, о чём вы сейчас подумали». Преподаватель улыбнулся, а девчонки уставились на мой нос, а может и губы. О жене вспоминать не было смысла – живёт рядом, а раньше я о ней даже не знал. Вот и все воспоминания! Постельных воспоминаний, правда, тома на три набралось бы. Красивая она у меня, стройная. Глаза... с чем бы сравнить? Я начал бродить взглядом по редакции. Как назло, ничего подходящего не находилось... Уставился на блюдце... Комедия получается. Да что искать давно найденное – как сливы в августе, и цвет, вроде, соответствует. Нос маленький. Уши маленькие. Ручки тонкие. Губки сладкие. Ножки ровные, гладкие. Стих получился:

*Губки сладкие,
Ножки гладкие...*

– Так можно и довоспоминаться, – сказал вслух, демонстративно рассматривая фигуру секретарши, проявившуюся в дверном проёме.

Та фыркнула, как необъезженная кобыла, и зацокала каблучками по коридору, не желая общаться с дураками, тем более женатыми. Попытался вспомнить выпускной... Как диплом вручали – увидел сразу. Как из-за стола в ресторане на перекур вылезал, тоже запомнилось – правой половиной пиджака провёз по тарелке деканши. Салат и селёдка оказались на скатерти. Как затянулся ментолом – помню... А дальше воспоминания, словно дым прошлого, выветрились из башки. По специальности работать не пошёл. С дружкой начали торговать стиральным порошком да бумагой туалетной. Фурами получали, фурами и продавали! Навар честно поровну делили. Одна мечта сбылась: хотел икры красной от пуза нажраться – вот и забил баночками холодильник. Ел, пока снится не начала. Перешёл на конфеты шоколадные с ликёром – об ящики спотыкался. Когда тошнить начало, помидоров солёных закупил. Хрена. Аджики. Много человеку не надо, главное, чтобы оно было! Потом бизнес накрылся медным тазом и пошёл я в экспедиторы. Натягался батареей чугунных и мешков с сахаром. Но мне по барабану было. К этому времени я уже писателем решил стать. Горький мешки таскал? Тягал! А я что

хуже Алексея Максимовича? «Видать, мало мне одного университета, – обронил однажды вслух, – и вспомнил, что журналист, блин, вообще-то я». Пошёл в редакцию. Сыро было. Декабрь. Грипп свирепствовал. Большинство журналистов, по домам сидело с градусниками под мышками. Меня взяли с испытательным сроком. Я особо не переживал – сумел вписаться в коллектив на крутом повороте своей жизни. Политику, коммуналку, разборки соседские возненавидел сразу. Но за них неплохо платили. Когда дописался до первого своего отпуска – не пошёл, компенсировал удовольствие деньгами. А вот второй решил взять. Усталость почувствовал от суеты сует. Остановиться захотел, оглянуться назад... или, хотя бы, на зад секретарши. «Остановиться, оглянуться на том случайном этаже, где нам приходится проснуться», – подумал вслух и улыбнулся солнечному лучу, забившемуся в пыльный угол ненавистной теперь уже комнаты.

*

Тяжелей всего – прощаться с женой!

– Я не в плаванье на год ухожу! – чего тужить-то, как заведённый повторял ей одну и ту же фразу.

– Но ведь уходишь! – не унималась супруга.

– Не от тебя же, а от работы проклятой!

– Это всё слова! Посмотри мне в глаза! Или тебе носки дороже? Что ты ими всё время любишься!

– Не могу! Стыдно мне, что я уезжаю, а ты сама на хозяйстве остаёшься! Но пойми, надо мне. Очень!

– У тебя кто-то появился? – не унималась жена. – Ко мне охладел совсем.

– Ты у меня единственная. И ты об этом знаешь! Просто я хочу написать роман, продать рукопись и поехать с тобой отдохнуть на славу. Пойми же, наконец, если книгу издадут, денег хватит на какое-то время. Засяду писать другую. Засветиться надо в кругах издательских. Имя заработать! А деньги заплатят.

– У тебя точно никого нет?

– Есть! Ты!

– Тебе смешно, а у меня предчувствие дурное. Да и сны стали сниться странные. Вернее один и тот же...

- Как у Левитанского: «Один и тот же сон мне повторяться стал...»
- Нет... Как в твоём стихотворении:

*Посреди сияющего мира,
Стало как-то холодно и сыро.
То ли туча тенью свет накрыла.
То ли вспомнил то, что прежде было.
А теперь лишь в памяти кружится,
Как над миром раненная птица.
Холодно и сыро стало сразу,
Счастлив словно не был я ни разу.
Будто вьюга в сердце след заносит.
А зачем? – никто её не спросит.
Для чего тот след вмиг стал незримым,
Чтоб никто не смог назвать любимым
Или чтоб не понял то, что снова
Из меня вдруг вылепило Слово....*

– Вот видишь, глупенькая, я и хочу понять, что из меня может вылепить Слово. Но сначала надо написать что-то... Хоть словечко, но написать. А уж если книгу!.. – точно разберусь или соседи подскажут.

*

Где писать новый роман – было всё равно. Везде люди есть. Комнаты везде сдаются. Шмоток много не брал – каждой «твари» по паре. Свитер, правда, один – на фигу в жару лишнее! Ноутбук. Мобилка. Если в Тьмутаракань какую судьба забросит – телеграммы каждый день давать буду, письма строчить. Начатый роман записал на диск и оставил дома. В ноутбуке удалил, чтобы не искушал даже. Честно должно быть всё! В литературе подавно. Предавать нельзя даже самого себя. Как это точно сказано: «Теперь я знаю, наверное, достаточно один раз предать, один раз солгать тому, во что верил, что любил и уже не выбраться из цепи предательства, уже можно не выбраться...» И если это откровение киногероя печалило, то жизнь в целом радовала – жена успокоилась сразу, как только я посмотрел ей в глаза.

– Езжай! Пиши! Издашь книгу – холодца наварю! – только и сказала, поцеловав не на прощание, а на скорую встречу.

После её слов мне стало страшно. Неужели в моём взгляде такая сила? Или другой кто-то во мне уже хозяйничает всюю? Двойник из какого-нибудь неизвестного доселе созвездия! Выскочив из подъезда, вышел на солнце проверить, отбрасываю я тень или уже нет. Тень крутилась у ног!

Успокоившись, почувствовал прилив сил, а затем и чувств. Странное что-то творится, размышлял я, направляясь в сторону автовокзала. Благо он был в двадцати минутах ходьбы от дома. Надо проверить себя ещё раз.

Решил подойти к милиционеру и предложить выпить холодного пивка на брудершафт. Заметив в скверике представителя правопорядка, так и сделал – подошёл. Посмотрел в глаза. Ляпнул про пиво. Меньшее, что ожидал – удара дубинкой поперёк, а потом и вдоль. Но, к моему удивлению, мент улыбнулся, похлопал меня по плечу и поблагодарил за предложение.

– Спасибо вам, – сказал, чуть ли не со слезами на глазах. – Обидно бывает, что к нам, в общей массе, негативно относятся. Я бы с вами выпил, но только после службы. Запишите мой мобильный, может, свидимся.

И я, ещё не веря себе, записал. «Народ не снами, народ против нас», – словами полковника Турбина из булгаковской пьесы удивил меня милиционер, протягивая руку на прощание.

На автовокзале, подойдя к кассе, попросил дать билет на ближайший рейс в любом направлении.

Кассирша не удивилась.

– Путешествуете? – спросила с неподдельным интересом.

– Нет!

– А что тогда?

– Еду, куда глаза глядят, хотя раньше туда можно было добратсья только пешком.

Кассирша рассмеялась.

– Весёлый вы! – хихикнула. – Сколько людей за смену прокрутится, а словом обмолвиться не с кем. Сижу, смотрю, как лица меляются в окошке... Криничное, Рублёвка, Новосёловка. Пятихатки – только и слушаю, в основном. А вам – Безымянное выпало!

– Не понял! – встрепенулся я. – Что выпало?

– Да, Безымянное! Раз в месяц туда автобус ходит. Не выгодно ездить. Дыра редкая!

– Судьба, значит! Её не обманешь! За именем еду в Безымянное... Вот начало романа и есть!

– Да вы писатель! – почему-то обрадовалась, как я уже сумел рассмотреть, обаятельная женщина. Артистов видела. Собачников наблюдала. Кто только не мелькал перед глазами. Был даже конюх! Но писателей... Вы первый ко мне заглянули на огонёк. Тяжело писать?

– Нет, – ответил коротко.

– Шутите?

– Плохо писать не тяжело! А все, в основном, так и пишут. Читали, небось, или хотя бы в магазин книжный заглядывали? Видели, сколько на полках разного? Я сначала книги покупал, читал некоторые. Потом плюнул...

– Это вы, наверное, от зависти так говорите. Люди, обычно, так и говорят... У меня свекровь такая – лакмусовая бумажка вместо языка. Всё распознает, на всё укажет, а сама палец о палец не ударит, чтобы жизнь свою лучше сделать. Мучается с мужем-алкашом, да по ночам плачет. Вы не плачете?

– А вы не простая! – рассмеялся я. – С виду на кассиршу похожи, а по сути – совесть автовокзала. Не от зависти я это сказал, а от лени своей. А на полках, действительно, полно разного... Хорошее тоже есть. Денег на него не хватает, вот и злюсь. И завидую, но зависть моя – светла! Тяжело писать, не переживайте! А вот кассиром быть – ещё тяжелее. Высиди тут, без кислорода, общась с такими недоумками, как я.

– Ну, это вы через чур... Перегнули... Пожалели бы себя! Зачем так говорить?

– Странная вы: ложь сказал – не нравится, правду изрёк – тоже возмущаетесь.

– Молчание – золото! – хихикнула кассирша.

– Если я помолчу два часа, что, богаче стану?

– Да, на два часа!

– Не задумывался! Сами-то писать не пробовали? У вас получилось бы.

– А чего там пробовать? Писала! И рисовала! И звезду новую хотела открыть... А теперь, вот с мужем-алкашом воюю... Это же мой муж, не свекрови... Поди, догадались сами?

– Нет, – признался честно. – Не врубился... Вы меня совсем запутали, хотя и распутать помогли кое-что.

– Вот и хорошо... Я родом из Безымянного. Поклонитесь ему от меня.

– С удовольствием! Давно так не беседовал. Думаю, страницы на две наш разговор затянет, а это уже хорошо! Спор проиграть не хочется.

– На деньги спорили?

– Хуже! Даже не знаю на что! А если проиграю, то лучше бы деньги отдал! Понимаете?

– Сочувствую... А предмет спора, если не секрет?

– Какой там секрет! – вздохнул я. – Ляпнул тут одному, что за месяц роман напишу, а тот взял, да подловил на слове. Будто мимо ушей пропустить не мог! Да... ещё Достоевского приплёл... Нашёл с кем тягаться! Вы знаете, никому не говорил, а вам скажу: ведь это правда, что потягаться хотел. И сейчас хочу! Думаю, он меня бы понял. Да и Толстой тоже!

– Вы и с Толстым потягаться хотите?

– Нет, с Толстым я хотел посмеяться над собой. Но после разговора с вами, понял: не авторитетов бояться надо. Не классиков и современников, серия библиотечная была раньше, помните? Знакомец мой в наследство её получил... Так не их бояться надо, а себя, лени своей, трусости... Зачем лезть на Эверест, если другие его уже завоевали? Вот чего бояться надо – мыслей таких. Другие лезут. Представляете: залез я на вершину, а там Достоевский с Толстым коньяк глушат. Увидели меня и кричат: «Иди, брат, к нам коньяк глушить, молодец что залез, не испугался!»

– Замечательно! – выдохнула кассирша. – Об этом роман будет!

– Думаю, и об этом тоже. Чем дольше мы беседуем, тем больше пустых страниц заполняется. Думаю, около четырёх тысяч знаков с пробелами мы уже наговорили.

– А сколько надо для книги-то?

– Смотря какой? Для хорошей – чем больше, тем лучше для читателя. Для плохой – и на нуле остановиться можно.

Рассчитавшись и получив билет, пошёл искать буфет – отправление автобуса время не поджимало. «Успею и пивка попить, – решил, – и покурить на свежем воздухе». Выпивку пагубной привычкой не считал. Курево – пятьдесят на пятьдесят.

Да, и не понимал до конца – курильщик я или нет! «Затянуться ароматом» любил, но не часто, не как приговорённый. Мог дымить, а мог и не доставать из пачки «пагубную привычку». Не тянуло меня к сигаретам постоянно. Ногти кусать – да! За годы достиг такого мастерства, что без пилочки мог легко обходиться. Жена с привычкой моей сначала боролась. Горчицей предлагала намазывать, перцем красным. Со временем – смирилась. Вот я и грыз в своё удовольствие...

Выпив два бокала «свежачка», крутился недалеко от сортира. «Хорошая мысль приходит опосля, – ругал себя, хотя и не очень, – ну, какой кретин в дорогу пьёт пиво? Только обезбашенный полнотью!» Часа через полтора равновесие между потребностями и возможностями организма восстановилось. За это время выкурил одну треть пачки. На рыбалке и то меньше смалил. Но если на природе дурные мысли, обычно, не донимали, то сейчас – наоборот: на смену одной приходила ещё хуже. То, что еду писать книгу – душой и сердцем принималось единогласно. Но для чего ехать туда, куда даже автобусы стараются колесить как можно реже – сердце не понимало, а душа отмалчивалась. Желудок не мог взять в толк, что будет есть, а печёнка – что пить. «Вдруг там местные умельцы самогон не варят, – мучил себя, – а магазинов вообще нету. Ни пива тебе, ни вина, ни водочки... Вдруг именно там год выдался неурожайным или засуха всех задолбала – ни картошечки, ни огурчиков свеженьких... что там ещё в городе-то водится – ни лучка зелёнького, ни петрушечки кучерявой! Ни другой вкусятини и витаминятины местной!»

– Прекращайте дымить! – услышал приказ за спиной.

Обернувшись, понял, что давно уже надо было занять место в автобусе – молоденькая контролёрша изучающее смотрела в мои глаза.

Спустя мгновение – сменила тон на более мягкий.

– Заходите, пожалуйста! Отправление через пять минут. Вы один у меня и остались – место ваше пустует! Вы же в Безымянное едете?

– Да! – спокойно ответил я и протянул билет.

– Вот и хорошо, до ночи доедите!

– Что, так далеко?

– Не то чтобы, но дорога... Никак не сделают. Колдобина

на колдобине, словно разбомбили её... Я не видела... Пассажиры рассказывали.

– Много их?

– Кого?

– Пассажиров?

– Сейчас?

– Да. И вообще?

– Вообще – мало! Сейчас как всегда...

– Спасибо! Добрая душа у вас! Утешили, я бы сказал, профессионально!

– Спасибо и вам! Было приятно пообщаться! Люда сказала, что писатель вы.

– Люда, это кассирша?

– Ага! Людмила Павловна! Хорошая она. Мне всегда с ней интересно.

– Мне тоже... было. А теперь еду.

– Ага! Скажите водителю, что билет я проверила. Пусть трогает! Счастливой дороги!

Я медленно зашёл в салон – чего спешить, если впереди одни ямы на дороге!

– Трогайте! – передал слова контролёрши.

– Вас? – улыбнулся водитель. – Вы же не баба, чего вас трогать!

– Тогда рвите когти!

Водитель недовольно отвернулся, истерично повернув ключ зажигания до упора. Показалось, что двигателю кто-то дал под зад, от неожиданности тот дёрнулся и завёлся. Водитель перекрестился... И ещё одна нехорошая мысль больно сжала моё сердце. «Может и мне перекреститься, – думал я, усаживаясь поудобней, – осенить себя крестным знаменем на всякий случай. Бабка в углу, видать, наконец-то решила принять христианство. Нет, крошки хлебные струшивает. Хватит накручивать себя, не в Диканьку, же, ввечеру еду. Остальные пять попутчиков спокойно же участь свою приняли!»

Автобус вырулил на трассу. Часа два ехали как в мягком вагоне, слегка подрагивая на стыках времени. Ещё час ползли по бульжной дороге. «Откуда она, – думал, – в двадцать первом веке живём же... ..же (в яму попали правым колесом), а тут такое! Забыли её, что ли, предки наши тут посреди лесов, густых, непроходи-

мых? Или это уже так потемнело, что рассмотреть ничего нельзя по сторонам?» Прошло ещё минут сорок, и я понял, что водитель крестился не зря. То, что мы преодолевали часа три, проехали бы минут за пятнадцать. Водитель оказался на высоте – ни одно колесо не пострадало во время пересечения «лунной поверхности» самого жуткого участка дороги. А потом опять пошёл асфальт. «Неисповедимы пути Господни, – пришло на ум, – а вслед за словами апостола Павла, пришли другие – Тютчева: нам не дано предугадать». Я ничему не удивился, вспомнив одно из своих стихотворений:

*Дороги, которые нас выбирают,
Над нами прозрачною тенью витают
И, с нами играя в суровые игры,
В сердца нам вонзают холодные иглы.*

*И трудно стоять на ветру, понимая,
Что годы уходят, лишь пыль поднимая.
И нету опоры в просторе великом
Хоть в небе высоком, хоть во поле диком.*

Время от времени незаметно поглядывал на пассажиров. В сумерках их лица казались «обесточенными». Ни один мускул не вздрагивал. Нервные тики не наблюдались. Старуха в углу опять что-то стряхнула с груди. «А не подойти ли, не познакомиться, – пришло на ум, – может у неё переночевать смогу или комнату снять. Вдруг у неё летняя кухня есть, флигель или другая халабуда какая!»

– Доброго вам вечера, бабушка! – как можно учтивее поздоровался с нею.

– Я не бабушка, – услышал в ответ. – За мной женихи табуном ходят.

– А вы боевая! – поддержал её.

– Как кобыла командармская!

Не зная, как обуздать своенравную старушку, решил импровизировать.

– Жеребца на постой не примите?

– Лучший жеребец – это мерин! – отчеканила та. – Но и жере-

бец согдится. С ним можно нормально ладить, пока он кобылой не заинтересуется. Говори, что хочешь?!

– В смысле, говорить что хочу – свободно высказывать своё мнение или что мне нужно?

– Если свататься решил – не тяни! Я согласна! Если денег занять, то мне сначала у тебя их одолжить придётся.

– Одалживать не надо. Я сам дам. Мне комната нужна или флигель. Месяца на полтора. Не сдаёте, случайно?

– Кому? Корове своей? Я бы тебе и так дала... сдала, то бишь! Да курями засрано всё. В хате лишь чисто. А хата маленькая, мне с тобой не разминуться. Есть у нас дом на окраине, старинный, с ремонтом... Двухэтажный дом тот. Видный! Сам найдёшь. Из автобуса выйдешь – иди прямо, никуда не сворачивай. Рядом с домом – другой, поменьше. Ворота зелёные. Постучишь, крикнешь: Иваныч! Николай и выйдет. У него спроси – в деньгах больно нуждается!

– Да, – согласился я. – Без денег всегда больно. Беда у него какая? Или чего?

– Беда! Если денег не видит, думает – ослеп. Ругать себя начинает. Наказывает – в погребе запирается. Однажды даже на цепь себя посадил, вместо волкодава своего. Сидел – всю ночь выл. Мы такого страха набрались. Утром собрали мелочи немного, бросили через забор. Замолчал! А позже захрюкал. Думали умом поехал. Оказалось: радовался так. Ты ему деньги сначала покажи, а потом уж рот открывай. Кумекаешь?

– Сообразил! А сколько показать?

– Все не показывай. Вдруг набросится! Ты за квартиру сколько платишь?

– До хрена с новыми тарифами-то!

– Вот до хрена и покажи, но не больше!

– Так летом же меньше оплата!

– Покажи, значит, краешки купюр! Он всё равно разум потеяет от счастья. А со счастливыми легче договариваться. Счастливые – они как дети! К волкодаву только близко не подходи – загрызёт, сука!

– Кобель или сука, – не понял я.

– Кобель, конечно!

– А при чём тут – сука?

– Это я так... Кобели – они все суки, по себе знаю!

Автобус завизжал. Остановился.

– Выходим! – сказала бабка, – Тебе – туда!

И она ткнула пальцем в грязное окно.

Мягкий ветерок приятно погладил по лицу.

Я стоял на чёрном асфальтовом квадрате площади, перед покосившейся хатой. Прямо по крыше суриком чья-то старательная рука вывела – «Автовокзал». Справа от него – примерно хат десять, слева – столько же.

– А где тут прямая дорога? – спросил я мужика, сидевшего на лавочке перед автовокзалом.

Тот сначала вопроса не понял.

– А где тут прямая дорога? – повторил я.

– Тебе, что, повылазило? – выплюнул мужик вместе с лузгой. – А это чё, по-твоему, между хатами?

– Тропинка!

– Кто отправился по тропинке, тот не вернулся, а кто отправился по столбовой дороге, тот вернулся! Выбирай сам!

– Столбовую дорогу выбираю! – сказал, не раздумывая.

– Вот и ступай! Тебе к кому?

– К тому, кто на цепи сидел!

– Старого пса к цепи не приучишь! Я тогда посмеялся только, но мелочи не пожалел – выгреб из кармана всю. Деньги – гости: то нет, то горсти. А к нему по доброй воле никто не приезжал ещё... Ступай! Обрадуется тебе. И не слушай, что люди говорят.

– Какие люди? – удивился я. – Если бы не вы, подумал, что меня в поле высадили. Это село у вас или городок?

– Родина моя, да и того «пса» тоже... Сейчас – село, а раньше тут хорошо было... Поблагодарив, побрёл по тропинке-дороге. Минут через пять, спохватился – передать поклон от кассирши забыл. Посмотрел по сторонам. Никого... Поклонился! Хотел от себя что-то добавить, но промолчал. «Молчание ж золото, – вспомнил разговор с Людмилой Павловной, – вот золота и отсыпал чуток!»

Дом на окраине увидел издалека. Приличный такой. «Не хилый domeц-то, – оценил сразу, – для села прямо хоромы! В городе не у каждого крутого такой есть. Потратился Иваныч – это видать издалека! Интересно, сторгуемся ли?»

И тут укололо в груди – жене не позвонил... Ни разу!

Достал мобильник. К удивлению, покосившаяся «пирамидка связи» светилась почти полностью. Значит, письма писать не придётся! Да и не умею я, как ни странно, сочинять их. А вот наши родители ещё писали. Деды. Бабки. Дикое время было. А с другой стороны – письма писать умели!

– Привет, дорогая, – отозвался на «алё». – Прости, что раньше не позвонил! Дорога совсем вымучила. Только-только в себя приходите начинаю. О тебе сразу подумал! Как ты?

– Думаю: а не завести ли себе любовника, пока ты там... в себя приходишь!

– Любовницу, – моднее будет! – Хочешь, своей номерок сброшу?

Жена положила трубку. Я улыбнулся: «Отключилась от слов моих...»

– Не дури, – набрал снова. – Пошутил же! Края тут такие – и шутки такие. Не обижайся, я ведь люблю только тебя.

– Только любишь?

– Не Только, а только...

– Правда?

– Что?

– Что любишь?

– Даже больше, чем правда, – истина!

– Смелый ты!

– Какой там смелый! Не знаю, как у тебя, а у меня тут ночь почти! А я ещё не знаю, где угол найду.

– Да ты что? Давай, бегом, ищи! Потом позвонишь. Целую!

Бегом не бегом, а дом отыскался. Двухэтажный. Рядом – тоже... нехилый. Спать бы не лёг чудак местный, а то темно в окнах что-то!

– Хозяин! – я постучал в железные ворота.

Слева из темноты донеслось глухое рычание.

– Х-о-з-я-и-н! – пробарабанил по окну.

А мысли уже не давали покоя: вдруг, напился и дрыхнет – сон хмельной крепок; вдруг в погребе закрылся до второго пришествия; вдруг, вообще, никого видеть не хочет. И всё-таки интересно было: как подойдёт к воротам, как спросит? Может, как в кино: «Кого принесла нелёгкая в такое позднее время?» А мо-

жет, стихами: «Кто стучится в дверь ко мне, с автоматом на ремне?» Или матом пошлёт!

Но всё случилось иначе. Иванович просто открыл дверь. Как подошёл – не слышал.

– Можно переночевать у вас или угол снять? – спросил я, сделав шаг навстречу.

– Ночуй, если приспичило! Давно тебя поджидаю...

*

– Хорошенькое дело! – прозвучал в голове голос Рины Зелёной из «древнего» фильма «Подкидыш». – Хорошенькое дело, повторил я шёпотом, чтобы меня не услышал гостеприимный хозяин. «Меня, оказывается, поджидали, – размышлял я, оглядываясь по сторонам, – ждали. Мистика!»

Пока осматривался – Иваныч молчал. Я старался по сторонам взглядом сильно не наяривать, да и темнота лежала по углам комнаты. Освещала её одна тусклая лампочка под потолком. Абжура не было. Вокруг меня стояла добротная, стильная мебель эпохи трёх мушкетёров. «Из какого-то замка спёр, – промелькнула мысль, – не иначе!».

Моё любопытство не осталось незамеченным.

– Нравится? – спросил благодетель.

– Очень! – не соврал я. – У меня такое ощущение, что сейчас в комнату войдут Атос, Портос, Арамис и Д’Артаньян. Один развалится в кресле, остальные на этом резном диване. Размерчик, что надо – поместятся все.

Глаза хозяина не скрывали – речь странника пришлась ему по душе. «Вот и слава Богу, – подумал я, – угодить доброхоту дело святое». И я повнимательней присмотрелся к человеку, впустившего незнакомца в свой дом. Крепкий. Большие руки. Выше меня. Одет просто – рубашка, спортивные брюки времён СССР. Я такие видел не раз. Лицо казалось вытянутым. Глаза быстрые – будто хозяин всё время искал что-то. Нос ровный, без горбинки. Губы как губы. Нормальный мужик, если заедет правой – мало не покажется. Да и от левой достанется. С таким здороваться лучше на расстоянии кивком головы.

– Меня Жора звать, – наконец сообразил назвать себя. – По-

проситься к вам на постой мне посоветовали люди добрые – вместе ехали. Бабулька такая... Ела всё время что-то!

– Знаю такую! Она и себя бы съела... Добрые, говоришь? С кем ещё ехал?

– Не знаю. Дядечки какие-то. Они словно в другом автобусе были – сидели молча всю дорогу. Но, если честно, я не прислушивался. Да и автобус громыхал и дребезжал. Дороги у вас, сами знаете какие.

– Дороги у нас разные, Жора! Но ты видно этого не понял!

«Ага, – почувствовал я хитрость, – темнит их благородие что-то. Да и тот мужик, возле автовокзала, всё поговорками говорил. Думал, только один он, умник, на всё село».

– Разные! – согласился я. – Но не мы их выбираем – они нас.

– О как! – аж подпрыгнул Николай Иванович. – А говорят, молодёжь сейчас вся с червоточиной в душах. Уткнуться в свои... эти... компьютера бесовские. Ты как, тоже с чертями заодно?

Тут уже подпрыгнул я.

– Что это вы, на ночь глядя, о нечистой заговорили. Скажу честно, компьютер с собой привёз – для работы нужен. Ноутбук называется. Удобная штука. Если вы крещенской водой обливать не станете, завтра покажу и расскажу подробно. А ещё телефон мобильный в кармане лежит. В любой момент зазвонить может. Ночью тоже. Не выключаю. Привычка журналистская.

– Так ты ещё и журналист! Политикам жопы лижешь!

– Я ещё и писатель! Книги пишу! Читателям пока ничего не облизывал, как и политикам, кстати, тоже.

Иваныч подскочил поближе. Сжал губы. Зубы заскрипели. Зыркнул на меня и наши взгляды схлестнулись.

То, что случилось дальше, я и ожидал, и уже знал.

– Покажешь компьютер завтра! – тихим голосом попросил он.

Передо мной стоял совсем другой человек. Не тот, что минуту назад. Более умиротворённый, что ли...

– Зачем тянуть до завтра! Сейчас покажу, раз вам так интересно стало.

И я достал ноутбук из сумки.

Голубой экран подтянул нас поближе к себе. Я заливался соловьём, рассказывая о всех преимуществах современных технологий перед старой жизнью – жизнью наших бабушек и прадедушек.

Иваныч впитывал молча. Часа через полтора, вздохнул тяжело:
– Брехали, гады... Сколько бы я ещё сделал, будь у меня такая штука! А то у нас ни библиотеки, ни киоска газетного... Один телек, а там одно говно! Ладно... А завтра дашь позвонить, есть кому. Номерок на столе записан. Уже года как три, а не вытирается. Есть будешь?

– Буду! – ответил. – Водку забыл взять, вы простите, спешил очень! Да и мысли разные покоя не давали.

– Они такие, – согласился хозяин. – Беспокойные гости... Сам знаю. А водку мы не пьём, она – говно! Мы тут своим душе помогаем! Разным! Есть и на травах! Настойка! Будешь?

– Не откажусь, устал с дороги.

Минут через пятнадцать стол радовал глаз.

Больше всего понравились консервированные грибы и ма-ринованный карп. Настойка на травах оказалась пиратским зельем. От позора поражения меня спас опыт матёрого грузчика. Я пил наравне. С резного стула не сваливался. Не глотал слова. Держался мужественно и, как мне показалось, хозяину дома (чуть не сказал: пришёлся по вкусу) понравился, хоть и был человеком из другой жизни, так не похожей на его, затерянную в глуши, пусть и не совсем дикой, но глуши.

*

Странно очень... но утром похмелье почти не мучило. Сухость во рту – да, куда ж без неё! Но голова не болела, руки не тряслись, глаза не чесались, ломота не «ломотила». Я лежал на диване трёх мушкетёров и Д'Артаньяна. В комнате вовсю хозяйничало раннее солнце, освещая в моей памяти все тёмные углы вчерашнего вечера. «Хорошо посидели. Давно меня так не встречали», – подумал я. И вдруг, словно током ударили слова хозяина: «Давно тебя поджидаю...» Мне стало как-то не по себе. Я про «давно» подумал, и шеф-повар вчерашнего застолья это же слово проронил. Нет, не показалось, точно сказал, пропуская во двор, и так именно: «Давно тебя поджидаю». На ум пришли слова мудрого медвежонка: «Это жи-жи-жи – неспроста!» А, может, глупость всё это.

Загадочный Иваныч по дому не шастал.

Тишина аж звенела в ушах.

– Вставай! – приказал сам себе...

*

Вышел на улицу.

Подошёл к дому-музею Николая Ивановича.

Решил испытать судьбу и ещё раз проверить, отбрасываю тень или нет.

Посмотрел.

Напрасно посмотрел – тучи плотно закрыли солнце. Оставалась только судьба...

Я надавил большим пальцем на щеколду и шагнул навстречу неизвестности.

*

Пёс появился из ниоткуда. Он стоял в метрах десяти от меня и тяжело дышал. Я посмотрел в его огромные глаза. Он – в мои... «Иди сюда! – спокойно приказал я. Не бойся! Иди!»

Сказать, что он сорвался с места – не правильно! Он «выстрелил», как до упора сжатая пружина, и полетел прямо на меня. Но я стоял, где стоял, словно это был не я, а бетонный столб, столкновение с которым не сулило ничего хорошего.

Ожидал этого кобель или нет, но его будто кто-то выключил в последний момент. Он замер в метре от меня. Сел, не издав ни единого рыка в мой адрес.

– Ты знаешь, что мир не так уже и плох... – сказал ему, не отрывая свой взгляд от его глаз. – Там, за этими воротами не только козлы и твари, там ещё есть и суки, управляющие нами одним движением бровей. Ты – раб, а значит, о свободе знаешь гораздо больше любого жителя этой безымянной дыры. Пойдёшь со мной без оков, и никто не будет хлестать плетью по твоим впалым бокам. Отныне ты мой друг, а выше дружбы только любовь.

Если бы я продолжил и дальше свою пламенную речь в таком духе, пёс наверняка бы ответил: «Да, сэр! Слушаюсь, сэр!» Но я замолчал, повернулся на сто восемьдесят градусов и медленно вышел со двора. Не оглядывался. Просто шёл по улице. Был спокоен, как никогда. Спустя некоторое время почувствовал, как холодный и мокрый нос прикоснулся к моим пальцам. Я остановился. Повернулся. Взял пса за мохнатую морду двумя руками – сверху и внизу. Слегка сжал их.

Видишь, Цербер, тебя могут держать на цепи, но удержать смогут только слова. Когда я напишу книгу, обязательно прочитаю тебе её. Я искал героя для одной из глав – теперь ты есть у меня. Иди, побегай, но не вздумай заглатывать кур целиком! И я разжал руки.

Пёс полез целоваться, встав на дыбы как необъезженный конь. Его лапы упали мне на плечи, а от его языка бесполезно было уклоняться. Я закрыл глаза. «После такого массажа, на лице, точно, должны появиться синяки», – первое, о чём подумал. Но то, что почувствовал сердцем, было намного глубже той радости, которую испытывал всем телом. Оказывается, тело может радоваться! Ликовать по-своему, посылая необычно-приятные импульсы куда-то очень глубоко – в душу, а может, ещё глубже!

– Ну, хватит. Хватит, дружище! – попросил я.

И пёс понял.

– Иди рядом, словно мы давние знакомые. Людей не пугай. А чтобы нам не пришлось вставлять стёкла, не вздумай хотя бы раз гавкнуть. Набери в рот воды из лужи! О своих зубах даже не думай. Они красивые! Но не все ценят красоту... В общем, слушай меня и не спорь! Погуляем – себя покажем и на людей поглядим!

...Гуляли долго. Обошли всё село. Сходили на луг. Нашли речку – наплавались вволю. Домой вернулись часам к четырём. Во дворе нас уже поджидал Николай Иванович. По выражению его лица можно было понять, что старик понятия не имеет, что нам сказать и как вести себя. Он просто смотрел на нас, как за-гипнотизированный.

Первым начал я:

– Не сердчайте, мы лишь немного погуляли!

– А если бы он тебя загрыз, – отозвался хозяин пса. – Я чуть сума не сошёл. Бегал – искал вас. Спасибо людям, рассказали, что видели, как вы в конторе дружно через забор перелезали!

– Это я перелезал, Цербер перемахнул его – раз... Всё хорошо. Он – умный. Мы подружились и проголодались. Пару огурцов с чьей-то грядки он съел, от морковки отказался. Думаю, сельяне простят нас. Мне морковь тоже не пошла.

– Я не понимаю, – Николай Иванович подошёл поближе. – Я не понимаю, чем ты его взял?

– Как говорил один профессор: добротой и лаской. Он – отличный! Не смотрите на него так, а то он ещё заплачет!

- Кто?
- Он!
- Шарик?
- Какой шарик? Его что Шариком зовут?
- Да!

Судя по размерчику, надо было назвать Воздушным Шаром!

- Он же маленьким был, когда нашёл в лесу... и назвал так.

- Шарик! – улыбнулся я, погладив кобеля. – И что это тебя в лес занесло?

- Бродил голодный. Хотел удрать, кусался... На него мешок набросил – он как зарычит. Я подумал, медведь сзади подкрался... Еле совладал. Домой принёс. Накормил. Через месяц уже дом охранял. Сначала на цепь посадил. Года два сидел. Печальным стал каким-то. Понимаешь, видно было, что печаль его съедает. Он даже в росте усел. Вот я цепь и запрятал до поры... Надо было её в колодец бросить.

- Надо было! Но вы не расстраивайтесь, мы, в каком-то смысле, все на цепи сидим. У каждого своя... А Шарик – не его имя...

- Откуда знаешь?

- Он сказал... Шучу! Чувствую! Посмотрите на него, верите, что он – Шарик?

- Не очень...

- То-то... У меня язык не поворачивается называть его Шариком!

- Он привык уже...

- К цепи тоже привык?

- Нет!

- Имя – судьба...

- Значит, она у него такая!

- Похоже на то... Но Кираш звучит лучше. Как тебе? – я посмотрел на пса.

- Странный ты, – улыбнулся Иваныч. – Зови как хочешь. Говорят, все писатели чокнутые. Напридумываете разного... а вам ещё и деньги за это платят.

- Да, мы такие! – рассмеялся я. – Здесь, в селе, вы... директор музея, скажем так. А у меня в книге будете... посланцем... гонцом... или типа того! Будете сниться главному герою, приходите в его сны из другого мира. Не-не, не из того – иного! Их же много

миров? Параллельных! Я вам сегодня кино покажу – натерпитесь страху-то!

– А ты не смейся! – серьёзно сказал Николай Иванович. – Кино, говоришь... Страху... Никому не показывал – тебе покажу! Есть в тебе что-то, пёс, ведь к тебе всё жмётся! А там сам решишь, есть они другие миры или нет! Параллельные...

ПЕРСИКОВЫЙ КОФЕ
(отрывок из повести)

«Эх, сейчас бы этим лифтом, да куда-нибудь... – размечтался Фёдор. – Лето, солнце, настроение классное, а тут – понедельник».

В кабину лифта вошла русоволосая девушка. Двери закрылись, и лифт начал медленно подниматься, вроде его тоже понедельник не радовал.

«Да ещё бы вместе с ней», – уточнил своё желание Фёдор, ощупывая взглядом незнакомку.

Аккуратно подобранные каштановые волосы оголяли изящную шею Катерины. Лёгкий аромат духов добавлял очарования её милому личику. Внимание Фёдора прилипло к хрупкой фигурке, обтянутой недорогим стильным платьем. Он скользил по ней взглядом от плеч до бедер и обратно, то и дело цепляясь за свисающий клатч. Какое ему было дело, что сумочку Катерина подобрала в тон туфлям, а браслет – к цвету глаз?.. Хотя глаза, да – большие, серо-зелёные; взгляд взволнованный – от этого она виделась Фёдору ещё привлекательнее.

Жизнерадостная молодость!.. Неудивительно, что у Фёдора из головы вылетели мысли о работе, а на их месте распахнулось воображение: солнечный день, яхта, красивая пара... Он видел себя в лёгкой льняной одежде, рубаха нараспашку, отросшие тёмно-русые волосы трепет встречный ветер, а рядом – она...

Катерина пришла на собеседование. Её главным желанием было – не услышать в свой адрес слово «нет». В большом городе непросто найти достойную работу, тем более, сразу по окончании университета: где же взять требуемый опыт?

Фёдор без стеснения разглядывал Катерину. Лифт остановился. Вошли двое сотрудников: женщина с папками и седоволосый мужчина.

Женщина со вздохом расстегнула верхнюю пуговицу блузки, чтоб легче дышалось, и отвернулась в сторону. Видимо ей не хотелось видеть эти папки, и денёк-другой отдохнуть точно

не отказалась бы. Её серые, чуть светлее, чем у Катерины, глаза не выражали эмоций. Упругие «соломенные» волосы едва удерживала костяная заколка: казалось, она вот-вот с громким щелчком отскочит, распутив густую копну.

Сытого вида мужчина встал перед самой дверью, оттеснив Катерину. Дорогой костюм на нём сидел идеально, не смотря на грузность фигуры, а вот настроения, похоже, не было. Он заложил руки за спину ладонью на ладонь и поднял голову, выставив подбородок. Его взгляд «держал свою точку зрения» и был устремлён в мир, где остальные пассажиры отсутствовали.

Двери кабины закрылись. Лифт мягко пошёл вверх.

Минута, две, пять... безостановочное движение показалось нескончаемо долгим. Пассажиры забеспокоились.

– Он что, испортился? – удивлённо спросила женщина с папками.

Лифт действительно должен был давно остановиться.

Седой мужчина надавил поочерёдно на кнопки «стоп» и «вызов», но они не сработали.

– Может, только кажется, что мы долго едем? – пробормотал Фёдор.

– Может, – женщина с папками посмотрела на дорогие часы, украшавшие её запястье.

– По ощущению – минут десять движемся, – взгляд седого мужчины стал подозрительным.

– В этом здании этажей – на пять минут подъёма, – ответил Фёдор.

– У меня через пятнадцать минут собеседование, – чуть слышно сказала, молчавшая до сих пор, Катерина. – Хотелось прийти вовремя...

Неожиданно лифт остановился, двери открылись.

– Какой этаж? – спросила женщина с папками.

– Сейчас разберёмся, – властным тоном ответил седой мужчина.

Все четверо вышли из кабины и очутились в длинном светлом коридоре. Нигде не было ни окон, ни осветительных ламп, ни дверей. Откуда исходил свет – понять было невозможно. По полу в бесконечность тянулась мягкая ковровая дорожка зелёного цвета.

– Вот это да! – воскликнул Фёдор. – И на каком этаже у нас такое?

– Уважаемые, где же двери? – седой мужчина стал заметно волноваться.

– Какие? – женщина с папками растерянно оглядывалась по сторонам.

– Хотя бы, какие-нибудь, – разволновался Фёдор и, осмотревшись, тихо произнёс: «А может мы умерли в оборвавшемся лифте, просто не заметили этого?»

Вмиг, будто из ниоткуда, перед ними открылась дверь. Из неё вышла девушка в строгом светлом костюме, с искусственной улыбкой на лице.

– Входите, вас ожидают, – обратилась она к Фёдору.

– Меня? – настороженно удивился он. – Меня одного?

– Входите, входите, – настойчиво сказала девушка.

Не упуская момента, седой мужчина тут же обратился к ней: «Меня интересует...» Но она его прервала: «Остальных прошу подождать».

Фёдор робко шагнул за единственную в этом коридоре дверь, над ней красовалась надпись «Где-нибудь».

За столом просторного кабинета, откинувшись на спинку рабочего кресла, сидел средних лет мужчина, в строгом костюме такого же цвета, как и у девушки, встретившей их в коридоре. Гладко зачёсанные назад тёмные волосы делали его лицо настолько открытым, что можно было бы с лёгкостью прочесть на нём любую эмоцию, но их не было – ни одной. В руке он держал фирменный бланк с зелёной печатью.

– Что ж, Фёдор Тимофеевич, – бравурно произнес мужчина, – поздравляю, успел! Все группы уже укомплектованы. Твоя последняя. Вот только в заявке указаны двое – ты и Екатерина Юрьевна. А прибыло вас четверо. С ними как поступим?

Фёдор молчал. Мысли, будто застыли, а рот – он просто не открывался.

Мужчина встал из-за стола, подошёл ближе и показал лист, на котором красовалась размашистая запись, сделанная рукой Фёдора: «Да ещё бы вместе с ней» – бегло прочёл он.

– Вот здесь указаны места, которые ты желал посетить с Екатериной Юрьевной.

Фёдор вспомнил, как заиграло его воображение при виде вошедшей в лифт незнакомки. Он действительно был не прочь отдохнуть где-нибудь с понравившийся ему девушкой. Но те мысли были мимолётными и, скорее всего, не серьёзными, как ему думалось.

– Несерьёзных мыслей не бывает, – ответил мужчина, усаживаясь в свое кресло. – Но, размечтайся ты парой минут позже – сидел бы сейчас за своим рабочим столом, заваленным ворохом бумаг, которым не можешь дать ладу уже вторую неделю. В твоём случае действительно пора отдохнуть. Вот и решили добавить тебя в список, можно сказать, безотлагательно.

– Какой ещё список? – не переставал удивляться Фёдор.

– Путешественников, разумеется. И, конечно же, вместе с объектом твоего желания, – при этом мужчина лукаво улыбнулся. Но в следующий миг его лицо снова стало серьёзным.

– По-другому это никак нельзя было организовать?

– Скорость исполнения желаний бывает разной, – мужчина говорил неторопливо и за каждым его словом виделись образы, но Фёдор не мог их понять и это его пугало. Он старался не выказывать своего состояния; в любом случае стоило разобраться – в чём дело.

В кабинете раздался телефонный звонок. Мужчина поднёс к уху трубку, внимательно выслушал и, взглянув на Фёдора, ответил: «Да-да, есть. Туда же? Я думаю – да».

– Что ж, – не отводя от него взгляда, продолжил мужчина, – группу твою в составе четверых человек утвердили. Ты в ней – старший.

– Какая группа? Какой старший? – негодование Фёдора вот-вот могло перерасти в панику.

Но тут открылась дверь и в кабинет вошли: женщина с папками, седой мужчина и Катерина. Глубоко взволнованные и возбуждённые, они жаждали объяснений.

Неожиданно первой заговорила робкая на вид Катерина, решившая что волей случая попала прямо к руководителю предприятия.

– Добрый день, Александр Владимирович.

Хозяин кабинета вздохнул и указал вошедшим на стоящие рядом со столом стулья:

– Присядьте, пожалуйста.

Он посмотрел на гостей участливым взглядом:

– Видите ли, у каждого из вас есть похожие желания. В чём-то они отличаются, но в главном совпадают. Моя задача – сориентировать вас в пространстве предстоящего путешествия.

– Какого путешествия?! – вырвалось у седого мужчины. Его возмущение тут же поддержала женщина с папками:

– Мы не собирались путешествовать...

– Согласен, такое понять сложно, – продолжал хозяин кабинета. – Вы попали сюда необычным для вас образом. К нам ведут разные пути, поверьте. Но в этот раз всё определила скорость принятого решения. Она совпала с возможностью реализовать ваши планы. На сегодня главный заказчик – Фёдор Тимофеевич. Его, вот уже третий месяц, не покидают мысли об отпуске. Сильные мысли, крепкие, цепкие. Он полностью отрешился от работы. Не стоит от него ждать планов и отчётов: им сейчас нет места в его голове. Екатерина Юрьевна – объект необходимый для соблюдения условий; ничего не поделать. Но будет неправильным не уточнить, что и у неё есть аналогичное желание. Ей невдомёк, почему нельзя после окончания университета отдохнуть, да так чтоб запомнилось на всю жизнь, которая, по сути, только начинается. И, наконец, двое не разобравшихся в своих желаниях – вы, дорогие Вера Николаевна и Александр Владимирович.

Катерина вопросительно посмотрела на седого мужчину.

– Как видите, вы не опоздали на запланированную встречу – она состоялась, – хозяин кабинета взглянул на неё. – Но если этим двоим трудоголикам не навязать отдых силой, они сами вымотаются и подчинённых уморят. Александр Владимирович уже пять с половиной лет не был в отпуске и столько же не даёт продыху Вере Николаевне. Так что можете это назвать отпуском по горячей путёвке, – он усмехнулся. – Исполнилось ваше желание.

– Что, одно на всех? – недовольно воскликнул Фёдор.

– Назовём его общим. Все желания, которые будут у вас возникать на маршруте, мы обязуемся фиксировать и вносить поправки. Каждый из вас получит телефон для экстренной связи на крайний случай. На нём есть жёлтая кнопка. Нажав её, вы получите любую консультацию. Мы не оставляем без внимания путешественников во вневременном пространстве. Вы пройдёте

на инструктаж, получите копии своих желаний и карты маршрута с приложением для ориентирования на местности. Подробности узнаете от инструктора. И главное – не волнуйтесь: что-либо плохое с вами может случиться исключительно по вашему желанию.

Хозяин кабинета нажал зелёную кнопку на пульте с краю стола. Дверь открылась. Вошла девушка знакомая туристам поневоле.

– В восьмой зал? – спросила она.

– Да, – коротко ответил тот.

***

Группа Фёдора Тимофеевича – так она теперь называлась, направилась к лифту.

– Не волнуйтесь, – сопровождающая заметила настороженное замешательство туристов. – Здесь вам ничего не грозит.

Они спустились на два этажа и, пройдя по коридору, вошли в зал. Каждому вручили белый пакет с зелёной эмблемой и четырёхзначным номером под ней. На пакете красовалось изображение бабочки: половина её была в замкнутом круге, другая за его пределом.

Сопровождающая девушка указала на свободные места и вышла за двери. Сев в кресло, Фёдор огляделся по сторонам: зал был заполнен людьми. Инструктор, объявив перекличку, стал называть имена присутствующих. Среди них слышались немецкие, арабские, английские, китайские и ещё непонятно какие. Фёдор оценил знание русского языка жителями планеты – ведь именно на нём он слышал речь выступающего. По окончании собрания он подошёл к Фёдору: «А теперь, что касается вашего вопроса».

Фёдор удивился, не припоминая, чтобы спрашивал о чём-то.

– Инструктаж я вёл на одном языке, – начал объяснять мужчина, чем-то похожий на того, который их сюда отправил. – Но каждый из присутствующих понимал мою речь, согласно своему языковому воспитанию. Так легче достичь взаимопонимания. Не исключено, что пути групп могут пересекаться на любых участках маршрутов. Для таких случаев и предусмотрено полное устранение языковых барьеров, у вас это называют телепатией. Благодаря этому ваш отдых будет полноценным. Теперь вас проводят в комнаты

для адаптации. До утра можете провести время на своё усмотрение. В каждом номере есть всё необходимое. На столах телефоны прямой линии на случай, если возникнут вопросы.

– Уже возник, – обратился к нему Александр Владимирович. – А как бы это назад, на законное рабочее место?

– Увы, всё утверждено. Уверяю, волноваться не стоит. Если вы здесь оказались, значит это нужно именно вам. И раз уж предоставилась такая чудесная возможность. Желая разумно ею воспользоваться.

***

Не поняв, что именно хотел от себя сказать инструктор, все четверо поднялись на свой этаж и разошлись по комнатам – они располагались рядом. Фёдор, не снимая обуви, рухнул на широкую тахту:

– Эх! Сейчас как усну!.. Проснусь дома, кот в кресле...

Тут же что-то зашуршало. От неожиданного звука Фёдор вскочил и увидел потягивающегося кота – точь-в-точь своего Барса.

– Ты откуда взялся? – обратился он к животному. – Тоже загадал желание? – и немного помолчав, с ухмылкой ответил самому себе: «Ах, да, оно было моим».

Кот спрыгнул с кресла и медленно прошёл к двери. Как раз в этот момент в неё постучали.

– Войдите.

– Как я понимаю, помешать здесь невозможно, – сказал, входя в комнату, Александр Владимирович.

– Похоже на то, – Фёдор поднялся с тахты и предложил гостю расположиться в кресле, с которого только что ушёл непонятно откуда взявшийся кот.

– Скажите, Фёдор, – начал он по привычке официально, – что из всего происходящего можно понять? Мне пятьдесят четыре года. За плечами два высших образования, превосходный опыт работы, четыре иностранных языка знаю в совершенстве. Не было ни одной ситуации, которую бы я не предусмотрел. Никогда не мог назвать себя неспособным или неудачливым – и вдруг!.. Что всё это значит? – он посмотрел Фёдору в глаза. – Можете вы в курсе, если назначены старшим группы?

Фёдор был в замешательстве не меньше, чем Александр Владимирович. По долгу службы он редко виделся с генеральным директором их учреждения, тот и лифтом другим обычно пользовался. А тут ещё и стать главным над ним, хотя и не по своей воле... Но, не успел он собраться с мыслями, как снова раздался стук в дверь.

– Да! – крикнул он.

– Можно войти? – переступив порог, спросила, Вера Николаевна.

– Конечно. Думаю, стоит и Катерину сразу позвать.

Вера Николаевна вышла из комнаты, и через пару минут вернулась с Екатериной.

– Да, приговорили нас, – Фёдор тоскливым взглядом осмотрелся по сторонам.

В плену глухих стен светлого кобальта, закруглённых к потолку и к полу, создавалась иллюзия пребывания в приплюснутой сфере. Окна отсутствовали, как и везде в этом странном месте. Мягкий свет равномерно заполнял комнату. Ничего лишнего: пара кресел, столик, тахта и настенные часы. Но впечатление было таким, что здесь есть всё, что душе угодно. Ощущалось состояние полного комфорта. Причём каждый из четверых чувствовал его по-своему.

– Интересно, насколько всё это реально? – спросила Вера Фёдоровна.

– Вряд ли мы одновременно видим один и тот же сон, – ответил ей Александр Владимирович. – Вы же не будите во сне носить свои папки. Хотя с вашей работой они вполне могут сниться по ночам. Но сейчас преспокойно лежат у вас в комнате, можете в этом убедиться.

– А вдруг уже не лежат? – подтрунил Фёдор.

– Да что вы?! Там валютные отчёты, – подхватила, уже присев на тахту, Вера Николаевна и, что-то бормоча, поспешно вышла за дверь.

Остальные переглянулись. Фёдор заговорческим тоном сказал:

– Предлагаю делать ставки на её папки. Уверен – их там нет. У кого другое мнение?

– Если наши подозрения правильны, то папок тут быть

не должно, – начал рассуждать Александр Владимирович. – Они ей здесь просто ни к чему. Тем более в каком-то там путешествии.

– А я думаю, что всё в порядке, – неуверенно произнесла Катерина.

– Это понимать как «да», или «нет»? – попросил уточнить Фёдор.

– Наверное, кто-то пошутил с нами, – робко ответила она. – Скоро всё выяснится и у нас появится повод посмеяться.

Открылась дверь и в комнату вошла Вера Николаевна.

– Момент истины! – выкрикнул Фёдор.

– Нет папок, – сказала она с дрожью в голосе.

– И быть не может, – как само собой разумеющееся, подытожил Александр Владимирович. – Не место им тут. Отдохните от них наконец-то, расслабьтесь.

– Вижу, вам весело. А мне отчитываться. Между прочим, перед вами же.

– Давайте для начала вернёмся из предстоящего путешествия, а там будет видно. Во всяком случае, эти папки меня сейчас волнуют меньше всего. Я начинаю сомневаться в собственном благоразумии, а тут какие-то отчёты. Перед кем? Кому они здесь нужны?

Он вдруг громко рассмеялся. Вера Николаевна с удивлением посмотрела на своего начальника.

– Что ещё не так? – спросил он.

– Я вас никогда таким не видела.

– В каком смысле?

– Вы всегда собранный, сконцентрированный, сказала бы «сжатый в кулак»... Нет, я догадывалась, что можете быть веселее и проще. Но чтоб так резко...

– Вот! – снова вскрикнул Фёдор. – Вот ещё одно желание выяснилось!

– Что значит «ещё одно»? – Александр Владимирович подозрительно прищурился.

– Ну, во-первых – мы здесь, – объяснил Фёдор, – во-вторых: отсюда только что ушёл мой кот; в-третьих – фокус с папками; и вот – Вера Николаевна наконец-то увидела настоящего Александра Владимировича. Думаю, пора взять список и начать зачёркивать уже сбывшиеся желания.

– Как не стыдно, – одёрнула его Катерина. – Они на много старше нас...

Но Александр Владимирович не дал договорить:

– У меня такое ощущение, будто здесь нет старших и младших, не сочтите за иронию. Кажется, что мы все – одногодки. Интересно, это только меня коснулось?

– А мне показалось, что я стал немного старше, – неприлично серьёзно ответил Фёдор. – Сравнить не с чем, я ведь не знаю, каким буду лет через десять. Просто возникло такое ощущение. Откуда – не спрашивайте, не отвечу.

– Но выглядим по-прежнему – каждый на свои годы, – вздохнула Вера Фёдоровна. – Кстати, обратите внимание – здесь нет зеркала, хотя этот факт совершенно не волнует.

***

В непринуждённой беседе, как старые друзья, все перешли на «ты» и стали понимать друг друга с полуслова. Возрастной барьер исчез. У них оказалось много общего: вкусы, привычки, взгляды... Даже отчества в какой-то мере их объединяли: Вериного отца, как оказалось, при рождении хотели назвать Юрием. Его так и называли до самой регистрации, а при заполнении бланка неожиданно передумали и он стал Николаем. А у Кати Николаем звали деда. Александр не мог провести параллель в отчестве и даже «праотчестве», но имя его сына – Тимофей, хотя, как он признался, сперва хотели назвать Фёдором. Поначалу друзья выискивали во всём этом мистическую закономерность, но потом согласились с обыкновенным совпадением: тёзки – явление распространённое.

Весь вечер – так им казалось, они толковали на самые разные темы. Выяснилось, что того, к чему стремился Фёдор – давно достиг Александр; в чём сомневалась Катерина – утвердилась Вера. Они охотно делились советами и впечатлениями, не сдерживая себя в эмоциях и чувствовали, что рады друг другу.

– Хоть молодость на меня, можно сказать – нагрязнула, а всё же не откажусь прилечь на пару часиков, – Александр потянулся, разведя руки в стороны. – Тело просит горизонтального положения.

– Видно десяток годков до молодости-то не дотянул, – усмехнулся Фёдор и шутиливо подмигнул ему.

– Вот сейчас и наверстаю упущенное изнурительным отдыхом.

– А который час? – поинтересовалась Катерина. Вера привычно взглянула на запястье, с удивлением обнаружила, что наручных часов нет, но этот факт её ничуть не смутил – будто она заведомо оставила их дома. Она только пожала плечами, сожалея, что не может ответить Катерине.

Фёдор поднялся с тахты, подошёл к висевшим на стене часам, и восторженно воскликнул: – Июнь!

– Понятно, не февраль. Времени-то сколько?

– Ну, это уже кому как. Скорее всего, у всех по-разному. На этих часах вместо цифр – названия месяцев. Так что просидели мы тут до мая с четвертью.

Остальные тоже подошли к часам, рассмотрели то, что обычно называют циферблатом, переглянулись, но не удивились. Такая идея им показалась даже забавной. Постояв недолго перед оригинальным прибором времяисчисления, Александр посмотрел на «однотруппников»:

– Такое впечатление, что нас психически «обработали». На короткие мгновения мне удаётся мысленно вернуться в тот злополучный лифт, в тот отрезок времени. Я пытаюсь «оттуда» оценить эту ситуацию. Но будто кто-то не даёт проанализировать. Меня снова возвращают в теперешнее блаженство.

– Я ничего похожего не заметил, – сказал Фёдор. – Меня полностью устраивает наше положение.

– Могу объяснить: ты моложе. Твой прожитый отрезок времени меньше моего. Именно поэтому то, о чём я подозреваю, тебя заполнило быстрее. Напрашивается вывод: доза для всех одинаковая, – он сделал паузу, улыбнулся. – Всё же пойду отдыхать. Приятных снов.

Все разошлись по своим комнатам, оставив Фёдора в одиночестве. Он лёг на тахту и уставился в потолок.

Неожиданно нахлынули воспоминания. Или скорее врезались, как нос корабля в береговую линию уединённого острова. Как фейерверки вспыхивали фрагменты того утра: наспех выпитый чай, звонок трамвая, ступени к центральной двери здания, в стенах которого ему предстояло томиться восемь рабочих ча-

сов, и вот – лифт; Катерина... дальше – туман, потом эта комната... «Наверное, о таком моменте и говорил Александр...» – подумал Фёдор.

Душа заняла. Но эмоции стали быстро гаснуть, сон сомкнул веки.

В комнате стемнело. Освещение, непонятным образом, соответствовало привычному времени в сутках. Здесь отсутствовали предметные условности, к которым люди привыкли в повседневной жизни: лампы, зеркала, книжные полки и сами книги, шторы, часы и тому подобное – ничего не было. Но, при этом всё воспринималось естественно и комфортно. Если для создания атмосферы уюта, в обычной обстановке, можно включить торшер и посмотреть в окно на загорающиеся вдоль улицы фонари – то здесь такое ощущение приходило само собой, как воздух, как дыхание, при одной мысли об этом. И всё чувствовалось именно так, как если бы у окна с видом на улицу, мягким светом согревал настроение привычный торшер. Внутренний мир сполна демонстрировал безграничные возможности, и не нуждался в подкреплении символами.

Фёдор крепко уснул, как и его товарищи по несчастью, а может, наоборот – по счастливому совпадению. Долгий и непонятный день растаял, как призрак в мистической темноте.

***

Неизвестно, сколько длилась ночь. Но вот свет начал заполнять комнаты, как это бывает с наступлением рассвета. Несомненно, ощущалось утро. Даже присутствовал запах свежего ветра.

Четверо туристов проснулись отдохнувшими как никогда. Новую обстановку восприняли, как нечто должное и само собой разумеющееся. Они были уверены, что всё происходящее давно запланировали сами.

У каждого в комнате оказался рюкзак, доверху заполненный необходимыми для путешествия вещами – кроме Веры: у неё была дорожная сумка. Что именно находилось в рюкзаках и сумке – ни одного из четверых не интересовало. Они были убеждены что сами, лично упаковали нужные вещи.

Рядом с рюкзаками и сумкой лежала аккуратно сложенная одежда и спортивная обувь; всё было впору и по размеру.

Приведя себя в порядок, друзья, следуя полученному вчера указанию, спустились в обеденный зал. На каждом столике стояла табличка с номером, как и на полученных блокнотах – так гости могли безошибочно занять свои места.

– Что ж, утро, вроде доброе, – сказал Фёдор. – А то ведь здесь ни окон, ни часов – одни предположения.

Его не удивило, что Александр теперь выглядел намного, намного моложе. Вера и Катерина смотрелись ровесницами – подружки, не иначе.

Фёдор чувствовал, что знаком с каждым из них с раннего детства. По крайней мере, с того момента, который помнит первым в своей жизни. Он даже был уверен, что все они под новогодней ёлкой, будучи детьми, пели одну и ту же песню. И уточнять, хотя бы просто для себя – не видел смысла.

На нескольких экранах, расположенных в обеденном зале, появилось изображение инструктора. Он поприветствовал гостей и попросил их внимания; сообщил, что по окончании завтрака всем нужно вернуться в свои комнаты, взять подготовленные для путешествия вещи, и собраться в холе. Затем пожелал приятного аппетита, выразив надежду, что кухня удовлетворит вкус каждого гостя.

В следующий момент произошла затейливая трансформация столов: центральная их часть опустилась вниз и снова поднялась, но уже с приборами и едой. Затем к каждому, сидевшему за столом, подо двинулась тарелка с первым блюдом. Произошло всё почти мгновенно и гостям показалось, что яства явились из ниоткуда. Это произвело впечатление.

– Ого, как раз то, что я люблю на завтрак, – восхитился Александр.

Перед ним, на широкой белой тарелке красовался аппетитный подрумяненный омлет с густо уложенными ломтиками бекона.

– У нас похожие гастрономические вкусы, как я вижу, – тут же заметил Фёдор, осмотрев блюда на столе.

– Знаешь, я тоже в молодости любил омлет со шпинатом, как ты. А сейчас с лучком, да чем-то жирненьким, к примеру – сыр, или вот, как сейчас, с беконом.

– И я со шпинатом люблю, – Катерина светилась хорошим настроением. – И запивать молоком. Мне кажется, оно добавляет нежности этому блюду.

– Ну, а мне просто нечего сказать, – перед Верой тоже лежал в тарелке пышный омлет, только с уложенными сверху сочными ломтиками спелого томата.

На столе были лёгкие салаты, десерт: желе, суфле – с фруктами и без. И все поданные блюда оказались излюбленными каждого из этой четвёрки.

Одним словом – были учтены вкусы всех приглашённых.

***

Позавтракав, гости разошлись по комнатам, и через некоторое время собрались в просторном холле. Как и везде, в нём отсутствовали окна и лампы, была лишь одна большая дверь, возле которой все и столпились. Она открылась, и перед собравшимися протянулся длинный зал с множеством дверей по обе стороны. Это напоминало пассажирскую платформу в метро, где справа и слева проходы к дверям электричек.

– Так вот где все двери, – сыронизировал Фёдор.

Над каждой из них поочерёдно высвечивались комбинации цифр, соответствующие группам, как и в обеденном зале.

– Дождитесь номера вашего маршрута, – обратилась к Фёдору их сопровождающая. – Как только он высветится, проходите в эти двери.

– А если к другой группе примкнуть? – поинтересовался он из любопытства.

– Не советую: попадёте в мир, к которому не готовы.

– Вы хотите сказать, что здесь каждому подаётся свой мир, как электричка в метро? – удивился он.

– Совершенно верно. Эта платформа находится в безпространстве. По указанному расписанию к разным дверям подаются миры, соответствующие заявкам. Вы должны войти только в свой. Во всяком случае – в этот раз. А там уже – на ваше усмотрение.

– Мы, что же, можем перемещаться из одного в другой?

– Если сочтёте это для себя удобным – то да. Хотя, бывают неосторожные случайности. И вот ещё, – она посмотрела на каж-

дого из четверых приятелей, – постарайтесь не потерять телефоны – они индивидуальные. Если чьим-нибудь воспользуется кто-то другой, мы можем не оказать вовремя помощь или поддержку. Или же вмешаемся в тот момент, когда этого не требуется.

– Бывает и такое?

– К сожалению, да. Мы многое предусматриваем для безопасности туристов. Но, мало ли какие действия вы можете предпринять по своему желанию. Есть области, в которые мы не имеем права вмешиваться без особого распоряжения. А пока оно будет дано, кто знает, что вы ещё придумаете.

В этот момент рядом с ними открылась дверь. В её проём вошли несколько человек. Оттуда дохнуло приятным ароматом: не много сладковатым, без приторности, с оттенком фиалки. Фёдор и его друзьям удалось увидеть, как из-за колон исходит розовое сияние. В нём растворились перешагнувшие порог люди.

– Что это? – вскрикнула Катерина.

– Их мечта, – ответила девушка.

– Надо же, всё как полагается – в розовом цвете.

Едва двери закрылись, над ними засветилась знакомая четверым туристам комбинация цифр.

– Наша остановка! – выкрикнул Фёдор. – Только вот непонятно – мы входим или выходим?

– Всё относительно, – Александр подмигнул ему.

Дверь открылась и все четверо без колебаний шагнули вперёд...

Фёдор тут же оглянулся, но двери, которой они мгновение назад воспользовались, уже не было. Они очутились в парке. Поодаль шумел водопад. Стекланный мост-тоннель соединял берега бегущей к обрыву реки. С него можно было без опасений наблюдать за бушующей стихией воды.

Деревья с аккуратными кронами и решётчатыми скамьями вокруг стволов стояли повсюду, как монументальные изваяния. Необъяснимо прозрачный воздух позволял без труда рассмотреть что угодно на любом расстоянии.

– Неужели каждый мечтал прогуляться по парку? – иронично усмехнулся Фёдор.

– Мне нравится, – Вера была в восторге. Она радостным взором осматривалась по сторонам, запрокидывала голову и усилен-

но вдыхала воздух. – Здесь здорово – не ожидала. Собственно-то парк как парк, но состояние какое-то особенное: светлое и немного праздничное, по крайней мере я такое чувство испытываю, не знаю, как остальные. Всё вокруг необычайно аккуратное: газоны, скамейки, клумбы, деревья... точно кто-то под линейку и циркуль вымерял каждый сантиметр ландшафта. Как на проектной картине, честное слово.

Катерина чувствовала то же восхищение: вертелась во все стороны, выкрикивая «ух ты!». Потом присела и провела рукой по шелковистой траве.

Вдруг взгляд её сделался серьёзным. Она стала раздвигать космы травы и пристально всматриваться.

– Что ты там нашла? – усмехнулся Александр.

– Смотрите! – выкрикнула она. – Там...

Он присел рядом с ней, раздвинул руками траву и замер от удивления – снизу проблёскивали звёзды... Трава росла, словно из-ниоткуда. Будто прозрачное стекло, не видимое невооружённым глазом, разделяло день от ночи, позволяя им быть совсем рядом.

– С ума сойти! – не сдерживая эмоций, воскликнул Фёдор. – У нас под ногами звёздное небо!

– Вселенная, – тихо, будто стараясь кого-то не спугнуть, сказала Вера, и подняла голову вверх, – А там – солнце...

– Наверное, мы не на Земле, – у Катерины застыл взгляд от догадки.

– Ценное наблюдение, – Фёдор иронично усмехнулся. – Мы очень даже не на Земле и уже не первый день.

– Да мы вообще непонятно где, – Александр провёл пальцами по лбу, поднялся и осмотрелся вокруг. – Давайте пройдем дальше и посмотрим, чего мы ещё нажелали.

– Куда дальше? В какую сторону? – Катерина всё ещё не могла отвести взгляд от чуда.

– А какая разница? Можно к водопаду.

Они прошли на шум падающей воды. Её грохот заглушал даже мысли. Но красота динамичного зрелища перекрывала всё. Мелкие брызги стояли неподвижным радужным облаком и вокруг сверкали разноцветные искорки.

– Какая громкая красота! – Вера пыталась охватить взором

и поглотить живописную картину, насытиться мощью стихии. Ей казалось, что водопад питает её, и чтоб это ощутить – необязательно становиться в его поток. Она чувствовала, что становится сильнее, энергичнее. Похоже, остальные испытывали похожие чувства.

Друзья долго стояли молча. Утром они всё воспринимали, как должное, а сейчас им не верилось, что они где-то там, куда ни за что на свете не отправились бы по своей воле. Им объяснили, что сбылось их желание, но они всё ещё не были с этим согласны.

– А часы у кого-то есть? – нарушила затянувшееся молчание Катерина.

– У кого-то есть, – Фёдор посмотрел на Веру. Он помнил, что часы на её руке были. Но их не оказалось. – Судя по всему, здесь они нам не пригодятся. Кто знает, что они будут показывать – какие-нибудь джоули или киловатты. А может количество пятен на шкуре жирафа.

Вера и сама удивилась, что часов на её руке не было. Утром она не предала тому значения, да и сейчас это её не волновало. Посмеявшись над шуточной фразой Фёдора, новоиспечённые туристы подошли к обрыву у водопада, и сели в безопасном месте, свесив ноги над бурлящей пропастью. Каждый из четверых вполне мог пожелать себе радостный погожий день. Когда мечта сбывается – нельзя не признать себя счастливым.

Вера опрокинулась назад и, подложив под голову руки, зажмурила глаза:

– Не знаю, почему, но мне так спокойно, как, наверное, никогда не было. Всё время какие-то заботы, хлопоты, телефонные звонки, от которых уже просто пухнут уши. А они звонят и звонят... Как я их ненавижу.

– А ты ещё хотела сюда свои папки захватить, – съехидничал Александр.

– Ой, не говори. Что я так во всё это вцепилась, будто другой жизни и быть не может. Она ведь рядом. Но почему-то чтобы вспомнить про это, мне нужно было попасть невесть куда. А с другой стороны – видимо только так и смогла бы увидеть, познать, вспомнить...

Вера раскинула руки в стороны, будто хотела обнять весь мир или раствориться в нём:

– Так беззаботно я чувствовала себя только в далёком детстве. На столько далёком, что могла бы сказать – в глубоком. Правда, это как глубина, куда трудно донырнуть. И с каждым годом она становится больше, больше, превращаясь в бездну. Там всё сложнее что-либо рассмотреть, а тем более что-то достать оттуда. Образы, даты, лица, события... А вот здесь – даже не знаю с чем сравнить? Это можно назвать дыханием внутренней свободы. Мне нравится этим дышать.

– Получается, что большую часть жизни ты ходишь в противогазе, – усмехнулся Фёдор.

– Похоже на то. Но вряд ли бы я смогла оценить это чувство, не испытай того – в противогазе, – она засмеялась. – И потом – он сохранил моё обоняние.

Пока Вера рассуждала, Александр с прищуром осматривал ручную кладь.

– Вот смотрю я на рюкзак и думаю: неужели он вмещает всё, что мне в жизни нужно? – в его голосе слышались нотки сомнения. – Ведь никто из нас не знает, сколько мы тут пробудем, – он посмотрел на Верину сумку. – И ещё мне интересно, почему у нас всех рюкзаки, а у тебя что-то эдакое.

– Сумка у меня, очевидно, по той причине, что я рюкзаки не люблю. Хотя надо отдать должное – они удобнее в дороге. В своё время я «насладилась» ими вдосталь: многодневные походы, переходы, перелёты... Решила в дальнейшем чувствовать себя женщиной, а не туристом. Как-то даже фразу обронила «в руки рюкзак больше не возьму». Вот сейчас она всплыла на памяти. К тому же, если помнишь, вещи нам выдавали на фирме исполнения желаний. Так что, ничего удивляться.

– Ну да, ну да, – Александр кивнул головой. – Но я вот о чём: не пора ли посмотреть, что нам предстоит носить за плечами?

Он тут же взял свой рюкзак и начал распаковывать. Его примеру последовала Катерина.

– Смотрите-ка, покрывало какое-то или каремат такой? – выкрикнула она, вытянув из рюкзака туго упакованное эластичное полотно. – Что ж мы на земле сидим?

– На какой земле? Под тобой звёзды. Зачем тебе здесь покрывало? – пробубнил Фёдор.

Вера растегнула сумку. В ней оказалось такое же, как у Ка-

терины плотно, только другого оттенка: у той – цвета молодой зелени, а у неё травянисто зелёное.

Разложив вещи, туристы увидели, что рюкзаки и сумка укомплектованы идеально, ничего лишнего. В общем – устраивало всё. Разве что Вере не хватало наручных часов с компасом, после того, как обратила внимание на их «пропажу». Нельзя сказать, что она остро нуждалась в расчёте времени, но это был подарок, и она дорожила ими. Но куда деваться – теперь придётся смириться. Хотя, оказалось не просто избавиться от привычки рассчитывать время и следить за ним.

У Александра вся жизнь шла по расписанию, с чётко размеренным ритмом. Он до минуты знал, сколько времени уходит на сон, сколько на то чтобы пообедать, сколько шагов делает в минуту, час... за какое время проходит какое-либо расстояние и так далее. Поэтому определять время доверили ему. Согласно его «хронометру», здесь они находились примерно пять часов. За меньший промежуток времени у него чувство голода не возникало. Поэтому не удивительно, что он предложил открыть «завтрак туриста».

Катерина приняла предложение, как призыв к церемонии перед приходом долгожданных гостей. Она оценивающе смотрела, правильно ли лежит пластиковая скатерть-самобранка, разглаживала ладонями и без того ровную поверхность, продумывала, что где разместить... Но нетерпеливый Фёдор нарушил её ритуальную процедуру, демонстративно поставив по центру две фляги с напитками:

– Катерина, подходи к этому проще.

Александр был с ним солидарен и тут же разложил упаковки провианта – все, что под руку попали. Фёдор прочитал надпись на одной из них: «Смотрите-ка, ФУА-ГРА из вандейской утки с клубникой и ревенем. Нет, вы слышали? Мы здесь вот, в параллельном измерении каком-то будем есть – это...»

– Ты не ешь фуа-гра? – поинтересовалась Вера.

– Сейчас буду, – Фёдор положил упаковку рядом с флягами и взял другую. – Так, что там ещё у нас из привычной пищи? О – сочное говяжье филе с картофелем и синим инжиром. Да что же такое?

– Тебя не устраивает меню? – подмигнул ему Александр.

– Он, наверное, не ест мясо, – Катерина насмешливо посмотрела в его сторону.

– Ещё как ем.

– А то смотри, – она протянула ему упакованный брикет, – здесь летний салат с ломтиками ананаса.

– Спасибо, не надо. Я травой не питаюсь.

Он рассматривал другие пакеты с едой. На каждой упаковке было указано, какое блюдо, из каких ингредиентов, когда лучше употребить и пожелание приятного аппетита.

– А с этим что делать? – Фёдор начал вертеть в руках абсолютно плоскую упаковку с изображением чашки.

– Для начала прочесть, – Александр, взял такую же пластинку, только с рисунком ложки на этикетке. – Вот, всё просто, нужно всего лишь распечатать.

Раздался щелчок, и в его руке оказалась ложка: «Это трансформирующаяся посуда. Здесь комплекты. Что тебе нужно, то и распаковывай. Пластинки при попадании воздуха в упаковку, приобретают форму, нарисованную на этикетке, видишь?»

Он взял пакетик с изображением миски, снова щелчок и из плоской пластины сформировалась круглая с отогнутым наружу краем миска.

– Если я скажу «фантастика» – это уже не будет ни смешно, ни грустно, – сказал Фёдор, вертя упаковку.

– Конечно, не смешно, – ответил Александр. – Всё это давно уже не фантастика, просто в наши руки только сейчас попало. К тому же, обратите внимание, к каждой упаковке, каждому комплекту прикреплен пакетик для утилизации – здесь указано.

– И как это утилизируется?

– А вот давайте отведаем, чего нам тут припасли, и потом посмотрим. А то мне начинает казаться, что тебе абсолютно не хочется есть.

– Хочется, хочется, – Фёдор окинул взглядом «накрытый стол». – Вот только интересно, на сколько дней нам хватит этого провианта?

– Зависит от того, каким будет твой аппетит, – усмехнулась Катерина.

– Если мне не хватит, поделишься?

– Не уверена.

– А за фигурой следить не собираешься?

– Так за ней ты следишь.

– Ешьте, пока всё, на удивление, тёплое, – вмешалась в их разговор Вера. И они, словно ждавшие этой команды, принялись уминать за обе щеки.

Однако обед длился недолго. Проголодавшиеся, нагулявшие аппетит, раздраженные деликатесами – друзья, неожиданно для себя, насытились, съев несколько ложек салата и сделав пару глотков напитка: ни нотки голода, ни мысли о еде.

– Мне кажется, все эти продукты – весьма условный приём, – заподозрил Александр, – как символический знак или обозначение. Есть, будто и не хотелось – удивительно. А ведь времени прошло немало, и мой аппетит требовал гораздо большего, чем две ложки салата и глоток компота.

– Вот, видишь, – Катерина толкнула в плечо Фёдора, – Нечего волноваться. Тут еды на год хватит.

– Я не хочу здесь год бродить, – возмутился он. – Ещё чего не хватало.

– Тогда поделишься с друзьями. Самому тебе точно не справиться.

– Что, друзья собрались здесь жить?

Разговор прервала Вера. Она заметила движущийся в их сторону автомобиль, и едва об этом сказала друзьям, как он беззвучно появился рядом с ними. Водитель вышел: «Вот вы где. Скоро сумерки, пора в гостиницу. В бюро предполагали, что вы доберётесь намного раньше, самостоятельно, по карте. Я ехал по вашему маршруту. Хорошо, что вы с него не свернули.

– Точно! – воскликнул Александр. – У нас ведь карта. Мы со всем о ней забыли.

– Какая тут карта, когда по звёздам ходишь, – оправдался Фёдор.

– Действительно, – Вера вздохнула. – Здешняя обстановка нам вскружила голову, забыли обо всём на свете.

Туристы наскоро свернули пикник. Каждый второпях вложил использованную посуду и упаковки от еды в вакуумные пакеты для утилизации, и как только их закрыли, всё тут же исчезало, испарилось вместе с содержимым. Друзья нырнули в салон автомобиля и помчались к гостинице, где их, как выяснилось, ждали.

За окнами мелькали пейзажи, пронеслись, как порывы ветра. Пассажиры даже не пытались ничего рассмотреть. Они были бы не против, чтоб и путешествие их пролетело с такой вот скоростью.

Вдруг резко стемнело. В мгновение автомобиль въехал в крошечную тьму, как въезжают в тоннель с ярко освещённой солнечной трассы. По обе стороны мелькали фонари, а свет включённых фар далеко вперёд освещал путь. И никакого света в конце тоннеля. От неожиданности Катерина ойкнула.

– Не волнуйтесь, это просто встречная ночь, – объяснил водитель. – Она сейчас закончится. Ваша придёт позже.

– Весело здесь, – вздохнул Фёдор и посмотрел на товарищей – те были не в меньшем смятении.

Посветлело точно так же – вмиг, будто кто-то одним щелчком выключил и тут же включил свет. Пассажиры даже не успели уловить этот момент. А в следующий –

автомобиль затормозил у высокого здания с зеркальными стенами: они отражали всё, что было вокруг. Его невидимый с первого взгляда фасад выдавала иллюминация над входом и свет в некоторых окнах. Это и была гостиница, где туристам предстоял ночлег. Им пришлось немного подождать своей очереди на регистрацию. Они расположились в мягких креслах многолюдного фойе. Напротив них сидели трое африканцев в яркой одежде, с такими же рюкзаками, и фирменным на них знаком зелёного цвета: та же бабочка, тот же круг. Размашисто жестикулируя, они вели оживлённую беседу, настолько громко, что несложно было расслышать, о чём они говорят. Но внимание Фёдора привлекла группа туристов, на рюкзаках которых были изображены совсем другие эмблемы – большая синяя голова птицы. Да и члены этой группы отличались от всех: высокие, бледнокожие, они были похожи друг на друга, как близнецы и очень медлительны в движениях.

– Я так понимаю, работает не одна турфирма, – Фёдор кивнул в их сторону.

– Всё может быть, – Александр состроил скептическую гримасу, – как и то, что это всего лишь обозначает другую категорию маршрута.

– Может и так, – согласился Фёдор, продолжая рассматривать прибывших гостей.

Над стойкой регистрации поочерёдно высвечивались номера, соответствующие каждой группе. Дождавшись своего номера, Фёдор подошёл к портье.

– Пожалуйста, ваши апартаменты, – сказал тот, подавая причудливые брелоки: они более походили на сувениры, но номера на них были указаны.

По пути к лифту Верино внимание привлекла женщина, заботливо державшая цветочный горшок, в центре которого на грунте лежал небольшой серый камень. Она вместе с ними вошла в кабину и вышла на том же этаже, что и они, только повернула в другую сторону по коридору. Вере неловко было разглядывать её, хотя интерес почувствовала. Особенно хотелось рассмотреть камень: что в нём такого, что требует настолько трогательного внимания? «Но, вдруг это вовсе и не камень, – подумала она, вздохнула, – да и какая, в сущности, разница?»

Друзья разошлись по комнатам. Брелоки, полученные у портье, оказались попросту символом распоряжения апартаментами: замков в дверях не было. Здесь никто не входил просто так в чужую комнату. И не потому, что этого нельзя делать, а просто никому ничего похожего и на ум прийти не могло – такая атмосфера была создана специально.

***

Александр толкнул дверь, прошёл по комнате, поставил брелок на столик и опустился в кресло у распахнутого настежь окна. Внизу шумел прибой. Над перекачистыми волнами суетливо кричали чайки. Солнечные блики убегали далеко за горизонт раскинувшегося моря. Подъехав к гостинице ни о чём таком и подозревать невозможно было – её окружали лишь деревья, растущие вдоль улицы и в парке позади здания. И вдруг за окном бескрайнее море!.. Свежесть бриза наполнила комнату. Александр невольно задремал...

В дверь Вериной комнаты постучала Катерина. Не дождавись ответа, она приоткрыла дверь: хотелось предложить прогуляться по территории гостиницы, не сидеть же в номере до утра.

Вера стояла у окна, любуясь высокими скалами, и упоительно вдыхала воздух.

– Надо же!.. – воскликнула Катерина. – А у меня под окном яблони цветут! Обожаю этот запах! Повезло с номером. Спать будет, как в детстве. У моей бабушки чудесный сад. Ещё маленькой, по вечерам я забиралась в гамак, натянутый между двумя яблонями и засыпала. Я верила в эльфов, живущих в ароматных цветах. Мне казалось, что когда я сплю, они кружатся надо мной и нашёптывают сны. Эти воспоминания ещё не так глубоки в памяти. Иногда я туда возвращаюсь на какое-то время, но оно безжалостно не позволяет задерживаться надолго. Поэтому я так обрадовалась яблоням за окном моего номера. До самого утра буду дышать воздухом своих воспоминаний.

– Я тоже своим законным видом довольна, – Вера томно вздохнула. – В молодости часто в горы ходила. Там особое состояние. Когда поднимаешься вверх, кажется, что всей житейской суеты вовсе не существует. Перед тобой предстаёт такая мощь, которую ты никогда не победишь, даже взобравшись на её вершину. Многое, оставшееся позади, становится мелким, почти незаметным. Наверное, оно таким является на самом деле. Там, наверху, познаётся истина; происходит полное переосмысление всего... – она вдруг притихла и Катя не решилась прерывать её молчание. – Потом меня поглотила работа – как монстр, – продолжила Вера. – Лет пятнадцать своей жизни вообще вспомнить не могу: жила или нет? Отпуск нормально провести не могла. А очутившись здесь – словно проснулась. Только что теперь с этим пробуждением делать? Лучшие годы ушли...

– Ну почему ушли? – Катерине хотелось утешить её, ведь она сама ощущала себя в начале пути, в преддверии свершений. – У многих в этом возрасте начинается самый расцвет жизни. Стремления к успеху, достижение намеченных высот...

– Всё правильно, Катюша, ты говоришь, – перебила её Вера. – Только если б я все эти годы занималась своим совершенством, можно было бы найти, чем похвастать – хотя бы перед собой. А теперь только оглядываюсь, потому что впереди смотреть не на что.

– Сейчас же идём бар искать в этом отеле, – решительно заявила Катерина. – И, кстати, как тебе мой наряд?

Она покрутилась, демонстрируя перекаты воздушных складок расклешённого платья. Оранжевый шифон взлетал и падал. Вера засмотрелась на Катину платье – оно ей напоминало огромный мак, лепестками которого играл ветер. Но тут же спохватилась и подошла к шкафу: «Что-то мне подсказывает, что у меня должно быть нечто похожее».

Раздвинув дверцы, она вздёрнула брови и вынула плечики с белым в сиреневый горошек платьем.

– Надо же, – воскликнула она. – Похожее было у моей мамы, когда я была совсем маленькой. Я рассматривала горошки, стоя рядом с ней в очереди в каком-нибудь магазине. Кроме них мне и видно-то ничего не было. Они мне очень запомнились. Только вот это платье современного кроя. Хотя я могу сказать, что оно больше соответствует моему настроению, а потом уже моде.

– Вот и отлично, – Катерина улыбнулась и подмигнула Вере. – Мужчин наших будем звать?

– Пусть отдыхают. Если у них возникнет желание присоединиться, думаю, они без труда отыщут нас. Мы ведь никуда не уходим из гостиницы.

Отражение

Анатолий ЛЕМЫШ
Киев

АНДРЕЕВСКИЙ

Былое расколото вдребезги.
Из прошлого вынут костяк.
И если придешь на Андреевский –
Там дышится нынче не так.

Всё те же дома над брусчаткою,
И те ж купола в вышине.
Но помнит иное сетчатка, и
Другое мерещится мне.

Вот вроде бы облагородили,
Как будто отмыли стекло,
Но чувство таинственной родины
Истаяло, стерлось, ушло.

Тут раньше царили художники,
Кумиры чердачной поры,
А нынче толкутся лоточники
С набором цветной мишуры.

Какой-то подвох, деформация,
Развесистый клюквенный куст,
Как будто стоит декорация
Для фильма «Андреевский спуск».

Туристы, всегда одинаковы,
С айфонами рвутся вперед,
Чтоб сняться в обнимку с Булгаковым –
Он, бронзовый, не оттолкнёт.

Все реже друзья отзываются,
Плотней нависание дней.
Как будто курган насыпается
Над памятью горькой моей.

И нету на свете острей тоски,
Чем быть у эпохи в гостях.
Не тянет меня на Андреевский, –
Там дышится нынче не так.

ПАРИЖАНСТВО

Дочери Асе

Вокруг – весёлый, пряный, манкий,
Неумолкающий Париж.
По праву давней парижанки
Ты над бульварами паришь.

Мелькают тайки и арабки,
Индусы, турки без числа.
Ты, взяв родителей в охапку,
На Сакре-Кёр нас вознесла.

И перед нами распахнулись,
Как по велению короля,
Дома – тома на полках улиц,
Романы Сартра и Золя.

Старинных крыш клавиатура
Сама собой звучит уже,
И подпевают Азнавуру
Вийон, Мольер и Беранже.

В «Ротонде», где сходились выпить
Художники и чудаки,
Гарсон шепнул: вам лучше выйти,
Сюда идут бунтовщики!

И мы пошли в толпе спешащей,
Стараясь осознать урок,
И в небеса вонзалась башня,
Как д`Артаньяновский клинок.

Дворцы, кафешки, зазывалы,
Машин цветная круговерть.
Жизнь без конца и без начала,
Где даже смерть – почти не смерть.

И в этом праздничном пространстве,
Когда Париж лежал у ног,
Мы постигали парижанство,
Как стиль, и свет любви, и рок.

ОДУВАНЧИК С ШИПАМИ

Ирине

За тебя мне светло и тревожно.
Я скитаюсь один вечерами.
Я люблю тебя так осторожно,
Словно ты – одуванчик с шипами.

Говоришь, я в долгу неоплатном,
И ладонью не вычерпать море.
Я люблю тебя так безоглядно,
Что с неправдой твоею не спорю.

Для меня не отмеришь ты нежность
Ни на гривенник, ни на полушку.
Я люблю тебя так безнадежно,
Что таких запирают в психушку.

Вот стою, словно в латы закован,
Пред твоею закрытою дверью.
Я люблю тебя так бестолково,
Что твоей нелюбови не верю.

ПИР

Кто с пивною кружкой прячется от зноя,
Кто вдвоем с подружкой делит свой ночлег, –
У меня сегодня пиршество иное:
Я варю солянку из лесов и рек!

Накрошу в жаровню темные аллеи,
Облака заката, ведьмину метлу.
Это яство души молодит и греет,
И друзья сойдутся к моему столу.

Вот салат из ветра! Вот рагу из бури!
Плов из листопада! Оливье – туман!
Вот шашлык из солнца под «напареули»,
А в бокалах плещет чистый океан!

Вот земля родная – объединенье просто!
Всем ее хватает, всех зову на пир!
И сойдутся гости, и польются тосты,
И вражда отступит, и вернется мир!

Кто с пивною кружкой прячется от зноя,
Кто вдвоем с подружкой делит свой ночлег, –
У меня сегодня пиршество иное:
Я варю солянку из лесов и рек!

ПОЧАЙНА

Под Подольской кручею нанесло песка.
Ткнулась в бок Славутичу робкая река.
Мостики причальные, люд, колокола.
Тихая Почайная гаванью была.

Как Днипро ей нравился, как он был могуч,
Как обнял красавицу у зеленых круч,
Как Почайна нежная к милому текла!
Но разлива вешнего не перенесла.

Был Днипро стремителен, яростен и зол!
Паводком губительным затопил Подол!
И река, покорная другу своему,
Душу родниковую отдала ему.

Занесло молчальницу илом и песком.
Не проплыть Почайною стругом, челноком.
Все забылось, кануло, илом занесло.
Только церкви каменной светится чело.

... Домики сутулятся, вечер, огоньки.
Я живу на улице имени реки.
И, как гляну пристально, вижу иногда:
Под асфальтом чистая плещется вода!

СТО ТЫСЯЧ СИГАРЕТ ТОМУ НАЗАД

Сто тысяч сигарет тому назад
Я был щенок, во мне бурлил азарт,
Как будто весь пропитан я шампанским.
Был мир блистателен и покорим,
Меня манили и Нарым, и Рим,
И пелись песни с куражом шаманским.

Сто тысяч сигарет тому назад
Певунья из колдуний, из кассандр
Мне улыбнулась и приворожила.
Любое слово порождало стих,
Была одна гитара на двоих,
Одна, казалось, на двоих вершина.

Мой век по всей земле меня мотал.
С разбегу в авантюры я влетал,
И вырывался, оставляя клочья.
Моя гордыня таяла, как дым.
Я скушен стал, угрюм и нелюдим,
И обескрылен, словно обесточен.

Да, сам я не заметил, как меня
Скрутила-смяла всякая фигня,
Покрылась пылью на стене гитара.
Кончаются сто тысяч сигарет,
И нет бывшего куража, и нет
На фейерверк растраченного дара.

ТЫ МНЕ ЗВОНИ, СЫНОЧЕК

Плечи твои сутулы, белая голова.
«Ты мне звони, сыночек, звони, пока я жива».

Стала квартира клеткой, и заросли зрачки.
«Ты мне звони, сыночек, жду я твои звонки».

Я приходил с мороза, новости волоча.
В комнате полутемной светишься, как свеча.

Тает твоя улыбка, мой навсегда маяк.
Мама, ты как ребенок, маленькая моя.

Что мне оскал эпохи, войны, чума, вожди?!
Только держись, родная, мама, не уходи!

Я сочинял, рассказывал, все, что припомнить мог.
К жизни её привязывал, все же – не уберег.

Ты перевоплощалась в ветер, закат, листву,
Медленно уплывала к вечному большинству.

Вот и поставлен прочерк. Вот и число за ним.
«Ты мне звони, сыночек. Ты мне звони...
Звони...»

Ирина КАРПИНОС Киев

***

В Серебряном веке, коротком и ярком,
поэты любили в Венецию ездить
и с чашечкой кофе сидеть на Сан-Марко
и в небе полуночном трогать созвездья.

Венеция рядом с времён Сансовино:
крылатые львы и певцы-гондольеры.
Поэты пируют, поэты пьют вина,
поэтов ещё не ведут на галеры.

И Блоку покуда не снятся двенадцать,
и пуля не скоро убьёт Гумилёва.
Поэты ещё не отвыкли смеяться
и верят в могущество вещего слова.

Не пахнет войной голубая лагуна,
собор византийский с квадригой прекрасен,
ещё не задернули занавес гунны
и хмель венецийский ещё не опасен.

И можно до слёз любоваться Джорджоне
и долго бродить по Палаццо Дукале,
стихи посвящать беглым ветреным жёнам,
катать их в гондолах, купать в Гранд-Канале...

Поэты в Венеции пьют на пьядетте,
война мировая вдали, как цунами.
Запомните лица их в огненном цвете!
Всё кончится с ними. Всё кончено с нами.

***

Никто твои не хочет видеть слёзы,
никто не хочет знать твою беду,
принцесса на горошине, заноза,
по тонкому гуляющая льду,

пацанка, голодранка, дульсинея,
крушительница мельниц ветряных,
Лавиния – избранница Энея,
живущая всегда в мирах иных,

и городская дурочка, конечно,
та, что из переулочка, привет,
всё песни пела о своём, о грешном,
подумать страшно, сколько зим и лет...

Да это я жила-была на свете,
а нынче больше нет меня нигде,
всё стёрто ластиком, и я, и строчки эти,
и только рябь на ледяной воде...

***

Nel mezzo del cammin di nostra vita,
я очутилась в сумрачной степи,
почти жива – пробел – почти убита,
у собственного тела на цепи.

В девятом круге жизнь течёт нормально,
ну как в фейсбуке, грубо говоря:
все мочат всех, уже не виртуально –
такая в вечности пошла грызня,

что ни родных не жаль, ни самых-самых,
и ангелы поют не то, не то
фальшивыми и злыми голосами,
и ржёт и плачет конь в чужом пальто.

Каштаны отцвели, больничный запах
сильней, чем пастернак, кинза, укроп,
посмотришь на восток или на запад –
везде распад, безумие, потоп...

Что Данте нам, что мы ему, ей-богу,
у каждого – свой выращенный ад.
Nel mezzo del и дальняя дорога,
билет заказан – нет пути назад.

---

* Nel mezzo del cammin di nostra vita – первая строчка из «Божественной комедии».

***

от Гогена до Ван Гога
в Арль ведёт одна дорога,
от Ван Гога до Гогена
жизнь казалась офигенной...

эти экспрессионисты,
и поэты, и артисты
буйство красок разбросали
от Прованса до Версаля...

босиком бы шла, ей-богу
за Гогеном, за Ван Гогом,
но времён затянут узел,
я – острог и я же – узник...

виртуальные завалы,
не добраться до вокзала
в мир, где морем пахнет слово,
в мир, где жизнь начнётся снова

по Гогену, по Ван Гогу,
где любовь зовёт в дорогу
и наградой будет встреча...
как темнеет быстро... вечер...

от Гогена до Ван Гога
ближе к ночи, ближе к Богу,
гаснет свечка, гаснут краски...
вечность – лёд последней ласки...

***

А.Р.

Какие-то гастроли... суета...
гостиница... концертный зал... гримёрка...
и каждый город – с чистого листа...
гремучая горячая галёрка...

мы говорим, смеёмся между строк...
не выплеснуться... не наговориться..
вокзал и поезд... пряный вечерок...
и где-то лица, чьи-то лица, лица...

глаза искрятся в свете фонарей...
размыто всё: слова, прикосновенья...
ключи от одинаковых дверей...
и нет пристанища... и нет спасенья...

Осенний предрассветный полусон,
со всеми красками, полутонами...
и сквозь него смартфона резкий звон,
под шёпот: что же, что же будет с нами?

Что будет? Ничего. Убью смартфон,
сотру слезу и крик оставлю в горле...
бегу, бегу, бегу свой марафон...
на месте шагом марш... разруха... горе...

И только сон напоминает жизнь
с неутолимыми её страстями...
Ты мне звонишь и говоришь: держись.
Всё кончилось. Всё было между нами.

КИТЕЖАНКА

Я могла бы далеко-далёко
оказаться от родных широт,
где-то там, где Бунин и Набоков...
Знать бы, что за времечко грядёт!

Так я и не стала парижанкой
и сегодня вижу наяву:
я – пожизненная китежанка,
в граде Китеже, как встарь, живу.

Никуда не скрыться, не забыться,
с ним возможно только затонуть,
ледяной водою захлебнуться,
к царствию подводному примкнуть.

Здесь течёт Венеция по венам,
воды Борисфена, древний Тибр.
Острова далекие над Сеной
душу будоражат, как Магриб.

Ладанка на шее китежанки
предопределила всю судьбу:
время и страну для каторжанки,
осужденной на тоску-журбу.

Град мой, Китеж! Я тебя не в силах
бросить, как болезного отца.
Не тревожься, не печалься, милый!
Мы пребудем вместе до конца...

***

Небо в клеточку и рама:
я в своей тюрьме
всё пишу, пишу упрямо
Богу резюме,

где уже пронумерован
список всех потерь
и стреножен и подкован
человекозверь.

В резюме моём острожном
птицы не поют,
бесы бесам корчат рожи,
ружья раздают.

Глянь, вернулась обезьяна
с черепом своим,
и канкан танцует пьяно
рьяный херувим.

Я описываю, Боже,
чтоб и Ты узнал,
до чего ж для нас тревожен
лагерный вокзал:

всех на Страшный суд увозят
в ночь товарняки,
пароходы, паровозы
и паромщики

на восток или на запад,
эй, шопен, играй,
всех отправят по этапу
в свой барачный рай

хоть поротно, хоть поштучно –
нет вестей с небес...
колокольчик однозвучный,
зона, за-на-вес.

НА КРАЮ

Сирота – вот и найдено слово,
сирота среди мира пустого,
позади – разноцветный обман,
впереди – только чёрный туман...

На краю провороненной жизни,
в эпицентре бродячей отчизны
сердце режет и глуше стучит,
дней, часов не осталось почти...

Я тебя никогда не забуду...
и никто не увидит оттуда,
как моя погорелая жизнь
на промерзшей дороге лежит...

И не встать, и не выразить боли
в бесприютной сиротской юдоли,
не нащупать у пропасти дна...
пей до дна... жизнь одна... смерть одна...

Я – невидимый призрак, когда-то
сочинявший плохие баллады
о безмерной бессмертной любви
на ветру... на краю... на крови...

Я неслась по болотистым кочкам,
чья-то жёнка, любовница, дочка,
и летела сквозь небо звезда
в никогда, никому, никуда...

***

Бородатые греки и бритые римляне,
белый мрамор глазниц равнодушно суров...
Что тебе в этом времени, что тебе в этом имени?
От болезней души не найти докторов.

Что тебе в этих бывших друзьях и товарищах,
не способных суму и тюрьму разделять?
Дымно, душно дышать на останках пожарища,
жизнь прожить – как по минному полю гулять...

Рая нет на земле, выше – правила схожие,
в параллельных мирах – звон разбитых зеркал.
Вразуми меня, господи, вразуми меня, боже мой,
у песочных часов перевёрнут бокал...

Тот языческий код позабыт после Моцарта,
ноту б верхнюю взять и на паперти спеть!
Вечный март наверху, острый запах мороза там
и могучих аттических слов круговерть...

ЛУНА И ГРОШ

Мы родились в двадцатом веке,
совки, поэточеловеки,
и пьём, не чокаясь, до дна
за участь, что на всех – одна...

Эпоха нас не закалила,
кровь ближних не опохмелила,
стоим на ледяном ветру
у края в чёрную дыру...

Повремени ещё, мгновенье,
покуда догорят поленья
всех наших помыслов и слов,
летучих золотых ослов...

Куда нас молодость водила,
каким залётным был водила!
Кто ляжет рядом – тот хорош,
вся наша жизнь – луна и грош...

Свеча горела, до упаду
плясали мы свою ламбаду
и гибли в долбаном бою
за рифму – родину свою...

В конце времён мы дали слово,
что сочиним многоголовый
молитвоблуд – наш пропуск в рай.
Пётр, кого хочешь, выбирай...

АРЛЕЗИАНКА

Я сегодня спрошу у Винсента:
как ты жил в этом бешенстве красок?
Мы с ним выпьем, конечно, абсента,
полетаем от Арля до Грасса...

Золотая терраса Прованса,
сумасшедшая близость Ван Гога...
Август звёзды роняет, как вазы,
и осколками блещет дорога...

Это буйство и цвета, и света,
одинокества и ожиданья,
в жарких корчах кончается лето,
тянет холодом из мирозданья...

Эх, родиться бы арлезианкой!
Выпивать на террасе с Ван Гогом,
приносить ему холст спозаранку
и не клянчить удачи у Бога...

***

гомеровские корабли,
видна лютеция вдали,
но встреча сбудется в париже
на три тысячелетья ближе,

и этот список кораблей -
как мандельштамовская трель,
его египетская марка
в граните триумфальной арки...

оставшиеся дни верстать,
всех обогнать, от всех отстать
и знать, что больше не увижу
бульвары прежнего парижа...

в то время, древнее для нас,
мерцал богемный монпарнас,
и было далеко до гавра
от киево-печерской лавры...

теперь каких-то три часа
летит корабль сквозь небеса,
гомер становится всё ближе -
и одиссей рулит к парижу...

***

до встречи, в Барселоне ли, Памплоне,
в Париже ли, Венеции – замри...
весь мир был так недавно на ладони
и сузился до замкнутой двери

реанимаций, реабилитаций
и прочих акций для ещё живых...
все сцены мира, все хлопки оваций,
огни ночные улочек кривых –

да лучше бы не знать, что всё проходит,
и улетать на пике сил и лет...
все книги, переливы всех мелодий,
весь этот белый, слишком белый свет –

лишь брак случайный вечности, засветка,
и оптом жизнь уходит с молотка
в чужие руки, в этом фишка, детка...
и взмах руки... увидимся... пока...

Портрет в чёрном

Татьяна АИНОВА
Киев

К ИСТОРИИ МОЕГО ПСЕВДОНИМА

Когда мне было семнадцать лет,
был жив один молодой человек.
И я носила его портрет
на внутренней стороне век.
Я думала, что он немолодой –
ему было тридцать, даже на вид.
И мог конкурировать с этой бедой
лишь миг, когда солнце минует зенит.
А, впрочем, для юности всё беда,
что не оргазм, не звезда, не война –
что ей не ровня. А я тогда
самой себе была не равна –

теряясь в рядах нетоварных пар
стоически стиснутых губ и колен
заведомых узниц прокрустовых парт,
красневших от термина «многочлен»,
особо чувствительных к цифре «два»,
скачавших над книгами допоздна...
Он нам что-то умное преподавал
без шума и пафоса – будто не знал
о том, как он выглядит, как звучит,
и что за избранность в нём так видна,
но не опознана. Что за лучи
сквозь дрожь пронизывают до дна
наивных студенток – и мимо глаз
(глазеть в упор – что рубить с плеча:
глаза, отворённые напоказ,
уже не видят – они кричат.)

А я молчала. И у доски.
Но выводила в экстазе тоски
сомнамбулической волей руки
псевдологические значки.
От незаслуженного «хорошо»
ученью вослед забывая запрет –
взаимного взгляда электрошок
в меня впечатал фотопортрет.

И не исправить. И не стереть.
И ни ощутить, ни забыть нельзя.
С тех пор я могла на него смотреть
всегда, когда закрывала глаза.
Так смотрят – сквозь сумерки – на рассвет.
Так смотрят – на музыку – сквозь оркестр.
С тех пор я носила его портрет
как вирус и как чудотворный крест.

Не понимая в нём ни черты.
По жизни он кто? математик, доцент,
по слухам, женат – но не в этом стыд:
нельзя быть как все при таком лице.
Для всех – монотонный бетонный провал,
где всё в мельтешенье своём мертво.
С таким лицом не качают права.
С таким лицом не ездят в метро.
Таких не живописал Глазунов,
не удостоился Голливуд...
Был вывод абсурден, и этим нов:
с таким лицом нынче – тут не живут.
Он миф, он герой сериала «Мой Сон»,
и тайны его не снаружи – внутри.
Там, помнится, было о том, что он
из тех, кому умирать в тридцать три –
могила и даты... Нет, верь не верь,
а на иконы таким нельзя:
не в меру дерзок разлёт бровей
и слишком больно горят глаза.

К чему эти игры со смертью, когда
он мог всё, что мог только он один –
пойти не туда, и войти туда,
куда ещё никто не входил.
С девичьего лона сорвать бельмо
чудесней, чем с суетных глаз слепца.
Да мало ли что отворится само
на зов – нет, не голоса и не лица –
того, что в них явлено! Мало ли тем,
желаний и целей, путей и мест!
Вот времени – мало. И нет совсем.
Он вел нашу группу один семестр.

...Как сладко страдать, созерцая портрет,
предательски честно смиряясь с судьбой.
Я вижу его, а он меня нет,
и можно пока что расти над собой,
брезгливо смотреть на других мужчин
и втайне надеяться на волшебство –
авось, поумнею, сведу прыщи,
когда-нибудь стану достойной его...
как будто «когда-нибудь» – вектор мечты.
А это – три года спустя, на ходу
узнать – и космической льдиной застыть:
Вчера, на тридцать четвертом году...

И не исправить... И не стереть...
И ни ощутить, ни забыть нельзя...
А я не могла на него не смотреть
всегда, когда закрывала глаза...

Так прошлое с будущим, жизнь и смерть
мгновенно меняют свои полюса.
Что прежде казалось невысказанным смель –
отныне обязана написать.
Для собственных глаз, с этих пор сухих.
Для истинной жизни – всему взамен.
И метишь беспомощные стихи
одним посвящением: А. И. Н....

Когда наступает Великий Облом,
попутно лишаешься шор и оков.
И многое запросто – красный диплом,
четыре книги (увы, стихов)
и прочие вежи бесплатных услад...
Вот если б наука не сдохла в стране –
вполне мог случиться весёлый расклад,
когда миллион бы достался мне,
а не Перельману. Но я бы взяла –
и значит, достойнее Перельман.
К тому же на рынке, где сажа бела,
ценней математики мат-перемат,
поскольку без мата не описать,
как прозой жизни сбывался бред,
империи рушились в полчаса,
хай-тек размножался... И только портрет –
его не смогли растоптать года
стадами сапог, отсудить судьба,
подделать мечты. Но теперь, когда
я вдвое старше самой себя –
новейшая версия прежней души,
недоумевающей – кто она? где? –
теперь он в сердце моём зашит,
и я не могу его разглядеть.

Владимир ПУЧКОВ
Николаев

ЛЕСНЫЕ КАЧЕЛИ

Многослойного хвойного неба качнётся изнанка –
в ненадёжную кладку подошвами вцепишься ты.
Как поганка, сквозь хвою проткнётся консервная банка –
но рванут её ветки, с размаху швыряя в кусты!

Ах, лесные качели!.. Зеркальным законом влекомы,
подмосковные ели шатаются, как метрономы,
и в согласии с ними мы чертим скользящие дуги,
и толчками дыхания себя растворяем друг в друге...

Всё длиннее разгон! Рыжий воздух, как хвоя, спрессован,
и колючей штриховкой небесный навес прорисован,
и летят, чередуясь, в застойной полуденной суши –
проржавевшие ёлки и наши зелёные души.

Встали дыбом качели! Верхи и низы перепутав,
бьёмся в тесной ловушке – меж двух параллельных батутов:
многослойное небо пружинит уже под ногами,
одряхлевшая шишка летит, растопырясь, в зенит –
и пробоина вмиг зарастает густыми кругами...
Остаётся лишь точка, откуда кузнечик звенит.

Как палаточный полог – туман предрассветный открою:
у матёрого ельника – в свежих подпалинах хвоя,
молодая грибница маслят, не родив, схоронила –
не пустил разродиться забытый лоскут хлорвинила.
И на точке секретной фиксирует ухо радара,
как в котомке у лешего пусто звенит стеклотара.
И кукушку заело: колотится, счёт перепутав,
меж землёю и небом – меж двух параллельных батутов!..

МЕРТВОВОД

Крытый замшей гранит и чумацкого утра рассол.
Край ущелья кренит валуна ледниковый мосол.
И разлуку таит не толящая жажду вода.
По веревке – в аид... Я тебя не найду никогда.

Веет ветер высокий, и слабое сердце болит,
зуммерит над осокой опухший от спячки нуклид,
а из каменных сот неотрывно глядят за тобой
то обглоданный глод, то убойный цветок зверобой.

По равнине, в рванине – влекло эти воды весло,
чтобы в тесной стремнине их корчью падучей свело.
Что мне хлеб на меду, родника искряная слюда! –
в преисподнем саду я тебя не найду никогда.

На откосе крутом в тощем русле шуршат будяки.
Перевиты жгутом сухожилия мёртвой реки.
Но клокочет поток, рванный норов по норам тая,
как плетёный батог, как змеиноного тела струя!

На железную клямку ущелье замкнёт вертолёт.
Как аптечную склянку – храню в рукаве Мертвовод.
И шиповника след – поцелуя отравленный грош –
рдеет эхом в ответ: ты меня никогда не найдёшь...

ЛЬВОВСКАЯ ПЛОЩАДЬ

Я люблю этот город, его снеговые холмы,
тесноту переулков с ванильным настоящим бытом,
и лепнину карнизов, и звон ледяной бахромы,
и парной чернозём, что под вечер густеет, как битум.

В малом сквере треуголом хрустел подмороженный март,
ранний сумрак таился в еловых негнущихся лапах,
но троллейбусный свист настигал, как ловецкий азарт,
и катился по снегу кофейни тропический запах!

Над калёной жаровней рождался невидимый чад,
нескончаемый вечер был крепок, и сладок, и чёрен...
Ты сидишь, посмуглев, ты молчишь, потерявшая счёт
черепашкам – из чашек ползущих – раздвоенных зёрен.

Ты навстречу спешила, не слыша хулы и молвы,
ускользала из дому, таясь всё хитрей и коварней,
и над нами неслышно парили крылатые львы –
над любовью моей, над возлюбленной нашей кавярней.

Я люблю эту площадь, где сквер, и кофейня, и ты,
я люблю этот Киев с его снеговыми холмами,
где горит общепита очаг и, доньне чисты,
два крыла бескорыстных невидимо плещут над нами.

НОЧНОЙ МОТОЦИКЛИСТ

Дороги скоростью светились,
во мраке две звезды дрожали.
Они с небес ко мне скатились,
и обе – за руки держали.

А я летел, не зная знаков!
Когда шоссе меня стяхнуло,
одна – отпрянула, заплакав,
другая – в ужасе прильнула.

В палате пахла маттиола,
горели нити вполнакала.
Одна – укорами колола,
другая – руки целовала.

И покрывалась белизною,
со мною вместе угасая.
Одна была моей женою.
Моей звездой была другая.

ВСТРЕЧА НА СТОЯНКЕ ТАКСИ

Ты вновь эту руку целуешь,
повинной склоняясь головой.
– Любовь, у кого ты ночуешь?
– У добрых людей, мой родной.

Ты скомкано и торопливо
бормочешь любезный пустяк:
– Любовь, ты всё так же красива...
– Неправда, мой милый, не так.

И стайка морозного пепла
отпархивает от колёс!..
– Любовь, от чего ты ослепла?
– От слёз, моя радость, от слёз.

ЗАПОВЕДНАЯ ЗОНА

Словно волны о берег, шуршат мотыльки о стекло,
в разноцветных палатках галдит незнакомое племя...
Если скажут мне скоро, что время моё истекло, –
попрошу, как в хоккее, считать только чистое время.

Все авансы истратил. А кажется, было вчера...
Не осталось уже никаких отговорок и пауз.
Плещут чистые волны, как чистое время. Пора
ладить лёгкую лодку, проветривать латаный парус.

Нынче сеть пересыплю, хозяйке забор почию,
над бессонным лиманом глотну грозового озона...
Сплошь в огнях берега!.. И яснее теперь, почему
всё тесней и бесценней моя заповедная зона.

ОБЖИНКИ

Молчу, обжѣгшись о традицию:
горит пожнивная стерня,
сухую землю отродившую
ползучим заревом черня.
В соломенные переулочки
погромный гул валит, пунцов –
вздымают крылья перепѣлочки,
сзывая огненных птенцов!
И, судорожно вздѣрнув плечики,
посмертной нотою звеня,
из-под колѣс летят кузнечики
живыми брызгами огня!
Спешат уйти ежи и полозы
в застенки брошенных кошар,
но им навстречу лесополосы
сухой прикапливают жар –
и золотыми виснет сотами
воспламенѣнная листва,
и дымными коловоротами
уходят в небо дерева!
Моѣ пристанище порушено:
гляжу из дымной пелены –
холмы ольвийские в Парутино
дурным огнѣм опалены!..
О чѣм молчим ночами лунными
на плоской тверди нежилой?
Мы были гетами и гуннами,
а стали хлебом и золой.
Пока ножи за голенищами
голодной завистью горят,
мы будем вечно полунищими –
косоворотный продотряд!
Кочуй, кучумье племя хамово –
подножный прах взойдѣт с нуля...
На сотню вѣрст, до моря самого, –
горит, горит, горит земля!

***

Я собирал свои чувства в копилку:
выпало – враг.
Я собирал свои чувства в блокноты,
прочерки ставя –
там, где слова.
Даже тебя сокращал, как длинноты.
Где ты теперь,
чем ты жива?
Цифры думалось – впрок,
выпало – в прах.
Даже тебя создавал под копирку:
думалось – друг,

царапнутся – чей это номер?
Звякнет в копилке ломаный грош...
Господи, как я себя экономил!
Все отдаю –
ты не берешь.

Елена КАСЬЯН
Львов

***

Всё линяет, теряет краски, сходит на нет.
Это просто зима, мой мальчик, и это проходит.
Но пока в поднебесье стучат ледяные ходики,
Но пока не отмёрзли ещё хвосты у комет,
Ты мне будешь свет.

И стараньями новой зимы я узнаю о том,
Что ты снова постригся, сменил гардероб и мысли,
Научился писать «моя девочка» с верным смыслом.
И хотя в этой девочке я себя вижу с трудом,
Ты мне будешь дом.

Для того чтобы видеть, достаточно просто смотреть.
Я целую глаза твои, чтобы они просветлели.
В этих белых снегах нам не будет ни сна, ни постели,
Но когда я тебя отопрею хотя бы на треть,
Ты мне будешь смерть...

Но задолго до этого нас разведут, как мосты,
Время нам ничего просто так не отдаст, не подарит.
Моё сердце похоже на отрывной календарик.
Но пока ещё в нём остаются пустые листы,
Ты мне будешь ты.

***

Агнешка живёт в квартирке под самой крышей,
Стирает чулки в тазу, варит рыбу кошке,
Подолгу глядит в окно, и по будням пишет
Записки тому, кто живёт этажами выше,
Что крема для рук осталось совсем немножко.

Внутри у Агнешки летят и летят снежинки,
Она проплывает себя на блестящей льдине...
Агнешка не любит кино, не крутит пластинки,
А просто стирает чулки на ажурной резинке,
И трёт их, покуда вода в тазу не остынет.

Под окнами ездят машины и ходят люди,
Им дела нет до Агнешки – известно точно.
Но если она вдруг чулки постирать забудет,
Возьмёт и однажды их вовсе стирать не будет,
То страшно подумать, что с ней случится ночью.

А ночью чулки шуршат и в постель заползают,
И прячутся в складках, и вверх по груди струятся.
Агнешка бежит – целый таз воды набирает,
Агнешка не дура, Агнешка прекрасно знает,
Что мокрым чулкам уже на кровать не забраться.

***

Едет Василиса Прекрасная на бал в своём коробчонке,
и вспоминает бабушку, и песцовый её воротник.
Как везла её бабушка в саночках
по карамельному снегу,
как были они обе бессмертны, как воздух вокруг звенел.

И думает Василиса-младшая, куда же всё это делось:
и бабушка вместе с санками, и снег, и пушной воротник?
А в правом рукаве спят лебеди,
а в левом – застыло озеро.
И косы теперь тяжёлые, хоть поступь ещё легка.

– Если б тогда я знала, – думает Василиса Прекрасная, –
что из этого детского счастья, из всех этих искр в груди,
получится такая усталость,
такая бездарная глупость,
одна лягушачья шкурка, да Иван-дурак впереди...

***

Дерево машет крыльями, словно птица,
Ветер ласкает ветку за голый локоть.
Где это было видано – так влюбиться,
Даже теперь не зная ещё, насколько.

Город по небу водит луну за нитку,
Нет неизбежней времени, чем вот это,
Можно ещё уснуть со второй попытки,
И, наконец, очнуться в другое лето.

Даже прощанье – это, отчасти, встреча.
Жизнь поступает с нами не зло, но мудро.
Кто понимает это, стареет легче.
Спи, у тебя случится другое утро.

Там баобабы прячут траву от света,
Кто-то надёжный ведаёт семенами,
Там Антуан летит над своей планетой –
И ничего плохого не будет с нами.

***

Если кому не спится, так это Насте.
Настя лежит в постели, и смотрит в угол.
В этом углу живут все её напасти,
Страх разрывает сердце её на части.
Насте почти шесть лет, и бояться глупо.

Глупо бояться, но кто-то в углу дышит,
Мучает кукол и душит цветных зайцев,
Страх подбирается к Насте всё ближе, ближе,
И языком ледяным вдоль лопаток лижет.
Настя сжимает простынь – белеют пальцы.

Выхода нет, и куклам ужасно больно –
Настя кричит: «Мама! Спаси кукол!»
Мама вбегает и видит всю эту бойню.
И говорит: «Ну хватит! С меня довольно!»
И до утра ставит Настю в тот самый угол.

Настя идёт через сквер в ночной рубахе,
С полным пакетом игрушек, убитых ночью.
И высыпает на землю у мусорных баков,
И с удивленьем глядят дворовые собаки,
Как она топчет их, топчет, и топчет, и топчет!..

***

Где в песне ветра – отрицанье смерти,
Уже душа прозрачна и легка,
Ещё стоишь, как продолженье тверди,
Но прямо сквозь тебя течёт река.

Ещё сшиваешь мир с изнанкой слова,
Не ожидая ничего взамен,
Ещё не отнят у всего живого,
Уже разъят на космос и на тлен.

Уже разъят на жизнь и на иное
И разделён на музыку и тишь,
Где каждый звук отточен и отстроен,
Где ты вот-вот с Господних уст слетишь.

Анна СОН
Одесса

ПРОСТО ПОСЛУШАЙ...

На аллеях городского сада
сыро по-осеннему и стыло,
воздух непереносимо сладок,
как в телепрограмме «Это было,
было...», и поет какой-то парень
старые и странные куплеты.
Этот день без умысла подарен
мне в начале нынешнего лета
кем-то, кто нежадный, как погода,
знает, что мне надобно для грусти –
тишина, отсутствие народа,
серый одуванчик, желтый кустик.
Господи, еще перечисляю...
Я еще подробно, без обмана
расскажу: жива, дышу, гуляю,
вздрагиваю, если слышу: «Анна!»

***

Когда не в этом городе, то где бы
увидела, как почернело над
массивной вертикалью колоннад
нешуточное северное небо.

Недостает мне строгости творца,
решимости давно умерших зодчих,
чтоб подобрать эпитет к этой ночи.
Пусть остается этой до конца.

***

Мне хватит одного небитого,
полубольного и не бритого.
Расположился насовсем
с холстами, лаком, скипидаром.
Сказал, что встанет ровно в семь,
чтоб солнце не светило даром.
Подолгу рисовал меня,
писал картину больше года,
лишь освещение менял
и жаловался на погоду.
Которая по счету осень
под ноги мягко стелет листья?
Он никогда меня не бросит:
никто как я не моет кисти.

***

Семнадцать лет. Я узнаю стихи.
Есть два наилюбимейших поэта.
Еще не написала ни строки
и даже не подумала об этом.

Семнадцать лет. Предчувствие утрат
и обретений. Необыкновенно
я радуюсь тому, что пишет брат,
а брата друг влюблен в меня, наверно.

Ах, если б это знать наверняка!
Почти готов сценарий нашей свадьбы.
Не зря из теткиного сундука
изъят журнал «Столицы и усадьбы».

Журнал красивой жизни: шоколад,
духи, наряды, – словом, все на свете.
Хранился для меня чудесный клад
в течение семи десятилетий.

Семнадцать лет. По улицам кружить,
читать Ахматову и Гумилева,
дышать вполсилы, в четверть силы жить,
и впитывать изысканное слово

и воздух невообразимых стран,
влюблять в себя родного человека,
и принимать предутренний туман
за петербургский день начала века...

***

Сегодня снег, как медсестра,
все некрасивые места
больного города прикроет.
И Юго-Западный массив
до первых дворников красив,
вернее так – благопристойен.

Кому еще не рассказала:
мой пятилетний молодец
при виде здания вокзала
орет восторженно «Дворец!»

***

Вы смотрите в окно.
Куда еще смотреть...
Вот вашего лица
мерцающая треть.
Вы греете стекло
дыханьем и рукой,
и смотрите в окно,
и видите, какой

сегодня вечер: снег
размеренно кружит
и падает на тот,
что со вчера лежит.
Зажгутся фонари
и отодвинут темень.
На каждого по две
скрестившиеся тени.
При свете фонарей
гуляют одиноко
похожие на тех,
что смотрят вниз из окон.
Вы смотрите в окно...
О, как неповторимы
и снег, и фонари,
и проходящий мимо!
Полночи вам не спать –
стекло дыханьем греть.
Там вашего лица
негаснущая треть.

***

В нашем городе много хорошего,
но добраться до нас нелегко.
Заметают дороги порошею,
подливает в туман молоко
некто в белом, никем не назначенный
в участковые наши врачи.
У него все заначки заначены,
среди них – городские ключи,
почерневший от времени маятник,
позабытое кем-то кольцо,
море, лестница, опера, памятник,
ветер в спину и ветер в лицо.

***

Господи, возьмешь меня к себе,
целиком –
Нельзя душе от тела.
Я слышала – нельзя ей не у дела,
Но думала при этом о другом.
Не спрашивала:
«Быть или не быть?»
Любила море. Мне хотелось плыть
Навстречу солнцу,
но недалеко,
Чтобы вернуться к берегу легко.
Вопросы задавали – не смогли
Ни душу уберечь свою, ни тело.
А я такие яблоки здесь ела,
Что мне не оторваться от земли.

***

Жена то смеётся, то плачет.
История тихо, как мышь,
молчит. Ты стареешь иначе,
чем думаешь и говоришь.
Так трудно в утробе трамвая –
платок носовой не найти.
За окнами кошка живая,
как женщина лет тридцати.
Всё так же душа отзовётся
на запах, на смех, на дуду.
От дерева лист оторвётся –
последний в текущем году.

***

Сереет день, темнеют лица...
Ты кто: охотник или вор? –
немотивированно мчится
косая шавка через двор.

Машин сработали гуделки –
в такие дни они орут.
Больных похерили сиделки
от ужаса, что те умрут.

Сегодня днём в двенадцать тридцать
звук, освещенье, влажность, ртуть
сложились так, что удавиться
казалось проще, чем вдохнуть.

***

Скучно? – невесело. Весело? – нет.
Что-то случилось с моим стоп-сигналом.
Помню, мартышка смотрела в лорнет.
Мама неправду мне рассказала
про географию, химию и
старческий зуд, молодые повадки.
Где остывают звёзды мои,
нет ни стакана, ни чистой тетрадки.

Девочка Надя закроев лицо,
девочка Вера расплачется снова.
Мне перед ними стоять подлецом,
тише травы и не вымолвить слова.
Так и стоять: не живи, не дыши,
ты никому ещё зла не хотела...
Чем нагрузить половину души,
неповреждённую в битве за тело?

***

Куда идёшь, усталый, как старик,
который от ходьбы почти отвык
и помнит только о передвиженье?
Полёт листвы, каштанов редкий звук...
Пусть доктор созерцательных наук
тебя научит самовыраженью.

И вот уже не тихий гражданин,
а некто, кто по городу один
пройдёт и в простоте не скажет слова...
Полёт листвы, каштан по голове,
второй в руке и третий на траве –
красивей и коричневей второго.

***

А в небе такая луна,
что вряд ли когда и приснится.

– Ты веришь, что время – волна?
– Я думаю, время – частица,
осколок, разменный пятак,
прикол для имеющих уши.
Послушай: тик-так, да не так,
как надо бы. Просто послушай.

***

Дом без жильца.
Две крыши. Стенок нет.
Моллюск погиб.

Ракушкой ребристой,
То серо-голубой, то серебристой,
Он обрастал в теченье многих лет.

Его, наверно, мало занимало,
Что жизнь не начинается сначала,
что будет пустовать прекрасный дом.
Он дно любил.
И в радости и в горе

под круглой крышей полоскалось море,
А море для него питье и корм.
На маленьком, забытом всеми пляже

найдем кусочек тени, рядом ляжем

И будем слушать, как шумит прибой.

Наш мальчик любит собирать ракушки.

Совок, ведерко, прочие игрушки
Наполнит он и унесёт домой .
Вот лето кончилось, к концу подходит осень.
Уже темнеет в семь, светает в восемь,
И скоро будет долгая зима.
А мы о тёплом море вспоминаем,

когда из-под дивана выметаем
Моллюсков опустевшие дома.

Гостиная

Денис ГОЛУБИЦКИЙ
Киев

***

Пудель дыма не лает и, прыгая с крыш, не рычит.
Дрессировщику-ветру идет ремесло цирковое.
Птица дыма летает. И ряд репетиций в ночи
акробаты-дожди, как обычно, проводят по двое.

Через окна афиш смотрит осень на резвость зверей.
Сентябрю-дирижеру дают черновик партитуры.
Птица дыма седеет. Поет над силками дверей,
над тенетами стен музыкальные чертит фигуры.

Скоро вызволят всех, а пока за билет заплати
и держи его, гладь, как спасенного зверя, любовно.
Зоопарк рядом с цирком, верней, километрах в пяти,
перекличка животных начнется с момента любого.

***

Стихотворения путешествуют вместе с нотами.
Слова не признают линеек, им тесно в строках,
им бы рассыпаться по первому снегу листа.
Мед музыки загустевает, как время, а между сотами
нет расстояний, они словно в зрительном зале места.

Слова устали от стройности,
от необходимости подчиняться законам,
и даже гармонией хочется иногда пренебречь.
А ноты и сами заложники правил, математики, строгости.
Стихотворения путешествуют вместе с нотами.
И когда соединяются мелодия и речь,
рождается что-то третье, чему и названия не найдено,
может быть, иная форма существования,
но, скорее, новая плоть.
Слова и ноты – как вершины и впадины,
как близнецы, как синонимы,
как плод, который на две половины
еще предстоит расколоть.

***

Разучивать хорал
усердно, как молиться.
И сколько б ни хворал
орган, он исцелится.

Разбрасывать вокруг
себя ночей частицы,
и клавишам от рук
на время дать отбиться.

Раскручивать спирали
нот, а нити путать.
Как будто тушь с пера
стекают контрапункты.

Раскладывать пасьянс
осенних листьев нотных,
как предпоследний шанс,
как знак условий льготных.

Разгадывать кроссворд
дымящих перекрестков.
Октябрь – простой аккорд,
он создан без набросков.

Разучивать хорал,
заболеть, лечиться.
И, сколько б ни играл,
как в первый раз, учиться.

***

Колыбели поездов
не уют, но все же способ
обрести на время кров
и понять, куда ты послан.

Иль совсем наоборот –
в сотый раз лишиться крова.
Время паузу берет,
чтобы стать в составе крови

плазмой, сывороткой и
формулой, формой, лимфой.
Не судьбу, так ночь крои
светотенью монолитной.

Колебания пространств,
колыбельный стук и скрежет.
Нож безвременья и трасс
жизнь, как хлеб, на части режет.

***

Ткань или кружево зимних бесед
мы все равно не порвем.
День, словно спятивший старый сосед,
выйдет в оконный проем,

но не разбиться ему об асфальт,
слава прыжку и скачку.
Ночь будто гордый пронзительный алыт,
так доверяет смычку

молнии, что репетиций взамен
нервно играет с листа.
Вырвется свет из артерий и вен,
зрителям сесть на места

будет приказано. Хлынет концерт
ливнем из Божьей горсти.
Это единственный способ, рецепт
все сохранить и спасти.

***

Любое твоё положение –
военное.
Победа короткая и поражение
мгновенное.
Любое твоё поражение,
победа каждая –
всего лишь рутина движения,
которого жажда,

душа ищет мира
если не за тридевять
земель, то для мифа
положено утрировать.

Любое твоё пожелание –
наивное.
Окликни страну проживания
по имени.
Военное или мирное –
невинное.
Внизу только небо минное,
солнце винное.

***

Ещё не видеть, как зима
декабрь бросает на лопатки,
но знать, что вьюга казнена
на эшафоте мерзлой кладки.

Ещё не ви... не слы... не вслух,
служба молве и недомолвкам.
Сраженья закаляют дух,
терзая тело светом ломким.

Уже переболеть зимой,
как самой легкой формой кори.
Декабрь тяжеловесный мой,
дерись до первой белой крови.

***

Слепи со мной снеговика,
пока на свете вдоволь снега,
пока мы взрослые, пока
мы дети снегу. Вместо «лего»

и прятки вместо. Наверстать
еще возможно этой лепкой
немало. Времени подстать
разбавить снег настойкой крепкой.

Слепи с меня, пока зима
сильнее оттепели гнусной,
слепи, пока не пронзена
душа, как светом, мыслью грустной.

Слепи, но зрение верни,
и, умножая многократно,
декабрьские восполни дни,
идя к младенчеству, обратно.

***

Кончился календарь. Показалось, умолкну.
Даже овца не всегда покорится волку.
А человеку нельзя замолчать, тем паче.
Да и к тому же, эта зима – собачья.

Разве могу оставить тебя без пищи?
Сонный сверчок, во всяком твоём жилище
тку тишину, нахожу уголок укромный,
будто во мне уместится мир огромный,

словно в тебе такие сокрыты зимы,
что без стихов пусты, невообразимы.
Скряга-январь кричит и поет: «я – новый!».
Вторит ему ночной хоровод еловый.

Не доверяй бессмысленным числам, играм.
Слава снегам, не больно ходить по иглам.
Каждый поэт всегда по стихам гадает.
Пес не рычит, лишь медленно кость глодает.

***

Метеликів серпневих квіти
Ховає вересень повільно і
Німі народжуються діти
У всіх філософів, повір мені.

Мій Аристотелю, Сенеко мій,
Добранічні лаштунки зірвано.
Давно обіцяне лелеками
Збентежить слух, загострить зір мені.

Лише й потрібно на завершення
Не стільки року, скільки снів його
Доречне вимовити речення –
Дар листопада дієслівного.

Татьяна БЕРЕЗНЯК
Кропивницкий

ДОЖИТЬ ДО СТИХОВ

От реальности прячась в сны,
Грызли жизни засохшую корку.
Как бы ни было грустно и горько,
Всё же дожили до весны.

Всё же дожили до тепла
И до радости первых листочков.
Бог отсрочил финальную точку,
Нам с тобою воздав по делам.

Вот и дожили до любви.
Слышу шёпот её и дыхание...
Счастью быть! Иль «Свежо преданье...»?
Что ж, утешимся «C'est la vie!».

Вот и дожили до стихов.
(Вдруг пришли, а откуда – не знаю).
Созерцаю явление мая,
Славлю неба цветущий покров!

ЛЮБЛЮ

Нет, мне ни в чём не надо половины!
Евгений Евтушенко

Я выставлю в игнор любую боль,
На паузу – хандру, и грусть, и горе!
Как нам навстречу с шумом мчится море –
Так неожиданно вошла в меня любовь...

И нынче я сама себе укор:
Как долго я тебя не замечала,
И почему с другим за чашкой чая
Вела о жизни полуночный разговор?

Мне б не вспугнуть любовь – она хрупка,
Не испугать тебя моих страстей лавиной.
«Нет, мне ни в чём не надо половины!».
Мчит чувства полноводная река...

Сдержусь. Прикосновеньем жарких губ
Лишь мысленно твои целую пальцы...
Свою любовь я натяну на пальцы
И вышью гладью огненное «Люб...»!

Л ю б л ю т е б я , л ю б л ю !
Как жадно любят радость,
Как любят чудо радуг
И магию огня.

Л ю б л ю т е б я , л ю б л ю ,
Как первый день творенья!
Творцу благодаренье,
Что ты любил меня...

Л ю б л ю т е б я , л ю б л ю ,
Свет моего оконца!
Мне поцелуй прощальный,
Как ветер дальних стран...

Л ю б л ю т е б я , л ю б л ю !
Так зимы любят солнце,
Так реки дышат счастьем,
Вливаясь в океан!

***

Любовь, зачем... оставила меня?
Ужель сочла – объект недосягаем?
И страсть ушла, что бушевала в мае.
Звала, манила, полная огня;

Свиданья назначала у реки,
Рвала меня, влюблённую, на части
И в поисках мифического счастья
Неслась за горизонт, ломая каблуки? -

И унеслась, трубя любовный гимн...
Уснуть на ложе страсти, лучшем ложе.
А, может быть, она ушла к другим –
Кто посмелее, краше и моложе?

Упорно пишет грустное перо:
«Она ушла... лишь нежность мне оставив...
Твоими, Нежность, говорю устами.
И плачу, и вдыхаю, как Пьеро».

СНЕЖНОЕ

Как хрупко прикосанье снега
К рукам, деревьям и домам...
О, снег – и альфа, и омега
Поры по имени Зима!

Она, сойдя на степь и город,
Взбивает так перины, чтоб
Покрылись белым пухом горы
Карпат, Урала и Родоп.

В Родопах дом... В честь снегопада
Зажжён камин, трещит огонь.
Ты вышел... и упасть я рада
Снежинкой на твою ладонь.

ХАТИКО

*Который уж, ну который – март?!
Марина Цветаева*

Я – Хатико. Здесь, в толчее вокзальной,
Расстались ненадолго мы – легко.
Взмахнув рукой, с улыбкою прощальной,
Уехал ты. Я жду. Я – Хатико.

Который год прошёл с тех пор? Который?..
Счёт времени – не годы, а века!
Мчит, удаляясь, жизни поезд скорый,,,
Как бесконечно встреча далека!

Пока живу, я в ожидании – профи.
Мне лишь гадать назначено судьбой,
Когда же явится – анфас ли, в профиль? –
В окне вагонном образ дорогой...

Ты постарел, должно быть?.. И седины,
И впалость щёк, и сеть твоих морщин –
Увижу ль я, хотя б на миг единый?
Ты и с годами – лучший из мужчин!

А время мчит сквозь зной и холода...
Глаза слабеют, разучились плакать.
Я – на посту. Моё призванье – ждать.
По гороскопу я – Собака.

* Хатико – пёс породы акито-ину, являющийся символом верности и преданности в Японии. В течение 9 лет (вплоть до своей смерти) ожидал возвращения своего умершего хозяина.

НА КИНБУРНСКОЙ КОСЕ

Владимиру Пучкову

На жаром солнца выжженной косе,
Где слава Кинбурна когда-то прогремела,
Я – в ловле мидий новичок несмелый –
Брожу, топчу ракушечный отсев.

А на песке – орнамент... птичий след...
Стою у моря... здесь шагал С у р о в –
Сродни природе – строгий и суровый,
Как на косе синеголовник, – сед...

О, Кинбурн, твой загадочен пейзаж!..
Пленюсь, коса, твоей красой неброской,
Подмечу все и сделаю наброски,
Найду слова, чтоб о тебе сказать!

Пустынно здесь, растительность скудна:
Типчак, полынь да острые осоки.
Вдали маяк маячит одиноко,
И в месте заповедном я одна.

Здесь царство птиц, здесь шумный их базар:
Просторов ширь, гнездовья и причалы.
Баклан спешит от берега отчалить,
Как только попадаюсь на глаза...

А надо мной – безумье птичьих стай,
Белеют чайки вместо альбатросов.
– Их тысячи? – Полегче нет вопроса?
Попробуй-ка все это сосчитай!

А надо мной – лазурь и бирюза,
Ультрамаринит неба яркий зонтик!
И терракотовым – на горизонте –
Как Шмидту память – остров Березань...

Диана СУШКО
Киев

***

Уходя уходи, возвращаться плохая примета.
Ни слова, ни объятья не могут уже повлиять.
Видишь, канули дни неприкаянной нежности в Лету.
слышишь, память, и та, не спешит о былом начинать...
свой рассказ.

Снова тает июль, убегая водой из ладони,
грустно ищет душа от песчаного замка ключи...
Снова взгляды в лазури небесного купола тонут...
и разносится с ветром: «Меня не ищи, не ищи...».

***

Хочется предрассветной хмельной поры,
где ещё нет порока, вины, игры,
где наши клятвы ветрены, но щедры,
и от тоски ни следа...

хочется той наивной простой любви,
где кто-то рядом – явно не визави,
где на открытке тёплое «позови
– и через час приеду»...

хочется, как в шестнадцать, мечтать о том,
что через пару сотен пустых «потом»
будет у речки светлый красивый дом,
и на крыльце два пледа...

хочется снова верить, не чуя лжи,
глубже вдыхать и чувствовать эту жизнь,
с кем-то родным рассматривать витражи,
печь пироги к обеду...

только степенно тает за годом год,
с каждой морщинкой стойко цинизм растёт,
новый не так уж радует поворот –
кажется полным бредом

жизнь начинать с нуля, и на полпути –
пальцы разжав, выдавливать «ты прости»...

да и открытку ту уже не найти...
вряд ли он ждёт ответа...

***

В мені щось вмерло тієї ночі
(і час відтоді сповільнив хід),
а ти спокійно вдягав сорочку...
Кривавив обрій в п'ятьмі пророче...
Обдерла спину – то буде слід.
То буде пам'ять про вірність слову,
то буде віра в небесну синь.
То буде наша німа розмова,
гірка розмова, як той полин.
Остання...

***

Мені хочеться, аби ти мене на руках носив...
підіймав, наповнював би теплом.
А у тебе на все це немає сил.
...сунеш напролом.
Мені хочеться, щоби ти малював мене,
поки сплю, відкривав нові грані...
наче скрипку стискав, налаштовував струни...
щоби я розливалась в твоїх руках неземним звучанням.
Юним
ти б тоді залишався... довше.

Без броні...

Я би не так лякалась твоєї сили, легше чогось просила,
менше казала «ні».

Мені хочеться, щоби ти був частіше зі мною...
живим, відривався від самоти.

Сміявся, говорив про дитинство...

Ми б лишалися наодинці... і цілувались.

Поки маємо час.

Шкода, що тебе надто мало

...в нас.

***

Так він моїм ніколи і не був,
хіба що уві сні плече й торкнувся,
і схоже, якимось вчасно схаменувся...
Забув...

...і я сама блукаю вкотре в тиші,
довкола сніг і темінь, і ...перон.
Так хай нарешті вже мене облишить!
...той сон.

***

Я просила дівочку у реки,
распуская волосы по плечам.
Я просила дівочку вопреки
взглядам пламенеющим и речам.

Я просила дівочку у земли,
наливное яблочко в сентябре.
Чтобы корни мирно ее росли,
я просила дівочку на заре.

Я просила девочку не дыша,
устремляя к Небу с мольбою взор.
На висках измотанная душа
рисовала вычурный все узор.

С волосами темными, как смола,
я просила девочку у огня,
как лазурь – смиренную. А пришла
– вовсе непохожая на меня.

***

Стелится небо просинью, прячет в подол года...
Тихая, светлокосая... будет с тобой всегда...

нежность хранить на кончиках пальцев в ночной тиши...
В голосе – колокольчики, платица-вitraжи...

Поступью мягкой, бархатной мерить хмельной рассвет...
стол лепестками сакуры вновь накрывать в обед...

...

Летние ливни падают, струями жжёт вода...
Может, слетаем в Падую? Только когда... когда?

Может, посадим яблоню... может, посмотрим фильм?
Может, в лесу у озера просто поговорим...

Может, ты слышишь, шепотом просит она тепла...
просто она безропотно столько ждала... ждала...

....

Стелится небо просинью – прячет в подол года...
тихо уходит женщина – видимо, навсегда...

***

Куди ми ідемо, Господи,
якого шукаєм прихистку?
Сьогодні мені наснилося,
що бабця і дід живі.
Сиділи на лавці з гостями,
бабуся все метушилася.
І ніжились сонно яблука
в зеленій густій траві...

В саду ще гуділи вулики,
нагріті осіннім теплом,
і пахло медово приторно,
і айстри дивились в синь.
І в їхніх словах не чули ми:
«Провідуйте, нас, провідуйте»... –
слова облітали й сивіли,
і з них проростав полин.

Пожовклі дитячі спогади
зриваються листям з пригоршні.
Печаль витікає оловом
з розпаленої душі.
Як мало я знала, Господи,
як мало пеклась їх долями.
Як швидко, торкнувшись вічності,
наблизилась до межі...

***

Така світла музика. Може, вальс.
Ти стоїш на відстані пари слів.
Я прийшла сьогодні уже до вас,
побажати вірності з плином днів.

Побажати мудрості і тепла,
золотих жнивварських тугих вінків.
І тієї ніжності, що була
нами заштрихована між рядків.
І тієї пам'яті, що жива,
що вмиває зливою крізь роки.
І тієї музики, що в словах,
і отого дотику до руки...

Владимир ГЛУЩЕНКО
Славянск

ПАУЗА

Я беру текст и, вычёркивая слова,
оставляю лишь знаки препинания.
И – удивительное дело –
мёртвый текст оживает!
На зелёной ветке появляются почки!
Всё просто: мир состоит из пауз.
Мы живём в настоящем.
А настоящее и есть пауза!

***

Один мой знакомый писал стихи
о том, как он будет писать стихи.
Результат очевиден, и речь не о нём.
Лучше я
распахну окно,
и терпкий запах майской сирени
заполнит мир,
и я подумаю о том,
что совсем не нужно
зарифмовывать эти запахи,
эти мягкие звуки,
эту луну,
эти всплески звёзд...
Ни с чем не нужно
рифмовать
все эти вешки
тёплой киевской ночи.

И вообще описывать это не нужно.
Лучше просто вдыхать в себя
эту весну, этот май, эту ночь,
вбирать всё это в себя,
дышать, дышать...
И быть счастливым оттого,
что ты дышишь
в такт... в такт... с миром...

ГИМН АНЖАМБЕМАНУ

Я люблю анжамбеман!
А то строфа – как в саркофаге.
Я прыгну в яростной отваге,
готовя будущий обман!

Я люблю анжамбеман!
О боль и хрупкость переноса,
воплъ нерешённого вопроса,
диз с бемолем ... и туман!

Я люблю анжамбеман!
В нём ритма истинная сила!
Будь бесконечным, стих-верзила!
Ещё нам рано по домам...

Я люблю анжамбеман...

***

М.Л.

Прикоснусь к твоему челу,
чтоб ничто тебя не мучило.

Прикоснусь к твоим устам –
ты Изольда, я Тристан.

Прикоснусь к твоему плечу.
Я с тобою в вечность лечу.

Ты любовь моя, а я
половинка твоя.

***

М.Л.

Пряные ночи, белые тени,
свет без конца.
Мягкие гроздьё белой сирени.
Абрис лица.
Милая, милая! Плечи и речи.
Взгляд – наповал.
Месяц прицельно звёздной картечью
нас обстрелял.
Вот мы с тобою лежим, как в траншее.
Бьёт звездопад!
То ли нам с бантом, то ли на шею
звёзды летят!

ДЕТСТВО

Вброд
море переходит пароходик, обгоняя с шиком лодку,
а вода ему по щиколотку!

Взлёт!
Небо облетает самолётик, чудо-птица,
выше – только звёзд небесные зарницы!

Вот
мы и нарядили нашу ёлку, чудо-ёлку!
Отчего же я тогда подглядываю в щёлку?

САНКИ

Санки моего детства!
Вы везёте меня
через всю жизнь!
...Метёт пурга,
чуть впереди в иглах снега –
папа.
Снежная крупа
сечёт натянутую верёвку.
Щеку мою греет
шерстяной платок.
Я еду на ёлку в школу –
я, пятилетний!
Там, в большом зале,
фланелевым зайцем
я в кураже
буду прыгать вокруг древа,
и местная газета «Еланский колхозник»
напишет обо мне –
дошкольнике на школьной ёлке!
Я стану знаменитым!
...Санки моего детства!
Вы везёте меня
через всю жизнь!

ДВА РАЗЛИВА

*Светлой памяти моего брата
Анатолия Глуценко*

Я всегда подражал тебе, старшему.
Помнишь, ко дню рождения мамы
ты сделал макет –
Ленин в Разливе?

Мне особенно понравился топорик,
вбитый в пенёк.
Я, конечно же,
решил сделать то же,
что и ты,
но ведь я младший,
и мой Ленин в Разливе
получился поменьше.
И топорик вышел похуже.
...Мама улыбнулась,
получив такие замечательные подарки!
...Прошло много лет,
но вижу, как наяву:
два Разлива, два топорика, два шалаша.
Возле них сидят двое Лениных
и готовят два Октябрьских переворота!

Анна МАЛИЦКАЯ
Одесса

ГИЛЬ-ЭСТЕЛЬ

Гиль-Эстель в небесах – да и, в общем-то, много ли надо,
Чтобы снова и снова вверять свою жизнь чудесам?
Кто-то ласково тронет струну позабытой балладой,
Что до счета веков родилась в заповедных лесах.

И за тем волшебством, повинуюсь извечному зову,
Убегут золотистые дети нездешней весны.
Залежавшийся плащ на плечах вдруг покажется новым,
Обратятся в фонарик мечты и далекие сны.

Сквозь асфальтовый плен прорастут сумеречные травы,
Обнажив красоту Средиземья и вечность его,
И знакомая песня сквозь тысячи странствий направит
Одинокое сердце до кромки родных берегов.

В этом – чудо и то, для чего зажигаются звезды.
Совершенно не важно: прожил ли судьбу, не успел.
Знаешь, сколько дорог обойти еще будет не поздно,
Если путь озаряет серебряный свет Гиль-Эстель?

ЧАЯЧИЙ ПРИЧАЛ

По обтесанным доскам неслышно уходят ветра:
Их извечный причал – семь шагов в бесконечное море.
На втором забывается берег в объятиях трав,
На шестом сквозь туман прорастают закатные горы,

А седьмой пробивает навывлет печальное «Стой...» –
Это просят остаться на миг белокрылые птицы.
В облаках отражается эхом их жалобный стон,
Океанским осколком стекая по черным ресницам.

Серебристые лодки баюкают солнечный круг,
И ложится дорога, да нет парусов и отливов,
Не пускает высокий бурьян непросоленных рук,
Опускаясь на пристань под тяжестью майского ливня.

Но кому это нужно – бездомных к причалам тянуть,
Для кого эти птицы так просят остаться на суше?
Ими выдуман берег и море в осеннем дыму,
И огни маяков, что сияют потерянными душам,

И последний приют среди чаек на грани утра,
Где пути обретают взамен уходящему горю...
На втором забывается берег в объятиях трав,
На шестом сквозь туман прорастают закатные горы.

Океан перед ними велик и отрадно простой,
Но его почему-то никто не прошел до границы...
Шаг седьмой пробивает навывлет печальное «Стой»,
И ладонь на плечо опускается с нежностью птицы.

В КАРПАТАХ

Я жизнь бы этой ночи приурочил
И пел о том в кольце дорог и дней,
Как спит равнина в вышитой сорочке,
И небосвод склоняется над ней.

Как пахнут дымом волосы и ветви,
Как руки сосен гладят облака,
И, в тишине теряясь предрассветной,
Моя судьба становится легка.

Но фонари созвездий догорают.
Мне время ночь оставить за спиной –
Мой краткий отдых, мой осколок рая,
И, вновь влюбленным в день и путь земной,
Спешить, чтоб встретить Солнце над горами
Плечом к плечу со странницей-Луной.

БЕЗЫМЯННЫЙ

Зажги, земля, за меня свечу
У вечности на отшибе.
Я знаю, и без меня бы Солнце
порвало решетки туч.
И звезды взошли бы.

Я знаю, что сам убивал свет –
Пусть проклятый, затененный.
Что на пути коротком
Оставил лишь залпов след.
Я все понимаю, но не

Хочу растаять в холоде рук,
В самой тиши забвенья...
Но если и так, пусть над тобой
Качается солнечный круг!
А мне – хоть бы стать тенью.

Ни савана мне не видать,
Ни общей гранитной глыбы.
И без меня, я верю, светила б
Уже для других звезда.
И зерна взошли бы.

Но все же я в желтые листья
писем всегда молчу,
Я первым иду там, где трава – дыбом.
Пусть те, кто за мною, долго
Лелеют в груди пичуг
И звезды земных улыбок!

...

Хотя бы за это
зажги, земля, за меня свечу
У вечности на отшибе.

Снежана МАЛЫШЕВА
Киев

ПАМЯТИ ИГОРЯ ВИКТОРОВАЧА МАЛЫШЕВА

Запускаю в небо руки
В облака и в синь сатина.
Я перебираю звуки,
Приглашаю петь сатира.
Распускаю нити ветра,
Выпускаю навь на волю!
Я играю. Зимний веер
Раскрывается над полем.
Закружит поземка люто,
Заиграет на волынке.
Холод ледяной, мне любо
Скинуть пред тобой косынку.
Разметает ветер пряди
Зацелует губы люто
Он со мною в сани сядет
И в глаза заглянет. Любо?
Губы жжет холодной лаской...

Щеки омертвели вдруг...
Я целую без опаски
Твой прозрачный лоб, мой друг.
Пусть сгорят мои печали
в изумруде твоих глаз.
Может тайными ночами
Ты допишешь этот сказ?
Нет! Промерзшая землица
Обнимает стать твою.
Ты усни, пусть тихо спится...
Я тебя не отпою.
Я завою как волчица,
Зарычу как лютый зверь.
Где прозрачная крыница?
Пусть откроет свою дверь!

Только заговор с молчаньем,
Только долгая печаль.
Отойдите все с почтеньем.
Много знавший не кричал.
Не просил он откровений,
Горьких слов не говорил
До последнего мгновенья
Был что кроткий агнец мил.

А с меня моя кручина
Изнутри срывала плоть.
И погасли все лучины.
И тоску не прополоть.
Не спугнуть ее слезами
Не прогнать ее звездой.
Буду тихо ткать ночами
Гобелен любви земной.

СОН

*«И когда несли, я видел небо.
А на небе видел облака...»
Мне вчера приснилось...*

OllegLukoje

Твой ускользает силуэт, а лунный свет цветет,
Во снах играет смерть со мной, покой сбивая влёт.
Ты улыбаешься, потом смеётся тень вдали.
И кажется, что сны мои придумывал Дали.
Я книга на твоём столе, ты прочитал, а зря.
И в тесный темный шкаф убрал, но вот идет заря,
Я выбираюсь из под букв и на веранде чай
Мы пьем с собакой и котом, ты нас не замечай,
Броди по вымыслам своим, за бабочкой следи,
От холода твоей души я снова среди льдин.

Но вот касается меня крылом твой Махаон
И я танцую средь полей, где зацветает лён.
Ты смотришь.. лён в твоих глазах сменяет полотно,
И вот уже несут меня к погосту ... снова но...
Один поэт сказал, что так, виднее небо тем
Кого хоронят, облака наверно их тотем.
Я посмотрела в небеса, пересчитала птиц
И покатила по щеке слеза из-под ресниц...

СКАЗАНИЕ О КОНЦЕ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Вот век засеребрился в тон событий.
И свет таинственный упал на плечи года.
Еще не тонуций, еще почти что сытый
Метался люд по громогласным сводом.
Еще «Медузы плот» носили волны,
Еще молитва не была случайной,
Но думы были мизерны и полны
Стяжательных мотивов и отчаян
Был слог, что порождал смущенный разум.
И шепоток, перерастая в гул,
Все ширился, тая в себе заразу
Растления души. А ветер дул,
Он превращался в розги, сек он лица,
И жизни океан терпел удары,
И не было возможности напиться
Светой воды. Звучали вновь фанфары
Побед неправедных, не знавших покаянья.
И танцы над могилами врагов
Вновь стали в моде. Горя заклинанья
Творили изверги над головами вдов.
И вот сквозь серебро взметнулось пламя,
Окрасился тот век слезой багряной.
Потом, как водится, слезу вписали в знамя.
И больше не был павший упомянут.

Наталья ФИЛИПОВА
Киев

Я ПИШУ О ВЕНСКОМ СТУЛЕ

Я сижу на венском стуле
в кухне, где посуды царство.
Помню, так сидела мама
среди круп и овощей.
Мне, девчонке, непонятны
были мамины мытарства:
эти щи да эти каши.
Мы давно не варим щей...

Я сижу на венском стуле.
Мама, где же ты со щами?
Мне сегодня очень нужен
твой рецепт от зол и бед.
Субъективно и надёжно
память связана с вещами.
Венский стул стоит на кухне,
мамы нету много лет.

Я сижу на венском стуле.
Слышно звуки фортепьяно:
венский вальс, любимый, мамин.
Если б время повернуть!
Я пишу о венском стуле,
помня маму постоянно.
Я сварю и щи, и кашу.
Приходите помянуть.

СВИДАНИЕ С ПРОШЛЫМ

В доме, где окно с резьбою,
В сельской благостной глуши
Я прислушиваюсь к вою,
К плачу собственной души.
Дождь стучит по водостокам.
Ветер бьётся над крыльцом.
Тополь кажется пророком,
Но с твоим родным лицом.
Непредсказанным разлукам
Я не рада, ты не рад.
Каблуки – нещадным стуком
От надежды до утрат.
Поросли бильём-травую
Тропки в брошенном саду.
В доме, где окно с резьбою,
Фото бабушки найду.
Вот красавица Рачкова
Двадцати пяти годов...
Бьётся память бестолковым
Огоньком в охапке дров.
Под луной сторожевою
Ахи-охи развожу.
В доме, где окно с резьбою,
Память девичью стыжу:
Мне домой пора по срокам.
За оконным изразцом
Тополь кажется пророком,
Но с твоим родным лицом.

В БОЛЬНИЦЕ

Термометр зол и прыгнул высоко,
Задев, как планку, лёгочные ткани.
Ты мне приносишь с мёдом молоко
И жёлтый лист из осени неранней.

С какой из всех известных пневмоний
Бороться мне, дыша почти на ладан?
А я шепчу: «Храни его, храни...»
И твой приход моей молитвой задан.

Ты для меня придумал даже ложь,
Что наша осень тянет в лето мостик,
Что ты совсем-совсем не устаёшь
Быть каждый день моим желанным гостем.

Блестит морозом весь больничный хлам.
Ноходишь ты в серебряной оправе,
Мой добрый бог, в палату, словно в храм.
А значит – я болеть уже не вправе.

БАБИЙ ЯР

Влево и вправо лишний не сделать шаг.
К Яру бежит тропинка немного вкривь.
Жил здесь когда-то дедушка Исаак,
Жил, называя бабушку Суламифь.

Хлопнул под ветром выстрелом вражий флаг.
Август допел на идише свой мотив.
Верит в звезду Давидову Исаак.
Прячет внучонка бабушка Суламифь.

Страх, чтоб его не видели, сжат в кулак.
Вот автоматчик скалится супротив.
Нет, не спасётся дедушка Исаак!
Нет, не увидит правнуков Суламифь!

Влево и вправо лишний не сделать шаг.
В жутком яру воробушек не криклив.
Жёлтой листвой присыпанный Исаак.
Павшей звездой рядышком – Суламифь.

Память на камне выбила скорби знак.
Время не снимет с Бабьего страшный гриф.
Внук твой давно уж дедушка, Исаак!
Ходят к тебе праправнуки, Суламифь!

ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

Колонна пятая... Палата номер шесть...
Седьмое небо – высшая награда.
Восьмое чудо света, видно, есть.
Но верх всего – в девятом круге ада.
Попасть в десятку – это мастерство.
Начни с нуля и снова сядь за парту.
Стань самым первым среди первых, но
Живи всегда не по двойным стандартам.
До третьего звонка. А там – плевать!
Но до черты четыре шага есть...
Борись что сил с колонной номер пять!
Не попади в палату номер шесть!

ПРОСТИ...

Прости меня, мой давний друг,
За неустроенную старость,
За птиц, умчавшихся на юг,
За то, что в памяти осталось.

Прости за праздник без тебя,
Прости, что близкою не стала,
Прости, что дымом без огня
Глаза любви повыедало,

За все ромашки на лугу,
Над «і» поставленные точки,
Прости, что бросить не могу
В огонь родившиеся строчки.

ЧЕХИЯ. ВШЕНОРЫ. ЦВЕТАЕВОЙ

По перрону идёшь.
Вот фонарь проступает из мрака.
Здесь Марины следы
и листвы примороженной хруст.
В этой кепке простой
ты напомнил бы ей Пастернака.
Пастернаком Марине
служил можжевеловый куст.
Куст стоит и сейчас,
но не выдаст потомкам секрета,
Как в цветаевский слог
превращался обыденный сор
И читались стихи
Пастернаку на кромке рассвета
Под слепым фонарём
на притихшей платформе Вшенор.
Отстучали давно
поезда из далёких двадцатых.
Но дорога-юдоль
пролегает по-прежнему так
Для мятущихся душ,
для Марин без вины виноватых...
В можжевеловый куст
воплощённый, стоит Пастернак.

***

Осенний ветер, знатный композитор,
С листа читает новые этюды.
Он исписал и бросил листьев груды,
Но музыку никак не завершит.
Он с голоса записывает клёны,
Рябиновые темы повторяет,
Но каждый лист по-старчески теряет
И прошлое напрасно ворошит.

Каштанчики рассыпал, будто ноты,
На белые полосы перехода.
Здесь нету на прохожих недорода,
Но музыку шаги не узнают.
И прыгают с линейки на линейку
Диез, бемоль... На тротуар-пюпитр
Осенний ветер, старый композитор,
Роняет лист – каштановый этюд.

НА БЕРЕГУ ГУДЗОНА

Там, в Бруклине, лишь в Бруклине
Сидят старушки с буклями
И в одеяльцах байковых.
А родом все из Харькова.
Они скороговоркою
Ругают жизнь нью-йоркскую
И булочки французские
Жуют губами узкими.
Гремит сабвей над крышами.
Слова почти не слышимы.
Туман с Гудзона тянется.
Какой-то горький пьяница
Садится с чуть початую
На лестницу дощатую.
Сидит, как на завалинке.
На нём худые валенки.
В них по Бродвею резвому
Нельзя пройти по-резвому,
Как в Бруклине. А в Бруклине
Играют дети с куклами,
Часы три раза стукнули,
Ушли старушки с буклями
И в одеяльцах сношенных.
Здесь все они в непрошенных.

ИТАКА

Маше Денисенко

На кромке той, где пляжи сушат длани
И где прибой, как верный пёс у ног,
Стою и верю в тот заветный камень,
Который все зовут «куриный бог».

Пробитый морем, бури не боится,
Составить счастье он кому-то смог.
Пусть говорят, что курица – не птица,
Но только ей придуман личный бог.

С «куриным богом» счастье станет проще.
Смущает лишь банальный эпилог,
В котором куры попадают в ошип.
Куда же смотрит их куриный бог?

РАЗМЕЧТАЛАСЬ...

Тиха украинская ночь...

Александр Пушкин

Тиха украинская ночь,
Когда трубач, сосед наш, прочь
Уедет, и когда в Полтаву
Детей орущую ораву
Соседка вывезет на лето.
Когда задолго до рассвета
В шестой квартире молодёжь
Закончит будничный дебош,
И в полночь спецмашин сирены
Не взвоют так, что дрогнут стены.
Не хлопнут нервно рядом двери.
Ты, в счастье редкое поверив,

Познать бы все тонкости свыше.
Избегнуть ошибок бы впредь.
Дыхание слова услышать,
Любовью к нему возгореть.

А дикое пламя то стонет,
То пробует глиняный бок.
И кажется, дело простое:
Сажай себе в печку горшок!

Он обжиг сочтёт за услугу,
Пройдя испытанье огнём.
И снова гончарному кругу
Рабочий режим задаём.

И пламя божественно стонет
И глину целует в бока.
А я обжигаю ладони,
Но знаю, что это пока.

КУХНЯ

Елена ЧЕРНЕНКО
Сумы

***

Как сильно нуждается время в бегущих людях,
Спешащих прибыть в никуда, несмотря на всё.
И солнце – ни то циферблат, или просто люстра,
А если подумать – так то же, что колесо.

Высокий свидетель безумья мышиноного бега
И точки той остановки, в которую не
Верил никто из бегущих. Но есть Омега,
Так же, как Альфа – в другой стороне.

И время присутствует в нас, захлебнувшись нами,
Даёт нам поверить, что люди – тот самый центр.
И будучи сердцем, любовью, душой, умами,
Мы только иголка в большом, будто жизнь, яйце.

***

Всякой воде достается её человек...
А. Зарахович

Когда ты уезжал, осталась здесь река.
И только часть пути бежала за тобою
Вослед, но участь устья ей горька,
Где лишь взмахнуть прощальной рукою

Ей остаётся.

Или рукава спустя
Забывать и повернуться вспять, к истоку...
Ты был в её воде – и это не пустяк,
Коль это не любовь, то я скажу – жестокость.

И тайну глубины достав на божий свет,
Увидел ты лицо – столь пресное, простое...
И каждая волна, и каждый сантиметр
Невыпрошенным счастьем тебе теперь присвоен.

Понять её нельзя – и смех, и плач, и боль –
Вода и лишь вода. И мир в ту воду канул.
И ты на глубине. Теперь всегда с тобой
Протяжный гул воды – всех рек и океанов...

***

Знаком воде как отраженье,
Ты знаком будешь для неё,
Что после – головокруженье, –
Провалы осени под лёд.

Пусть он – преграда, но не злая,
Не навсегда и не для всех...
Глотнула осень рыбья стая,
И чешуится рыбий смех.

***

Ты холодная, очень холодная,
Холоднее не стать никому...
Мелководье... Несчастливая лодочка
Не плывёт – просто ходит по дну.

В постоянство играет течение.
Что ты выплакал, в небо влюблён?
Заходи в эту лодку прощения,
Это плещется память времён.

Как же просто достать до отчаяния,
Просто грязь и песок загрести...
Лодка, радостью вспыхнув, отчалила.
Отдышись, сосчитай до пяти.

И теперь отразишься ты в облаке
Вместе с лодкой, с холодной рекой.
Отраженье похоже на обморок
Жидкой яви и боли густой.

Черт своих не узнаешь и контуров, –
Только белая влага и дым,
Только ангел пролётный и крохотный
В испареньи тебя и воды.

ОКУНЬ

как можно погрузиться в никуда
и плыть без соли в горле
без труда
и можно окунуться потому
что пресноводье рыбе по уму
так можно окунуться очумев
забыть про отражение дерев
и смазать мир
а с ним и рыбака
которому – что окунь, что река
он удочкой ловить весь мир готов
преображая помыслы в улов

а что до рыбака – он человек –
что вечно недостроенный ковчег

вот окунись в течение и ты
живыми станут волны пустоты
твоей же кровью станут молодой
а новый ты – не больше чем водой
из рая в рай
воды круговорот
из раза в раз
водой наполнив рот
ты всё мечтаешь:
– будет в жизни день
и лодка в нём
мою проглотит тень

***

Не ступай за черту – там есть всё, что нельзя.
Или, если черта – твой удел и удача,
То ступай, закрывая от счастья глаза
И невинную страсть в каждой клеточке пряча.

Ты в преддверии чуда, за день до любви, –
Есть за этой чертой твой несбывшийся полдень.
Пусть кривая тропа – ты душой не криви,
Очень долго идти, но ещё дольше – помнить.

И поэтому там будет рокот и звон.
Там есть всё, что хотел и чего не предвидел.
Если так, то и полдень уже воплощён,
Потому что в тебе спит твой солнечный идол.

***

Три птицы, отражённые в реке.
Три птицы, отражённые во мне...

Ответ воды на чаяния сердца,
Когда не хочешь жить другой судьбой,
Но только этой, подбирая средства,
Как драгоценный камень дождевой.

Слеза луны, упавшая в течение,
Вдруг вынырнет и станет говорить:
– Бери мою надежду и свеченье,
Бери всё то, что спрятано внутри.

Нет в белых водах тайны и загадки,
Но есть разгадка – чистое зерно.
И детство, что стреляет из рогатки,
И впереди всего полным-полно

***

Тонкая-тонкая вечность в твоих руках,
Реки текут в постоянство, так много рек!
Слово, пришедшее вдруг на семи ветрах,
Сказано: «век», а слышится: «человек».

Ждёшь человека, руку кладёшь на грудь,
Спелое одиночество скоро начнёт чернеть.
Реки бывают не только собой, но и кем-нибудь,
Тем, кто и есть человек, но всего на треть, –
Лишь отражение того, кто смотрел и ждал,
И осознал постепенно, что там – не он.

Вот и пришёл человек, бесконечно мал.
Держит над миром тоненький небосклон.

***

Город чужой, далёкий. Мне будет страшно в нём...
Страшно красивый город. Жутко крутой подъём...

Не выбираю город ни для поездок, ни
для своих стихов – пусть он живёт в тени.
Окон безмолвны рты, нет никого в окне,
света пучок подобран, и завиток в копне –
месяца крючковатость с проседью старых звёзд.
Если любить не нужно – пусть остаётся злость.
Всех и всего прекрасней, нет на тебе вины,
много нас в этом мире – скомканы, влюблены.
Помню: у переулка колена изгиб мудрён,
сколько здесь было вздохов, сколько прошло имён!

Так что молчи и помни. Помни, зачем молчишь.
Страшно далёкий город, город всего-то лишь...

***

Думала: будет случай – не упущу его.
Вечность теперь всё ближе – страшного ничего.
Звёзды зовут и пляшут, луч протянув ко мне.
Не разбросаю камни. Не соберу камней.
Просто стою, вдыхая беглые смыслы слов:

«Будь как дитя беспечен. Будь ко всему готов.
Только не будет легче. Будет всегда как есть.
Знай, что тебе придётся выбрать и предпочесть.
Только не будет проще. Грёз обманувших мрак.
Есть лишь одно сегодня с памятью о вчера».

***

Если ты видишь, что это озеро,
то и говори с ним, как с озером,
а не как с человеком.

Только если ты не веришь, что это озеро,
а лишь делаешь вид,
твое купание в нём
приобретает совсем иной смысл...

***

Встану рано и отважусь на безумное –
Выйду в люди наблюдать за наблюдающим.
Дремлет он, и спит толпа его беззубая,
Быстроногая во сне своём, скользящая.

Бог, скажи, кто я, в толпе дрейфующий,
Не нашедший пристани спасительной, –
Там мечта огромная, как будущее,
Слово, но ещё не существительное.

Здесь я тело абсолютно инородное,
Взор мой будет вами незамеченным.
Я лишь светотень, я слово вводное.
Я вам снюсь, как лучшее отечество.

***

Просто представь, что ты видишь море,
А море видит тебя.
Вода не проглотит, волна не смоем,
И нечего потерять.

Великолепная ложь пейзажа,
А ты – это лишь портрет.
Но люди не видят тебя – нельзя же
Быть там, где тебя нет...

Ты просто подслушаешь рыбки песни,
Они – о сухой земле.
И скажешь, что это не интересно,
Земля – это просто след.

Ты скажешь: вода... Говорить-то можно,
Ведь слово сродни воде.
И ищет, краснея, закат-художник
Твой образ, но ты – нигде.

Вот моря клубок. Это нитка пляжа.
Как ровно размотан свет!
Но люди не вспомнят тебя – нельзя же
Быть там, где тебя нет...

***

Маленький Бог расшевелит траву,
Солнце ручное подсветит изнанку...
Заговорить бы с тобой наяву,
Только где явь, а где сон – я не знаю.

Есть ли то время и место, где мы
Вместе с тобою сбылись в одночасье?
Может быть, там, в переулках зимы,
Где – ничего, кроме снега и счастья?

Может быть, птицы садились на снег,
Только на смех он травой оказался.
Жухнет трава и о нём, и о ней.
Листья дрожат в ожиданьи касаний.

Есть эта пытка – безумный разбег.
Пчёлка беспечная жалится, кроха...
Наши слова – это мой оберег.
Нет ничего, что закончится плохо.

***

Первое слово – младенческая вода.
Слово второе ты выловил из пруда.
Чтобы за третьим, огромным, как белый ком,
Вместе идти вдоль берега босиком.

Вместе идут слова, говорят, как есть.
Краткое слово «я» живо только здесь.
Воды отходят у прошлого, как вчера,
И наступает то, чему быть пора.

И наступило «ты», говорит Господь,
Вот это воздух, и пар, и мечты, и плоть,
Чтобы сомкнуть эти воды и берега...
Главное слово держит Его рука.

Юлія БЕРЕЖКО-КАМІНСЬКА Ирпень

***

Цілуй і зцілюй – я заворожу...
Це літо знає, як мене надпити.
Дерева тонко кинули ажур
Золоченої тіні малахіту.

О, скільки в цьому сонної краси,
Яка не спіпить – тішить і колише,
Й тривожні замовкають голоси
Того, що вже не більше, ніж колишне.

В усе вкладає літо свій порив,
Свій запал жити – до сухого зносу,
Від коренів до листя, до плодів,
До кісточки тугої абрикоси.

Лежу, лечу, і сни мені за яв,
І яв – що сон, але стократ добріша,
Де ти мене за плечі обійняв
І вже ніколи більше не залишиш.

***

Які глибокі кольори у передгрозя!
Дощі впадуть,
Грудьми впадуть
На бездоріжжя.
І мокрий колос підвестись не буде в змозі –
Так і лежатиме в скуйовдженому збіжжі.

І буде пахнути земля усім відразу,
І колихатиме стебло холодні краплі,
І пропливатимуть порожні дирижаблі
По небу білому в легких потоках часу.

І будуть зорі як нові, неначе вмиті,
І місяць вохристий світитиме волого,
І – тільки тиша – боязка і соковита.
І – тільки ти.
І – тільки я.
І більш нічого...

***

Я прийшла.
Ось бачиш –
Душа моя вся у латках.
Не знайдеш
Наді мною ні вічності,
Ані стелі.
Тож, Господи,
Дозволь мені
Прожити життя спочатку,
Щоби стати
Голосом
Віолончелі –
Грудним звучанням дерева
Якогось старого,
Яке й забуло,
Де воно коріння своє лишило.
Я б хотіла так
Розбурхати душу в нього,
Щоби світ зазвучав
У його атрофованих жилах!

Щоби вітер вигудів
Весь нестрункий неспокій,
Показала ніч,
Де папороть її квітне,
Щоби трави,
В яких загублені
Сни і кроки,
Нашептали,
Що ж шукають
Птахи у них
Перелітні.
Я б цим голосом –
Віолончельним –
Дереву б дала проростати
Саме там,
Де ніколи
Його не сягали віти,
Щоби люди ходили
По-своєму дужі й крилаті –
Окорінені дереворити.
Ще життя...
Хіба ж це, Господи,
Нездійснено?
Я смичком тугим
Перечитала би Ліста.
Але
Не лишилось
Бодай одного ще
Життя для мене.
І Бог
Послав мені
Віолончеліста.

***

День увіткнувся в ніч, а мені – однаково.
Десь визрівають ріки у повноводдя...
Зорі-лампадки світло тримають м'яко –
Якось воно та й буде, як перебродить.

В тиші цієї ночі доходять ягоди,
Солодом наливається пізня вишня,
Серце зійде на спокій, бо прагне злагоди –
Слухає непочуте, далеке, стишене.

Я обернусь на місяць, замру над водами,
Дихати буду хвилями повногрудо,
І – де ніхто не бачить – дрібними сходами
Вийду на білий берег і перебуду.

Там відпущу волосся і крила випещу.
Там розкажу вітрам, що змовчати страшно.
І, як розвію смутку останню пригорщу,
Спробую на світанні, чи крила справжні.

***

Понад селами пил і тиш,
Літо вовну пряде зелену.
Ти Парижем мене поріж
Нездійсненим.

Розкажи, як цвітуть поля
Між кварталами в позамежжя
І як паморочиться земля
Там, на вежі.

Як іде до руки ріка –
Сонно хвилею Сена лиже,
Як собори стоять в віках
Над Парижем.

Як розпалюється азарт
Всі узяти лункі доріжки,
Як угору забрів Монмартр
Без задишки.

Як, розпечені від ходьби,
Ноги все ж відшукають ратуш
І як пахне хрумких хлібів
Свіжий м'якуш.

Як таїть Нотр-Дам де Парі
Те, що тільки йому належить,
Як дзвіниці мовчать угорі
До пожежі...

***

Все змішалось – дні і ночі,
Древній Вавель і Карлів міст...
Вздвож фасадів лишили зодчі
Сонми янголів в людський зріст.

Не сходити розхрестя вулиць,
Не стривожити сни легенд.
В камінь вбралися, в бронзу взулися,
Повростали в цупкий цемент

Королі, і святі, двоглаві
Гостро виточені орли...
Сплять вогні на атласі Втлави,
Десь останні гудуть бали...

Перехожих не перебути –
Шелест мов на сухих вітрах.
Відень п'янок стискає груди –
Місто-торт у легких кремах.

Плинуть ріки і зріють злаки,
Полірують віки граніт...
Відень. Прага. Ранковий Краків.
Сходить сонце на бурштині.

***

Я бачила з надхмар'я – на землі,
Що в кольорових клаптиках полів,
Лежали тіні завтрашньої зливи.
Тремтів літак, ловив крилом потік,
Й дивився, не примруживши повік,
Одвічний спокій, вищий за мінливе.

А ми летіли, як пустились вплав –
На все безмежжя плинув льодостав
Чи сніг зійшов і даль взялася настом..
І висота, здавалося, – стоїш,
І звідси гріх боятися її
І вірити, що з неї можна впасти.

Так слабне страх подалі від землі,
Бо першим він підкошує політ –
Мотори глушить, втомлює штурвали.
Політ – найсміливіша з молитов...

Ми все лишали білосніжний шов
І мла над ним морозно проступала.

***

Галині Коляді присвячується

Стинай мені, тату, коси – я не дивлюся.
Я навіть не плачу і слова тобі не скажу.
Я пам'ять про те, як корилися пасма русі,
Довірю вразливо розчахнутому трельязу.

Які ж були коси!
Ти сам заплітати любив їх –
Добірні, як злаки, тугі і міцні, як шовки.
Я, тату, слабка, – я відверто слабка в лихолітті,
Та день прокляла той – не менше, аніж на віки.

А тато голив мене мовчки і майже не дихав,
І мама стояла глухою стіною плачу,
І ковзалось лезо, неначе заведена дзига,
І дощ вибухав за вікном, але хто його чув?

Я довго минала начищені нащось дзеркала –
Чим більше люстерко – тим більша моя біда,
І літо, здавалося, з мене також сміялось,
Як діти сусідські, яким не свого не шкода.

Лиш хто його відає, в чому закладена сила?
Я – жінка, а значить – не зраджуйте, коси, вовік!
Та саме без них я, напевно, любити навчилась
Себе і того, хто і сам ще до себе не звик.

Не зраджуйте, коси, мені ж бо й тепер, і ніколи,
Тримайте затято новий оглашений удар,
Й коли безпорадно на вас поглядає онколог,
І голить, не бачачи леза від сліз, перукар...

***

Я не сплю, коли дощ.
Все здається, що хтось під вікном
У негоду лишився і з місця нікуди не сходитьь,
Хоча сам він – причина цієї нічної негоди,
Що уперто на чорному пише своє полотно.

Дощ тривожить мене учорашнім, захованим вглиб,
Він вихлипує те, що по праву йому не належить.
І стоять ясени у холодній промоклій одежі,
Рукавами торкаючись гладі освітлених шиб.

Відпусти мене вже – толочи свої трави, крилом
Накривай балюстради й блискучу луску черепиці.
Кажуть, спиться на дощ –
Так спокійно і глибоко спиться,
Мов минуло усе
Чи нічого іще не було.

ШЕВЧЕНКО В РИМІ
(Монолог пам'ятника)

Щось нетутешній я тут...
Але ти не зважай.
Вивело місто будинки свої строкато.
Скільки доріг – але кожна із них чужа.
Скільки тут люду – а нікого запитати...

Так і стою, як заблудлий турист, коли вже
Велич і жах навівають розкішні ротонди.
В плетиві променів – золота Фаберже –
Місто всміхається посмішкою Джоконди.

Я не жилець серед саява його базелік.
Час причаївся в міжрядді його колонади.
Тільки слова, що долають подвійний вік,
Так, як і я, ще наважились щось позначати.

Вшептує кожна химера легенду свою,
Гід розтлумачує сни білокамінних левів...
Я тут стою.
Мабуть, довго таки стою.
Навіть туніка якась на мені місцева...

ОСТАННІЙ МОНОЛОГ КОРОВИ

Зціджуй усе, як віками робити звик.
Я вже давно – лиш одна із молочних рик.
Зціджуй до краплі – це час мій, що також стік!

Звідки ж, людино, ти отака жаска?
Скільки ж від мене потрібно тобі молока?
Крові і плоті – від кістки до язика?..

Хто я для тебе, для неба, землі і трави,
Та, що сьогодні, й коли буду без голови?
Чом же вважає всяк, що це він правий?

Гостро всміхається кінчик твого ножа.
Розперезає живіт мій. Але ж – душа!..
Думаєш, випита, я тобі все ж чужа?

Пий мене...
Їж мене...
Я тобі не заважа...

София ФРУНЗЕ
Киев

***

Осиротевшим вмиг ребенком,
Сквозь душу зыркнули слова,
И под чернилом влажно-тонким
Прогнулась твердая строфа.
Бумага стерпит говорили,
Бумага – тоже женский пол!
И за ночь выцвели чернила –
Забывтый с Богом разговор.

***

Душа болела нараспашку,
Скиталась, билась за гроши,
На свой помин ткала рубашку,
Великодушно согрешив.

***

На тропинках продрогшие листья,
В парке дождик идет без зонта,
Аккуратно и нежно, по-лисьи
Облизали дороги ветра.

***

Шаг за шагом рассвет отступает,
Издевается время. Нет сил.
Эта ночь никогда не узнает,
О чем день на коленях просил.

Жизнь на цыпочки встала. Боится.
Вечер туго затянет петлю,
Календарь отпускает страницу,
Словно душу. На ветер. Мою.

***

А ты молчи, молчи, молчи...
Слова вплети в не ловкий случай.
Проходят стрелками врачи,
Отсчет прошел. Молчи. И слушай.
Мир сказок былью обделен,
Ночник закинет невод в душу,
Провайдер сетью тянет сон,
А ты молчи, молчи и слушай.

***

Я не забуду. Нет, не нужно...
Слова пусты. Давай молчать...
Растаял лед. Остались лужи
Переполняя жизни чат.
Я промолчу и, может, вскоре
Улыбкой тихой, без причин,
Сниму уставшие от горя,
Морщины с юных лиц мужчин.

***

Так весело! Ведь, правда? Мы смеялись...
Последний лист на дереве желтел,
Я струсила. Ушла. Не побоялась.
Все видел лист. Не выдержал. Слетел...

Так весело! Ведь, правда? Я любила...
Ночь прятала ключи, монеты, взгляд...
Пусть не исправит осень... И могила
Горбатых линей жизни. Все подряд...

***

Ненаписанных строчек ошибки...
и по линиям жизни в горсти,
Сколько ямочек грустной улыбки,
Оставлял ты другим по пути.
Я забыла тетрадку и кисти...
Ты, похоже, в кого-то влюблен...
Но, теряешь меня, словно листья
у дороги, стареющий клен.

***

В ночь уходит последний автобус,
Опустевший и еле живой,
Сбросив груз, сбросив шум, сбросив скорость,
Он как будто бредет мостовой.
Словно против течения и шерсти,
Одиночеством движим одним.
И, как призраки жизни и смерти
Тени ночи толпятся за ним.

***

Нерешенный взгляд. Молчанье.
За спиной крадется ночь,
Переулком мятным, чайным
Я хочу куда-то прочь.

На ноге проходит стрелка,
На руке стоят часы.
Словно ночь забила стрелку
В толщу черной полосы.

***

Сырой туман ночного, призрачного неба,
Июльский дождь съедает образ пустоты,
Там, за окном, пыль солнца, быль и небыль,
И звук дождя идет тоннелем немоты.

***

Отъехавшие поезда от сути,
Не предадут своих дорог,
Испачканные каблучки в мазуте,
Пробьют не стук, а диалог.

***

Глухая жизнь, в уме, в душе застой,
И только эхо делового мата.
Дверь сквозняковая стучится в мир пустой,
Как в створку сердца первого примата.

Размахом мысли кто охватит бранный мир,
Как дважды два, все не понятно просто.
Во мраке чувств, как в безмятежье Лир,
Шагает Гамлет маленького роста.

Закрасив в черное красноречивость слов
Корректором исправит книгу веры.
Он вырос из шекспировских обнов,
И примеряет шляпу Гулливера.

***

Невольно подвести стоящие часы,
Чтоб время ожидания мига сократить,
С горячих щек смахнуть по капельке росы,
Связать на узелки разорванную нить.

Того не зная, смог меня ты подвести,
Забыв о встрече той, которую не знал,
По линии моей судьбы не провести,
Всех тех, кто так велик, а может слишком мал.

Хрустальный юный взгляд сквозь призмы старых скал,
На камне не нашла я две свои косы...
Мой замок из песка напрасно ты искал,
Он перетек в твои песочные часы...

ОДИНОЧКА

Елена ШЕЛКОВА
Киев

***

поговори со мной язык
как говорил вчера
хор голосов, хор старых книг
мир пухом. ни пера.

прошедших-будущих времён
колокола по ком?
большие люди в сто погон
следят за языком.

несётся с плахи голова
и разбивает нос.
и вот доносятся слова
и падают в донос.

вот А. сидит, и Б. сидит.
где рамы наши, мам?
как прокурорский злой вердикт
язык покажет нам...

Сергей ГЛАВАЦКИЙ
Одесса

ШЕСТАЯ ЗАПОВЕДЬ

Мать – предательница, мачеха – убийца.
Зиждется в кармане черной меткой паспорт.
Потому-то нам, бездомным, и не спится,
Что назло обеим мы решили выжить,
Что ушли в себя, в такие бездны, на спор,
Что душа в погранпостах, как в язвах, иже

С ними даже те, кому война – невеста,
У кого давно на совести, на чести
Днем с напалмом не найти живого места.
Мать – предательница, мачеха – убийца.
Так бывает, что из двух прекрасных бестий
Выбирают ту, что угодит в больницу,

И во всех дверях всегда стоит вендетта
Памятником, истуканом, сталагмитом,
И, увы, теперь мы знаем всё об этом... –
Что ждет нашу мать, от пят и до макушки:
Без финала Страшный суд и без лимита
Казнь, ведь нет страшней греха, чем грех кукушки.

И апноэ
Нам – плацебо,
Бездыханно небо,
И по воздуху летит
Белое каноэ
За безлюдной, за луною,
Словно синий кит.

КуриТЕЛЬная КОМнАта

Андрей ГРЯЗОВ
Киев

СТИХИ ИЗ МОБИЛЬНОГО

***

Мне в пору жизнь. Тропа мне впору.
Пусть путь – подобие игры.
Когда идешь все время в гору,
То сам уже – как часть горы.

***

Это сладкое слово сейчас.
Это горькое слово потом.
Это свет из безоблачных глаз
Преломлен пожелтевшим листом.

***

Всего лишь женщина с такою нежной кожей,
Всего лишь любит одного и ждет.
Всего лишь душу дьяволу заложит.
И среди мертвых голая пройдет.

***

Как это много желтые мимозы.
Как это мало Бал у Сатаны.
Собрать в ладони высохшие слезы.
И бросить их в колодец тишины.

***

Как мне узнать и отделить,
Очнувшись на краю,
Тот миг, когда не мог любить
И тот, когда люблю.

***

Куда там правительств гениям,
Есть не абстрактный – живой народ.
На каждое бездарное постановление -
Блестящий анекдот.

***

Жизнь – в газете заметка.
Несколько строк. И троеточье блаженное...
Критик – марионетка, отработанный слог.
Смерть – опровержение.

***

Нам легче умирать, чем выбирать.
Нам легче засыпать, чем просыпаться.
Периодически кого-нибудь распять,
Чтоб после каяться и удивляться.

СОН

Клипоподобный римейк.
Конфабуляций нарост.
Город ужаленных змей.
Город искусанных ос.

***

Разделены не расстоянием,
Не тем, что раньше и спустя...
А лишь не схожестью мерцанья
В миг аритмии бытия.

УТРО

Я на скале с улыбкой горца.
Мигает море сотней век.
В одной руке – родится солнце,
В другой – счастливый человек.

***

Мне не надо, не надо, не надо
Ничего, ничего, ничего!
Голубиная даль снегопада
И снежинка лица твоего.

***

сяду на коврик
разложу детские игрушки
и засну

***

Сказавший слово –
Солгал единожды.
Написавший слово –
Солгал столько раз,
Сколько раз его прочитают.

***

Вернемся в прошлое столетье...
Где детством пахнут поезда,
Где жизнь пока что – междометья,
Но жадно дышит первым «да»!
Как свежесвеженным хлебом,
И первым холодом в груди,
Чем вопросительнее небо,
Тем восклицательней дожди!

***

Губами я возьму твой влажный стих,
И языком почувствую упругость
Всех слов, ещё не сказанных, твоих,
Теснящих и сжимающих друг друга
Подобием мальков, когда река
От нереста вскипает, рвет и мечет,
И где-то в глубине два языка
Становятся одною частью речи.

***

Женщина – рабство власти,
Женщина – смерть и росток,
И напряжённость страсти,
Как взведённый курок.

Женщина – высь и бездна,
Всё – и вопрос и ответ,
Россыпь ночных созвездий
В небе, где тьма и свет.
Женщина – ум и чувство,
И Ариадна, и нить,
Женщина – вид искусства,
Женщина – способ жить.

***

Сказал: мне любить не с руки,
Я Тайсон из племени мавров,
Любовь – это бокс в поддавки,
Кто больше пропустит ударов...
Бывает ещё и с ноги,
Что будто бы Брюсом зависло,
И время мотает круги
Побега от здравого смысла.

***

Как необъятна ночи ложь.
Любви Великая Валгала.
И я косил весь вечер дождь,
Пока ты косы расплетала.
Как предсказуемы слова
Пока дыхание не собьется.
И пустят корни существа
Друг в друга, словно солнце в солнце.

***

Я вернулся с далекой орбиты,
Не с руки, но с любимой руки,
Падал я на бетонные плиты,
Как разбросанные пятаки...
Я вернулся не с дачи, но сдачей,
Тихо ноющей болью в груди,
Тем остатком, который не значит
Ничего, никого впереди.

***

Ты мне подаришь рыжий зонт,
Кроссовки и бессмертье горца.
И я уйду за горизонт
И принесу краюху солнца.
И я скажу: не обожгись!
Но не пугайся сладкой боли,
И преломлю любовь и жизнь
И свет на две неравных доли.

***

В керамзито-бетонной воронке
Я кружусь меж подвальных стрижей,
И сдавили мои перепонки
Девять дантовых этажей.
И хохочет застройщик Вергилий,
Разрывая квартир потроха,
И несет центробежная сила
По спирали любви и греха.

***

люблю я молчанья прибор,
шум ветра и шепот винила,
веду переписку с тобой,
макая мобильный в чернила,
дорожки мои и твои
с неведомыми чудесами...
в пустых смс-ках любви
стихаем стихами мы сами...

АРБА ЛЮБВИ

Ветер затих, но солёное соло
Долго выводит волна на трубе.
Впрочем, не солоно. Впрочем, не больно...
Только когда я пою о тебе...

Ночь понарошку страшна и пуглива,
Ловко разводит на местный Тибет.
Сольное эхо мое торопливо...
Только когда я молчу о тебе...

Тихое утро. И вспомню: когда-то
Я обещал прокатить на арбе...
Впрочем, арба для любви тесновата...
Только когда я живу о тебе...

***

Отдаю за молитву саксонца,
Отдаю на твоём языке,
Чтобы щёлкнул о зимнее солнце
В щёлке неба, в кровавом зрачке.

Чтобы вечность солдатской портянкой
Прикрывала пушок облаков,
И касалась ветровой морзянкой
В кровель сбитых, тугих позвонков.
Чтобы утро тянуло на север,
Чистой нотой промытый июль,
И крестил троеперстием клевер
Стаи старых, отпущенных пуль.

***

Схвати за эхо ветра лай,
Там, где Якир, а рядом Герцен.
Но только снова не стреляй,
Туда, где раньше было сердце.
Читай. Готовь по букварю.
Добавь по вкусу – соли, перца...
Мой след любой по декабрю
Ведет туда, где было сердце.
Я примерял весь мир к тебе,
И учащал мерцанье герца,
И экстрасистолой в судьбе
Был каждый шаг и выкрик сердца.

***

ты не думай, что плоть и плоть
это небо в горсти земли,
так меня надломил господь,
словно честно хотел поделить.

***

Я не читал, но я люблю Басё.
С тебя начнись, тобой закончусь. Всё.

ОРЕЛ

Недвижно, как всегда смотрел,
И чем древнее, тем нетленней,
Сквозь тучи солнечные стрел,
На чудаков в соленой пене...
И видел он, сквозь морок, мрак
Не как рука ползет в заначку, –
Как облака входил кулак
В горы боксерскую перчатку.

***

И ты устанешь с миром воевать.
И вопреки, или в угоду
Ты, как на берег – ляжешь на кровать,
И в сон заглянешь, словно в воду.

***

Река по весне сбрасывает свою кожу,
Как будто меняет свою извитую судьбу.
С бесконечностью неба схожа,
Зажатая в земном гробу.

***

Ты – земная вода, память снега и льда,
Ты – росток из породы побега...
Ты – земная вода, ты – земная звезда,
Из породы – упавшие в небо...

***

Четверо шепчут: «мы вышли из дома»
Четверо шепчут: «мы вышли в ночи».
Вспыхнула молния. Тихо. Без грома.
Сучья трещали в закатной печи.
Четверо шепчут: «кому-то мы люди»
Четверо шепчут: «кому-то мы псы».
Четверо шепчут: «нас скоро не будет».
Тсс...

ГЕНИЙ СЧАСТЬЯ

стихи прогулки

*

опять шел и повторял, повторял и шел, повторял и думал, зачем нужно все то, что осознается лишь частью самого дорогого и чужого человека, который вселился и живет, живет и живет в свое удовольствие, разделяя с тобой, в тебе и тебя на каждое наступившее мгновенье вашей теперь общей жизни... ведь в целом – это бесконечность, это безумие многообразий, много подобий и мутаций каждого наступающего мгновения.

*

в парке Пушкина сожгли сирийский ресторан «Шам». черные клубы дыма так и валили на видовые окна новостроя, который стоит прямо в парке. квартиры очень дорогие в нем, именно поэтому возможно, но сам дом большой и смешной, балконы, как в чешках сплошняком через все квартиры идут. странно. а в этом парке есть и мое дерево. лет 15назад сажали тут новую аллею, Алла Вячеславовна Потапова меня привлекла. мое дерево за памятником Пушкина, справа, десятое по счету.

*

давно-давно мы с Витей придумали теорию, о сущности женщин. о их конечной цели по отношению к мужчине, выпить из него всю кровь,выкачать все силы, использовать всячески и выбросить за ненадобностью более.придумали эту теорию по пьянке, а потом каждый раз находили все новые подтверждения этой теории. и получается, что эта теория всеобъемлюща, верна по своей сути в каждом случае. и даже исключения, которые есть, только подтверждают это правило.

*

Ты смеешься, ты смешная, ты смеешься, вот смешно.
Ты напьешься дорогая, очень скоро, пей вино.

*

я не понимаю до сих пор, зачем выдумывать знаки отличия, если бы амулеты можно было бы ещё понять.я не понимал этого, когда был молод, потом я стал не молод сам участвовал в гонке достигая, настигая, постигая и пр. награды, призы, премии, звания. а теперь по классификации ВОЗ я отношусь к среднему возрасту, не за горами – пожилой, и я понимаю, что в молодости был значительно умнее. писал простые стихи, обычные, не гениальные, а просто такие, которых никто кроме меня не мог бы написать. и не написал. а ещё я понял главное, каждый из нас один единственный на всем свете,он гениален, тем, что он есть, дышит, кушает, какает...ребеночек вызывает самые невероятные восторженные возгласы родителей,бабушек, дедушек тем, что дышит, кушает, какает...а ещё улыбается, смеется, агугает, а потом и говорит...разве не достоин уважения и любви любой из нас, мужчин, женщин?разве не достоин восхищения? ведь гений – каждый, ибо рождение, жизньчеловеческая сами по себе, уже есть доказательства присущности божественнопредопределения, предназначения, приобщения к вселенской данности, к мигу и к вечности,и к гениальности.

*

но, если под гениальностью вы понимаете какие-то особые способности: как-то сочинение музыки, писание стихов или картин, или решение задачек, то вряд ли мы сами можем понимать, а что это собственно, а зачем это, и я могу привести пример многих девушек и женщин, которые обладают особыми способностями быть счастливыми, например, вот как ребенок, он покушал и агукает, он счастлив и мы рядом стоящие – счастливы. если человеку, чтобы ощутить счастье нужно написать стихотворение, это прекрасно, но если человек счастлив без этого, зачем ему лишние звенья, лишние шаги для достижения цели. он – гений... гений счастья.

*

я во время прогулок обязательно смотрю в глаза встречным, я ищу счастья в глазах людей и нахожу его, не часто, но нахожу, возраст, пол и национальность значения не имеют.

*

мой друг Витя как-то сказал: «я – абсолютный поэт, потому что не пишу стихов».

*

более всего тягостна и непонятна морока с тем, что внутри человека живет. нудит его, мутит, муторно ему, смутно, странно. человек хочет ощущать легкость и ясность. силу, упругость мышц, бодрость, хочет улыбаться и шутить. а ему плохо. он тогда пробует разное, ходит и жалуется, зудит, ахает, но это не помогает. к врачам идет, те берут деньги, лечат, вначале это отвлекает, но не помогает. поругаться хочет, ругается от души, входит во вкус, но устает, и это не помогает. заводит роман на стороне, поначалу кажется, что это выход, а потом все тоже самое, – плохо ему, только теперь и дома и на стороне, вдвойне то есть. кто-то спивается, но это тоже не помогает. кто-то умирает. и то, что жило внутри человека куда-то уходит. навсегда.

СИНОПСИС

Шнурки могут довести мужчину до отчаяния. У него были грандиозные планы, он спешил. И вот он сидит, смотрит на порванные шнурки и плачет...

БЕГЕМОТ

Совсем недавно я млею, когда Настя говорила вместо: «тут нет» – «тютеньть»... потом была: «ко-лошадка». Шедевр-гибрид шоколадки и лошадки. Но сейчас на первом месте безусловно – «бегемот». Я несколько дней уже пытаюсь правильно выговорить это новое для меня слово. А у нее так естественно, быстро и четко выговаривается: «бегемот». С ребенком не посоревнуешься.

РЫЖИЙ ЗОНТ

1

Как все легко, когда ты юный.
Стихи с годами – тяжкий труд.
И не летят стихи, бредут
Дорогой долгой в зыбких дюнах.
И сам стоишь и смотришь вдаль
Не зная сам, чего там ищешь.
Духовной или плотской пищи
И почему в душе печаль –
Необходимым состояньем,
Какой-то сущностью большой,
Не просто сблизилась с душой,
Но стала – благом, покаяньем
И другом верным и седым,
Который слова не проронит...
И только тронет на ладони
Одну из линий и храним

Небесным знаком, шифром круга
В котором вновь, какую жизнь,
Идешь путем, то вверх, то вниз
С теплом подруг, улыбкой друга.
Идешь от утренней росы
И до закатных красных зданий
И золотой песок молчанья
Струят песочные часы.

Горчит во рту полынь дорог,
Жизнь поколений только притча,
И поменять свое обличье
Спешим, пока не видит Бог...
Спешим от робости и страха,
Не понимая жизнь – одна,
Прогрета капелькой вина
На пиршестве людского праха...

Найди меня пока я здесь.
Найди меня пока я ночью
На свете снова ставлю точку
И как пыльцу сдуваю спесь
Вчерашних дней, надежд, дерзаний
И рыхлой, ветхой суеты
Густой и душной пустоты...
Кто я? Сизиф? А может камень?
А может плоскость. И по мне
Годами камни катят, катят,
А может я любви катит
В гипотенузной кривизне.

Как все легко, когда домой
Идешь и груз чужого блага
Разносит ветром, как бумагу
И все что нетто на помой...
Куда б ещё, отходы денег?..
Исповедальны муравьи
Как собиратели любви
В родной впадают муравейник.

Они, как пыль среди пыли,
Но поры изобрел создатель,
Дышащий, скрытый, рыжий кратер
И в них альвеолы земли.

Ты мне подаришь рыжий зонт,
Кроссовки и бессмертье горца.
И я уйду за горизонт
И принесу краюху солнца.
И я скажу: не обожгись!
Но не пугайся сладкой боли,
И преломлю любовь и жизнь
И свет на две неравных доли.

И что ты выберешь, скажи,
Моя рабыня и царица,
Сильней любить и дольше жить?
А может меньше, но светиться
Нездешним счастьем? Но сквозь дверь,
И сквозь меня пройдешь вдовою...
Лишь за окном голодный зверь
Ответит долгим-долгим воем...

Я к морю выходил порой.
Лучились волны тканью тонкой
И море прыгало котенком
Играясь с тучною горой.
Дремавшей с редкими лесами
Что на макушке кое-где...
И только память о звезде
Хранила ночь над облаками.

Я – покупатель, я – купец.
Хозяин, раб, погонщик, пекарь.
С больной душой уставший лекарь
Дух не святой, но сын, отец...

И научился я едва ли
И я едва ли научусь
Сказать о том, чего боюсь –
Назвать любовь и жизнь словами.
Нельзя, нельзя, нарочно их
И не нарочно обозначить,
Стихи – не мера смеха, плача,
Но только звук – когда он стих...
Когда уже он только память,
Когда ещё, когда уже
Хоть что-то вылечит в душе
Давно исписанной словами.
Поет и рвется волосок
И покидает лоб и темя
И ты рифмуешь наспех время
Сам исчезая, как песок...

Как все легко, когда ты юный
А вот стихи, да, что стихи...
Рифмой невинность и грехи
Сам становясь заблудшей дюной.
И путь твой, впрочем, пустяки
Но звезды ждут. И неба руны
Как свет мерцающий подлунный
Втекают в спящие зрачки...

2

Как много музыки и мало,
Когда в меня и на меня
Как будто небо вдруг упало
И на мгновенье мною стало
Седыми звездами звеня.
Стуча в висках вчерашним ливнем,
И в легких – легче облаков –
Тягучим, плавным, сонным, длинным
Туманом светлым нежно-дымным
Прошло, оставив капли слов.

Каких-то утренних и зыбких,
Каких-то грустных и смешных.
Глухих, шипящих, звонких, скрытных,
Негласных, робких, первобытных
Слов юных, зрелых и седых.

Сижу, откинув одеяло.
Смотрю в окно. И мир большой
Все ближе. Я начну сначала.
Как много музыки и мало.
Но больше нету за душой.

ДОРОГА

***

Я на собственном ложе – Прокруст.
Отмеряю по горло пророчества.
Реки всех человеческих чувств
Попадут в океан одиночества.
Что случится ещё на веку?
Поезд Киев минует, Загоричи...
В бочку меда я дегтем стеку,
Задыхаясь от счастья и горечи...

***

Молчит кальяна черный сакс.
Сейчас – и есть – потом.
Синкопы тянет черных глаз
Луна беззубым ртом.
В созвездье нот, как прежде семь.
Изгибы в форме Ч.
И может стать молчанье всем,
А музыка ничем.

ДОРОГА

Здесь проходили толпы нищих,
Здесь проезжали богачи.
Здесь умирали – тыщи, тыщи...
С ума сходили палачи...

Из ссылки в ссылку мимоходом
В кибитке тряся здесь поэт.
И конным, пешим, крестным ходом
Народ спешил в потоки лет.

Здесь всё – и счастье, и невзгоды,
Здесь щи хлебали из лаптей,
И шли всегда не зная броду
И поминали всех чертей...

Здесь на заезженной дороге
Из ниоткуда – в никуда
О чём-то долго думал Гоголь
И молвил: «Скучно, господа...»

***

Людская ломкая порода –
Как много чувств, как мало сил...
И нет нам Бога, чтобы продал,
И нет нам Чёрта, чтоб купил...

Темнеет ночь и бьются в стёкла –
Глаза и руки...жил – не жил...
И нет нам Бога, чтобы проклял!
И нет нам Чёрта, чтоб простил...

***

Всё те же переулки,
Всё тот же лай собачий.
И шаг здесь самый гулкий,
И вечно кто-то плачет.

День не удался. Душно!
Все что ни есть – морока.
И жить без Черта скучно,
Без Бога – одиноко...

***

Нет совершеннее обмана,
Чем молча участь выжидать,
Да из дырявого кармана
Кому- то милостыню дать.

Пройтись налево и направо,
Ещё выпячивая грудь...
Ты не Иисус и не Варрава,
Тебе ни сдохнуть, ни вздохнуть...

РОДИНА

Неисчерпаемое чудо –
Всё «нет», и всё сплошное – «да».
Необъяснимое – откуда,
Необъяснимое – куда.

Страна, великая до чванства,
Страна с протянутой рукой.
Необъяснимое пространство
С необъяснимую тоской...

***

В окнах покой сентября...
Женский зашторенный гений...
День состоит из тебя,
Ты – из счастливых мгновений.
Словно молитва – стряпня,
Перед плитою-иконой...
Ради какого меня
Кухонной стала мадонной?..
В окнах покой сентября,
Вечер и тёплые тени,
Ночь состоит из тебя...
Волосы, руки, колени...

***

Ты самой себя предтеча,
Мира часть и часть войны,
Ты – часть слова и часть речи
И вселенской тишины.
Щек озноб и губ причастье,
Преднамеренность огня,
И чекой взрывного счастья
Ты вкольцована в меня!
Ты поешь ля-минором:
Бах и Оден, Аден, Григ.
Ты – часть суши и часть моря,
Матрица и материк.
Первозданность, первородство,
Шифры ночи, коды дня,
Ты величье и сиротство,
Отпустившее меня...

ДЖАЗ

Любое слово,
После первой буквы,
Уже готово –
Свёклой стать и брюквой.
Абракадаброй,
Или просто матом,
Прыщом, подагрой,
Дулом автомата.
Молчаньем, криком,
Лаской дикобраза...
Любой заика –
Это – Мастер Джаза.

СТАРУХА

Вдоль высокой и ржавой ограды
И ворот на огромном замке,
Вдоль пустой отсыревшей эстрады
Шла старуха с авоськой в руке.
Осень листья кругом разбросала,
Поднимала с земли и мела,
И старуха по листьям устало,
Как по прожитой жизни, брела...
Осень листья и пыль завертела
И застыл над землей силуэт...
Отстраняясь, старуха глядела
И шептала, – чего тебе, дед?..

***

Какую он мысль вынашивает,
Не может – ни лечь, ни сесть,
Все нервно кого-то спрашивает:
«Скажите, зачем я здесь ?..»

Он бегаёт по отделению,
Отказываясь поесть,
И спрашивает в смятении:
«Скажите, зачем я здесь?..»
Что с психа возьмешь больничного?
И каждый ему: «Не лезь!»
О благополучие личное,
А если... «Зачем я здесь?!»

***

Слова умирают, как листья,
Что падают, падают вниз.
Слова умирают так быстро,
И в них – наша краткая жизнь.
Слова умирают так часто,
Как дождь за окном моросит,
А в них – наше краткое счастье,
Никто его не воскресит.
Слова умирают так близко
От сердца, что чувствуешь дрожь –
Когда осыпаются листья,
Когда приближается дождь.

ВЕЧЕР-НОЧЬ

Александрю Кабанову

Оскал зимы – декабрьское бесснежье.
Дерев оцепеневший растопыр.
Проклёпаная в небе тень медвежья.
Заброшенный стрельцами звёздный тир.

Ученье – это только повторенье.
И дрожь ума на призрачной черте.
И съёжилось моё мировоззренье
До точки зренья света в темноте.

До жёлтого зрачка ничьей собаки,
Что в трёх шагах застыла от меня...
А мне домой. Всего-то до Итаки.
Да вот душа блуждает в трёх огнях...

Зима без снега. Под рукою шёрстка.
– Возьму, конечно, ну куда одной...
Душа, возможно, – это только горстка
Собачьих слёз под жёлтою луной.

АВГУСТ

Коркой спелого арбуза
Август хрустнул и потёк –
В день, как будто в чашу шлюза,
Словно солнца свет в цветок.
Заполняя все протоки,
Все объёмы бытия,
Август тёк – чтоб точно в сроки
Стать смолою сентября.

***

Я иду по следам человека, которого нету.
Я иду по следам, я стою, я живу по следам.
Обращаясь сквозь сон то ли к лекарю, то ли к поэту.
Уходящему вдаль от меня, по размытым водою годам.
Я иду по следам человека, которого вспомнит,
И поймет и увидит, и сын мой, и внук мой, и дочь.
И сейчас надо мной будто листик над следом уронит
То ли клен, то ли вихрь, то ли тихо уснувшая ночь.
Я иду по следам человека... святого? Пророка?
Я не знаю, но Веру и что-то иное храня,
В темноте Светлячок, заселивший заснеженный кокон, –
Новогоднее чудо, – идущее к вам от меня.

Ігор ПАВЛЮК
Львів

СКРИПАЛЬКА

Над важкою рікою танцюють твіст
Два жовтневі листочки мертві.
У скрипальку закоханий піаніст –
Йду до неї у білім светрі.

А вона нетутешне щось грає так,
Що забув я ріку і листя...
Значить, я ще поет, мабуть, вічний дивак,
Що не має свого обійстя.

Я дивлюся на скрипку, скрипальку, даль
Її карих очей і плаття,
Струни, руки крилаті, сумну вуаль...
Ніжний запах латаття.

Космос Божий звучить тут на нервах струн.
Білий біль стає світлом світу,
Що крізь душі, тіла і сльозин кору
Зігріва, як наш подих, – вітер.

За вечірніми вікнами – зорі, лист...
Золотіє смичок, мов рибка.
І скрипальку цілуючи, піаніст
Білий светр кида на скрипку...

КАМІНЬ СПОТИКАННЯ

Хрест.
Космічно у пасхальнім серці.
Блискавка й веселка – в цей же час.
І свята водиця у відерці.
І у пасці бабиній свіча.

Я лежу.
Я камінь спотикання,
Поруч із наріжним камінцем.
І болять мен іу час повстання
Ті, хто в мене вдарились лицем.

Ті, хто спотикнулися ногами,
Ті, хто не об'їхали конем.
Я расту.
Я спотикальний камінь.
Я болю.
Не копайте мене.

Може, я упав з душі чиєїсь,
Може, я алмаз а чи сапфір...
Не важливо.

Ми стаєм землею.
Незалежно – камінь ти чи звір.

Ну хіба ж ти заростеш тут мохом?..
Змінюю печалі течію.

І болить мені оця епоха,
Що спіткнулась об судьбу мою.

КОРІННЕ

Корінь роду шукаю,
Мов корінь гірської трави.
Я для себе не кат,
А душевний хірург, слава Богу.
Не спаде й волосина без нього
З моєї глави
На тернисто-лаврову дорогу.

Я не чорна людина...
Я – дзеркало ваше просте,
У якому себе ви такими-от
Бачите душно.
Чорний чорного бачить,
А Божий угледить святе.
Віддзеркалюю лиш,
Не суджу,
Ваші душі.

А ридаю й радію
У білому світі оцім.
Каюсь, де оступивсь,
«Вибач, мила, що ти мене била»...
...І сльозина-іскрина
Змиває журбу на лиці.
А туман на ріці –
Наче диміз кадила.

На тюремній стіні чи в окопах
Написані вірші
Я поважно люблю...
Сам вже кілька таких написав.
Отаким, отаким ти, звичайно,
До крові повіриш.
А можливо, якийсь,
Як молитву,
Візьмеш в небеса.

Де зустріне тебе той,
Хто любить цей світ первозданно.
І у вічність щасливу
Без ляку тебе поведе.

Корінь роду шукає душа,
Наче котик сметану...
Ні, звичайно, не так...
Ні, здається, не те...

Золотим бумерангом
Вертається юність до мене.
Метастази печалі згоріли
На вічнім вогні.

Ранок.
Пташки молитва.
На серці вишнево-зелено.
Ніби з Богом
І з рідним дідом
Мені...

***

Глибока дорога.
Високий храм.
Лінивий Дніпро поблизу.
І бавиться гільзами дітвора
В обіймах війни і кризи,
Де з кров'ю рошенівський шоколад
Тупий вентилятор бризка,
У середньовіччя жене, назад
Народ –
До труни-колиски.
На смерті обличчі тремтить сльоза
Крово-прозорим світлом.
По колу спіралі ми йдемо назад
В кінець...
Ну тобто початок світу.

Ідемо, як ослик сліпий іде,
Старий і нещасний тілом,
Що смерті бажає,
Любить людей,
Хоча його люди били.

Полкують, плюють на людей людці,
Не знаючи, хто ми, звідки.

Глибока дорога.
Мета є і ціль,
Судді і свідки.

А я літописець.
Я жертва, я...
Поет.
Ні суддя,
Ні свідок...

Я став санітаром у цих боях
За вічний початок світу.

ЗА ОВІДІЕМ

Сосновий цвіт зорі.
Сніжинка перша в небі.
Вона не долетить до сивої землі.
Бо доля у предтеч така...
Така, як треба...
Молитва на устах.
Вечеря на столі.

Фантомний біль душі.
Хтось лайкає.
Хтось лає.
Лампадніє звізда.
Сніжинка –
Вже сльоза...
Сніжинка вже – туман.
Здалось – її немає.
Сніжинка – як душа:
Хмаринка, лід, вода...

РОЗДУМИ ПІД ДОЩЕМ

Сиджу.

Дивлюсь на добрий літній дощ.
Рахую із любов'ю кожную краплю.

Спинився час.

А ти, моя бідо,

Нагадуєш он ту понуру чаплю.

Вона літати вміє.

Не летить.

І не пливе.

І не танцює плавно.

Цей дощ їй точно може догодить.

Він з неба йде

І засина у плавнях.

Біда в моїй душі гніздо сплела.

Знесла яйце,

Поклала жабу білу.

І коренем торкнувшись до крила,

На суд своєї совісті побігла.

Бо совість є у всього, що живе

І має душу –

Дивну,

Як лампадка.

Он денний Місяць –

Золотий човен –

Після дощу цілується із кладкою.

Свічуся теж.

Цілую власний хрест.

Пишу пісні для тих – ненароджених...

Адже ненароджений не помре...

Як не вмирає дощ

Чи лід студений.

Я теж з води.
Душа у ній горить
І пісню риби слухає ночами.

Я також дощ.
Я прагну догори:

До хмарки,
Зірки,
До Творця,
До мами...

***

Попустила печаль.
В цьому світі усе попускає.
Божевільна кривава туманність
Минає також.
Я свій страх убиваю
Між пеклом і раєм.
Поміж пеклом і раєм
Душевна дрож.

Наче піна із рота,
Калина в селі відбуяла.
Смерть без маски стоїть,
Наче квітка могильна в пітьмі.
І крізь мене тече
Легендарна туманна Каяла.
Дзеркала мені брешуть.
Та тіні не брешуть мені.

Тільки відчай ранковий
І правда вечірня болючі...
Але язви душевні
Молитва і праця зітруть.

В битві ночі і світла
Хай збудеться все неминуче.

Хай воскресну спочатку,
А потім помру...

РОЗДУМИ НА ЕКВАТОРІ МОГО ВІКУ

Серед дванадцяти друзів твоїх
Один – іуда.

Як правило, той іуда,
Хто зве іудами інших...
Він може бути першим, останнім...
Гетьман, приبلуда...
У мерседесі, конем чи піший...

І неважливо –
Скільки добра ти зробив для нього –
Дарував йому бронзу,
Вавки помазав йодом, –
Він тобі в спину ніжик устромить
В ім'я чорта чи Бога,
Пасквіль напише,
Що ти «ворог народу».

А якщо друг твій іудний –
Кохана жінка...
Адам зі Змієм хрумкає ябко
Й нервово курить.
В Біса є норма...
Не має ж краю
Жінчина фінка.
Межі не мають
Підлості Курви.

З тим треба жити,
Рости до неба.
Десь потерпіти...
Прощати...
Битись.
Біла ворона і чорний лебідь
Будуть в душі гніздитись.

А там, де троє друзів зібралось,
Там і Христос між нами...
Хрест свій візьму,
Підійму забрало,
Скину з душі камінь.

І торгашів із душі храмини
Вижену...
Заспіваю.

Час повертатись
До батьківщини
Предків моїх –
Раю...

***

У себе важче йти, аніж у Всесвіт,
Що в льодяній безкрайності своїй
Де низ, де верх, де осені, де весни
Не розрізняє,
Але голос мій
Приймає так, як сіль приймає море.
Приймає так, мов квіточка бджолу.
Від віршів – до молитви я прозорію.
Лікую болем задушевну млу.
Горю.
Гірчу
І горе проговорюю.

Вовк сніг червоний п'є, кусає іклами,
А я кричу у себе, наче в ріг,
Із тими динозавриськими зниклими
До тих щурів,
Що виживають всіх.

Бездомний, наче дим ствола, як вітер,
Гуляю Гуляйполем.
Пустота.

Для віршиків не вистачає літер,
Коли душа все ближче до хреста.

***

Я сьогодні підслухав розмову зорі і трави,
Коли йшов, мов сльоза по хресті,
По драбині долі.
Трохи дивно мені,
Що зоря із травною на Ви...
Однозначна повага світла до болю.

Поміж ними – душа.

Німб, терновий вінець чи корона
Ждуть мене на драбині
В холодному вирі пітьми?

Але ангельський голос
Вночі
З телефону...
Він мій меч поміняв
На душевний мир.

***

Юна осінь.
Світ поспати мусить.
Дякую вам, зорі, за печаль.
Завтра прийде Смерть у масці Музи
З тінню хрестовидного меча.

Я молюся.
Не боюся Музи.
Кличу її, Господи, прости...
Тим мовчанням,
Що найкраще з музик,
Чи ранковим вітром золотим.

Хоч душа у кам'яному віці.
Наче серце старця, спить сльоза.
Я дивлюсь в ірійні очі птиці
Й хочу щось нащадкам розказать.

Бо ще той пройдисвіт і негідник,
Безсердечний,
Грішний пілігрим.
Полюбився мавкам,
Юним відьмам,
Квітам,
Зорям,
Соснам без кори.

Полиновий біль душі моєї
Трансформую в промінь голубий.
Я не граю в карти,
В лотерею...
Хочу жить –
Як божі голуби.

Хоч найважче нести порожнечу
Душну дуже
У душі
Туди...
Це життя –
Терпка від себе втеча,
Тобто сльозокрові – від води.

Але осінь.
Даль мироточива.
Дякую усьому за печаль...

Все прозоро.
Я чекаю дива,
Летючи у себе –
Як у даль.

***

Осінь листя відлітає в ірій.
А Сонце стало внутрішнім, моїм.
Звіріє світ, та засинають звірі.
І форму душ приймають кураї.

Вони єднають висі і глибини,
Коріння й крила,
Sic i transitsic...
Дивлюся в зорі –
Очі голубині –
І вік – як мить,
А мить мені –
Як вік.

В мені гуляє вовча крапля крові
І гріє плоть – коли ось-ось зима.
Я хочу бути деревом в діброві,
Немов я – все...
І мов мене нема.

Живу ж у час,
Де моляться солдати,
Дівчата й діти криють матом біль.
А листю легко птахами ставати...
А людям важко вірити собі.

Холодним світлом плачуть три печалі,
Які зустрілись нині у мені.
Одна печаль заснула...
Дві ще далі...
На білому крилатому коні.

Я ж добуваю радість, наче нафту,
Із себе, цих листочків золотих...

То шахтарем стаю,
То космонавтом
Глибокої,
Мов осінь,
Висоти.

Дмитрий БУРАГО
Киев

КОРОВА

Парное лето. Поле в запустенье.
Черкасские обрывы на сносях.
Сипят, гундосят в рыжем нетерпенье
степные слепни на рябых боках.

Коровий день медлителен до дрожи:
то мордой крутит, то разит хвостом,
то долго смотрит на одно и то же,
как будто поле ходит ходуном.

Потом придёт усталая дорога,
родимый хлев, знакомая рука
и тёплый сон за пазухой у Бога
с разводами парного молока.

СОБАКА

На свету бездомная собака
улыбаясь предавалась лаю,
мне казалось, солнце-забияка
катится от погребка к сараю.

Мне казалось, что не будет лучшего,
что уже сбылось всё, что пригрезилось,
а собака жалилась и мучила,
огрызалась, то кричала весело

так, что мысли скверные соседней
заговором пропитали воздух,
что-то ошетинилось в подъезде,
пьяницы стаканились без тоста.

Я же выпью за собаку – горькую,
подкормлю – чем только не закутится,
а она пригреется, насупится,
засопит, когда забудусь только.

А потом мы с этою собакою
прогуляемся по невозвратной набережной,
где за храмом даже звуки набожны
и как страх естественна отвага.

Мы пройдем клеймёною дорогою,
уголками крымского подгорья.
Углем лай написан любо-дорого –
выправляет взгляды исподлобья.

И когда-нибудь на глупой выставке
или на дурном аукционе
мы с собакою из рамы выскочим,
удерём из правописной зоны.

Пусть соседи больше беспокоятся –
лаять никогда не перестанем,
потому что жирными оглоблями
солнце разворачивает сани,

потому что на картинах искорки
от надежды и отважной браги –
мы друг другу предаёмся искренне,
отзываясь светом на бумаге.

ДЕТСТВО

Его можно найти по голосу,
к нему можно прийти в каштаны,
детство носит большую голову,
его лужицы – океаны,

у него под ногами искорки,
за плечами Бородино,
и обиды настолько искренни,
что до слёз самому смешно.

Оркестровая яма кружится
марианскою глубиной,
поднимается звук и рушится
пластилиновый строй

этой тёмно-зеленой армии
на бардовом плацу,
а за дверью смеются гарпии,
как невесты в цвету.

В кулачке поднимая воина,
дотягиваясь до фрамуги,
смотрит детство, как жизнь устроена,
разжимая неловко руку.

И когда разобьётся солдатик
бесшабашным каштаном –
детство больше не будет плакать
над разгромленным станом.

Оно просто немного вырастет,
изведется полезным опытом,
растеряется и не выразит
отрешения даже шепотом.

И к нему не вернуться запросто,
оглянуться и не опомниться –
детство прячется в темной комнате
и войти не хватает храбрости.

МЫСЛИ

Бывают мысли тощие, циничные, спесивые,
их тянет в гости к прошлому, заросшему крапивой.
Им всё что есть – убожество, и нету справедливости,
и отовсюду рожи – до дрожи, до брезгливости.

И эти мысли цепкие растравливают душу,
а в душу бьются ветки, с которых бьются груши,
а на душе распутица, стоят в слезах признания –
вот-вот они расступятся, завяжется молчание.

И в нём по глади пасмурной в глубинах неба топкого
пройдут бочком опасности, проглядывая робко,
обиды вскружат омуты, дрожа охолонутся,
ведь обижаться хлопотно, когда деревья гнутся,

когда от мыслей загнанных теперь одно терпение,
а у ворот бараны, и всё вокруг осеннее.
А за калиткой солнышко калиною лохматой,
и колются шиповником закаты виновато.

И нет уже раскаянья, есть только ощущение,
Что, где-то на окраине замешкалось мгновенье.

ЯБЛОКО

Agate

Яблоко само в себя поверило –
обернулось перстнем и лицом.
От зубов судьбы усладой веяло,
мякоть уминалась языком.

Сплёванные косточки блестели
о глубокой тучной целине...
Запахнувшись в утренние трели
улыбалось солнце на окне.

Виталий КОВАЛЬЧУК
Харьков

***

С кошкой играть – и сильнее не знать азарта,
И расставаться с близкими лишь до завтра,
Верить в бессмертие – так, без любого средства.
На горизонте медленно тает Детство.

Солнце стремится к зениту. Да что там – полдень,
Если энергией каждый твой шаг наполнен!
Жаль только – девушка эта не оглянулась.
По десяти дорогам шагает Юность.

Молнии больше не кажутся чем-то грозным.
Время – уже не рано, ещё не поздно.
Правда, былая поступь куда-то делась.
В дом твой неторопливо заходит Зрелость.

Вспомнится песня про саблю, коня и стремя.
Кто-то добавит сразу: «Вот в наше время...»
Вместо «А чем ты думал?» ворчишь: «Ментальность...»
В разные годы к людям приходит Старость.

Ты потерпи немного, и боль растает.
И наплевать, что рыбка – не золотая.
Будут над миров не властны ни тьма, ни нечисть...
В небо глазами ребёнка смеётся Вечность.

***

И когда не сумеешь рукой дотянуться до солнца,
Не обжѣгшись при этом – не так, как в кино на бегу –
Остаётся надлом. То есть что-нибудь, да остаётся.
И не важно, где именно – в сердце, в суставах, в мозгу...

И когда на себе испытаеть удары ногами
Безразличной системы – а что ей тебя различать?..
Как же так? Ведь вчера ещё крылья тебе помогали,
А сегодня на них ледяная намёрзла печать.

И когда рассыпается в прах иллюзорное счастье,
Ты глядишь, пожимая плечами: «И это – удел?!»
Потому что нельзя, понимаешь, нельзя возвращаться,
Если ты уже вышел однажды за этот предел.

Но живёшь вопреки и по-прежнему пьёшь из колодца,
Боль и радость встречая всего лишь как нечет и чёт.
А потом вдруг однажды рукою касаешься солнца.
Просто так. И оно уже больше тебя не печёт.

ВРЕМЯ

Время не лечит. В принципе, как и жёны.
Радуйся, если вылечат хоть на треть.
Функция времени – сделать тебя прожжённым,
То есть пройти сквозь пламя, но не сгореть.

Время не сможет сделать тебя крылатым.
Будь уж любезен, сам себя сбереги.
Функция времени – выверить час расплаты
И подготовить к сроку вернуть долги.

Время уходит, медленно, словно волны,
Но непрерывно, как Ариадны нить.
Функция времени – всыпать тебе по полной,
Но лишь затем, чтобы ты его стал ценить.

И напоследок, если пришёл с ответом,
Глядя в глаза голодным жестоким псам,
Функция времени – сделать тебя бессмертным,
Но вот сильна ль ноша, решаешь сам.

***

Где начинается путь? За какую оградою?
Где то мгновение между «темно» и «рассвет»?
Как говорит моя дочка, драконы не падают.
Если взлетел хоть однажды, то выбора нет.

Вот за каким поворотом закончится улица?
И как всегда – неожиданно, раз – и поля.
Где эта нить между нашим «хочу» и «получится»?
Сила – откуда, когда начинаешь с нуля?

Где эта грань, за которой иными законами
Мир наделяет способностью видеть во мгле?
Мчишься к рассвету и машешь крылами драконьими,
Всё ещё думая, будто идёшь по земле...

***

И снова небеса – дырявое корыто.
Дожди четвёртый день стучатся к нам в окно.
А дочка говорит: «Пойдём считать улиток!
Я знаю, где они. Их там полным-полно!»

Вот дикий виноград. На заросли – чащоба.
Вдруг выберется зверь, какого и не ждёшь...
А дочка говорит: «Смотри здесь, папа, в оба!
Улитки – под листвой. Они гуляют в дождь».

Улиток сосчитать – не сложная задача.
Сложней – не наступить, не видя их в листве.
Как много я бы мог скроить в судьбе иначе,
Когда бы не поток фантазий в голове!

Я б в офисе сидел, всегда носил костюмы,
Но в юности своей не всё сумел учесть...
Но дочка впереди идёт походкой пумы,
И я за ней крадусь, и что-то в этом есть...

Когда не даст ответ мудрейший древний свиток,
Когда не удержать всю тяжесть на весу,
Я с дочкою своей иду считать улиток.
Ответ приходит сам. Улитки пьют росу.

***

Опять мне скажут, что я – бездельник.
Бедлам в квартире, мозги в дыму.
И бриться надо не раз в неделю,
А потому-то и потому.

Не строю бизнес. Не строю планы.
Вообще не строю, а вот пора.
И слишком мысли мои пространны,
А надо чётко «Долой – ура!»

Конечно, правы и те, и эти.
И Соломон бы не возражал.
Гуляют ветры по всей планете,
Уносят что-то... и правда жаль.

Не сделал деньги. Не взвесил риски.
И как попало судьбу кую.
Открою небо. Достану виски.
Зачем – не знаю. Сто лет не пью.

И буду мысли метать икрою,
Ростком проклюнусь, уйду в грозу.
Вот только небо слегка прикрою,
А то кому-то сквозит внизу.

***

Достаю из кармана блокнот. Адреса, телефоны...
Очень часто – по прозвищу: Ёжик, Бродяга, Патрон.
Видно, с возрастом память включает другие законы.
Помнить прозвище проще – оно отражает нутро.

Достаю из кармана потрёпанный доллар бумажный.
Я в Америке не был, и что мне – затейливый мир.
Но однажды туда улетела... А, впрочем, не важно.
Улетела – и ладно. А доллар давно – сувенир.

Мои нервы уже не нуждаются в острой щекотке,
А под сердцем всё чаще какой-то навязчивый шум.
Достаю из кармана почти неразлучные чётки.
Сколько раз и рвались, и чинились, а вот же – ношу.

Достаю из кармана мобильный, ключи, сигареты.
Два десятка монет разнеслись по столу, как табун.
Я гляжу на такие банальные с виду предметы
И пытаюсь понять, как однажды собрал их в судьбу.

***

Сколько раз так бывало – «Устал! Не могу! Не хочу!»
Да какой – «не хочу!» Захлебнулся от этого яда.
Полечиться бы мне, знать бы только, к какому врачу...
Ну, кому это творчество к чёртовой матери надо?!

То бессонницей жить, то считать гонораров гроши.
А к утру хорошо ещё, если хоть капельку дышишь...
А потом замираешь у бездны и шепчешь: «Пиши...»
Собираешь всю волю в кулак, выдыхаешь – и пишешь...

Василий ДРОБОТ
Киев

***

Осознаю себя в другом,
Не нашем мире, там, где слово,
Найдя строку, приходит снова,
В ином облиции – благом:

Вдруг проявляется оно
В строке и фразе, в ноте даже,
И чистый звук стоит на страже
Того, что небом мне дано.

А может, это не чужой, –
Тот самый мир, где быть и надо,
Где слово – высшая награда
И способ выжить за межой?..

***

Июньский день свалился градом,
И на асфальт, и на траву:
Тяжёлый шторм явился на дом
И проявился наяву,

Шальной, свободный и могучий,
С размаху выигравший бой...
Летят взлохмаченные тучи,
Уносят лето за собой.

И принимают половодье
И Куренёвка, и Подол...
А туча бросила поводья
И ловит взвившийся подол.

ДОПИСЫВАНИЕ ЦИТАТЫ

*...но сложное – понятней им.
Борис Пастернак*

...А непонятное – роднее
И уважаемей всего.
И потому они лелеют –
В пределах духа своего –

Доверье к чуду и свершенью
И даже веру в «сладкий дым»,
И, чем свершенье совершенней,
Тем ближе и роднее им.

Восходит солнце, блещут окна,
Рождают день и с ним – тепло.
Невзгода кончилась, не охнув,
Стучатся в мокрое стекло

И улыбаются: доверье
И возрожденье, и любовь...
А чудо не ошиблось дверью, –
Пришло и совершилось вновь.

И тут, неведомо откуда,
Явился в душу правды свет:
Какое счастье верить в чудо,
Когда другой надежды нет!

СНИМКИ

Николаю Рубцову

Крайний слева, крайний справа –
Ты в компании – без права.
В коллективе – центр основа,
Об окраинах – ни слова.

Коллектив, больной и мутный,
О себе, большом и мудром,
Сообразно обстановке,
Говорит без остановки.

На мгновенье вставший с ними,
Ты чужой на снимках этих.
Это после каждый снимок
Станет снимком о поэте,

Общей гордостью, отрадой...
А пока ты где-то рядом,
Неудобный, непохожий,
Смотришь, словно из прихожей.

***

Душа, как бабочка, крылом
Задела и сплыла...
Сидели люди за столом,
Ворочали дела.

Друг друга видели в глаза
И вдруг дарили свет,
И бабочка, как егоза,
Летела свету вслед.

И вдруг дошло, судьбой дыша:
Исхода краше – нет,
Чем эта бабочка-душа,
Летящая на свет.

КУКУШКА

Ах, как сладостно кукует кукушка!
И летят её «ку-ку» друг за дружкой

Через поле, через лес, через реку –
В дом, высокий до небес, к человеку.

И, пока поёт провидица-птица,
Он гадает, что с ним в жизни случится:

То ли годы, то ль беду накукует –
Где ещё услышишь песню такую?

Пой, кукушка, пой, грустя и пророча,
Накукуй ему беду покороче,

А когда он от беды поумнеет,
Накукуй ему года подлиннее.

***

Брысь, навязчивая тема,
Побузила – и довольно!
Расстаётся с духом тело –
Духу больно, телу больно.

Духу страшно, он не знает,
Что – за краем, что – за гранью,
Где торчит дыра сквозная –
Путь к последнему изгнанию,

А глядишь, – и к новым родам,
К новой жизни, в новой клетке...
Остальное перед входом
Забывают слишком крепко.

МОЛИТВА

Зачти ей, Господи, любовь,
Готовность жить не слова ради,
Но чтоб любить в любом раскладе
И в ситуации любой.

И то, что любит – вопреки,
И что горит, не остывая,
И то, что бродит кровь живая,
И то, что подлость – не с руки.

Зачти ей, Господи, судьбу,
Которую она сломала,
И то, что плоти было мало,
Была нужней звезда во лбу.

Зачти ей, Господи, грехи,
Что сделали меня поэтом...
Я просто думаю об этом,
А получают стихи.

Вячеслав РАССЫПАЕВ
Киев

МП-772

Полетела, как старый редуктор, железобетонная
дружба с Димончиком, где только не воспетая.
Его сочная внешность повиливала хвостом, но я
примерял её на дурачество велосипедное,
что аккуратной походкой меня обошло...
На подоконнике хлеба осталось кило,
чайной собачьей радости полкольца
да гребешок хвостатого леденца.
Всё. Отбодались взмыленные муфлоны.
Одному – васильки, другому – автосалоны.

Атрофировавшейся рукой открываю e-mail
семь недель спустя после траурного известия.
Игнорирую Грунь, посылаю под печь Емель;
даже кеды запрос не прельщает купить советские.
Удаляю печатных знаков лежалый чох,
на снотворное уповаю, как дурачок –
и проходит месяц, другой... За окном уже ирисы
с прошлогодней листвой боярышника не мирятся.

Плач во сне потихоньку сгинул – ба, писем нет!
Вот спасибо, что не будили сиротский панцирь.
Спал сурок, спал шакал, дрых их общий пастырь,
не бомбил мою почту назойливый муравьед;
вдруг – смотрю – единичка горит во входящих...
Неужели братюня? Дрожа, залезаю в ящик.

В это миг я прибил бы мента. Представляете стресс?
Отправитель: почтовый робот. «Христос воскрес!»

Ну, бывает общественный пунктик. Я всё понимаю.
Не любовь к Ильичу – так ножи от канадских компаний.

И Фемида – намеренно слепоглухонемая –
со своими никак не разделается клопами.
Но зачем ломиться – ответьте мне по-мужски –
с корабля, то бишь с автовыставки – в васильки?!

МП-938

Пьём брожёный сок из разных чашек,
вспоминая молодость большую.
В наши годы не бывает няшек:
только панголины без чешуек.

В нас уже не влюбятся дороги,
парки и кленовые беседки.
Ты логистик, я унылый блогер –
две огромных сгорбленных креветки.

Нам друг друга впредь не отпускать бы
в давку с мясорубкой из объятий,
но – тебе вполне хватает скайпа
с бестолковой песней на подхвате.

Я в итоге рвусь – пока не высох –
к огонькам миражного посёлка,
отыскать надеясь в кипарисах
нового красивого бесёнка.

...Прочной многослойной паутиной
покрывает время карусели.
Длится эта вечная «Ундина»
вне подсчёта бледно-мыльных серий.

Коллаген редет и крошится,
да вот – каждый пялится в свой форум.
Два недавних редкостных паршивца
обросли отшельническим флёром.

И не понимают респонденты,
что прийти на три часа трактата –
миссия не та, что влезть раздетым
на макушку Спасской башни брата.

Вон они – луга с пастушьей сумкой.
Помаши им вслед из каталажки!

Мы в глазах мажоров – недоумки,
но как для старпёров – просто няшки.
А как для облезлых панголинов – и подавно, чего уж там...

МХ-48

Тем утром в стразах и объяри
еда была вне списка тем.
На ослепительном спорткаре
я там всё мчу – и подлых тварей
глазами взмыленными ем.

Ко мне в немые сателлиты
Виталик просится чуть свет,
и сколько скатерть ни стели ты
на необъезженные плиты –
нема мешающих карет.

Ну, что за тормоза средь поля?
Поел, попил, сходил в кусты...
Иной всю жизнь на димедроле
проковылял, кизяк футболя,
а я вгрызался в хвост мечты.

Потом Виталик вышел в люди:
яхтсмен, троллейбусник, магнат...
Путём похожих рукоблудий
я тоже мнил набор посуды
ракетодромом для щенят.

И таял мой спорткар топ-класса
в огромном мыльном пузыре.
Меня никто не делал плаксой:
так счастье склеивает ласты,
жучком прикинувшись в коре.

Где делись крылья птицы хищной?
В ответ опять про институт
от имени Христа и Кришны
две свежих снежных бабы пышных
мне окоlesiцу плетут.

Зато компота – чан да шкалик,
котлет вагон, колбас арба...
Из государства трёх педалек
на это всё глядит Виталик
и объезжает погреба.

МХ-144

Меня ты в братики примешь –
мяукнут белок стада.
И никаких Роз Ильиничн,
а только розы в садах.

Ведёрко и пароходик,
лошадка и теремок
вернутся в парк наш по хорде
орбиты ложных тревог.

Начну стройнеть и расти я,
впишусь в кленовый костёр.
Шатёр коринфского стиля
заполнит нам обзор.

И даже если консьержка
портрет со мной не сличит, –
от золотого орешка
перепадут мне лучи.

Простим невкусного Коську –
пусть дальше прётся от войн.
Пусть кед об кед – чуть-чуть скользко,
но шарм от них – чисто твой.

Какого цвета твой паспорт –
оставим этот подпункт
сексотски склонным копать
в чужом овсюжном снопу.

Что до цепей рубиконов,
мелькнувших где-то внизу, –
парнишек из гравитонов
ещё никто не разул.

А ведь приятно сразиться
за леденец или мяч,
когда подкожный резистор
электрошоком бьёт кляч.

Они уже неактивны,
что подтверждает мясник.
И на весь космос коптим мы
колоду меченых пик.

МХ-340

Настанет полынный август,
и я уже точно гавкнушь
от насморка – не от реакции на мосту.
Очнись – ни тебе Шулявки,
ни старой кусючей шавки.
Там яблони – сорт Мартыновка – все в цвету.

Шестое – не день рожденья,
как было при Божьей тени.
Обычные сутки без громкого ярлыка.
Мордашкой я узнаваем,
но еду, блин, не трамваем!
И вдоль магистрали по-детски журчит река.

Минувшего просто нету.
Дорога без турникетов,
по оба кювета – воскресшая резеда,
и сзади чуть слышен шёпот:
– Когда будешь саван штопать?
– Отстань... Я с две тыщи восьмого не приседал.

Две зыбких туманных маски –
прокрустовы шпиц и хаски –
считали меня в тот январь подштурвальным псом...
Ротация вышла точной –
как будто залил бетонщик
глазницы им по четвёртый ушной кессон.

Не столь торжество, сколь лёгкость.
Болельщики на галёрках
без ложного пафоса радостно гомонят.
Хоть я их почти не слышу,
восторг попадает в нишу
трёх герцев – от комсомольцев до дельфинят.

Потешно, коль глянет кто-то
из ямы или болота.
Пускать из трубы асператусов стеллажи –
мой фирменный способ стёба.
А вы там следите, чтобы
орёл своё небо действительно заслужил.

Сергей ШЕЛКОВЫЙ
Харьков

И УТЕШАТЬСЯ ТИШЬЮ ЗОЛОТОЮ...

Откуда льётся пятистопный ямб,
как музыка хмельная из бутылки,
как жёлтый цвет ночных
настольных ламп,
как влага горловая сушили?

На всех наречьях, в разных временах
хотел бы я пропеть о вождельенье
Земле, что на китах и на волнах
колышется под херувимской тенью.

И в квитке мовы, и в цветке фарси –
езде живёт звуковлеченья тайна:
каких ты нот на помощь ни проси,
они в клавиру вольются неслучайно.

И, помня, что лишь редкому из слов
дано собой остаться за чертою,
я отпускаю из сетей улов,
и утишеньем тешиться готов,
и утешаться тишьою золотою...

18 ИЮЛЯ, ДЕНЬ СЕРГИЯ

Под вечер зной утих. Ласкающей прохладой
повеял Сергей-дух в открытое окно.
И снова повторю: мне лишнего не надо.
Спасибо за все то, что день за днем дано.

Спасибо за слова, которые бессильны,
но кажется, вот-вот прозреньем зазвучат.
Всесильем тишины во тьме любвеобильной
был этот звучный мир без лишних слов зачат.

Влетает жук в окно и шлепается на пол,
ударившись о лоб лампы золотой.
Ночной его прилет по лучшей из парабол
так щедро вдохновлен падучею звездой.

Спасибо за дары – дыханья год за годом,
за святость тишины, за страсти звукоряд!
Пройдет Варфоломей ночным бездонным бродом.
И отрока глаза – огромный звездный сад...

ОСЕННЕЕ ПИСЬМО

Как дела твои, Алупка? Я любил тебя когда-то,
хоть Гурзуфу мимоходом больше виршей посвятил.
Так ли всё живёшь, голубка, – неужожена, примята
сонным модусом вивенди, хаосом случайных сил?
Слышал я, ты всё рифмуешь домотканные куплеты?
Я и сам ценю всё так же пару тёртых чудаков,
двух своих седых дружанов, что проводят с ямбом лето
среди твоих дворцов и хижин, среди ларьков твоих, лотков. –
Всё среди харьковских муралов, на затоптанной леваде,
до сих пор не сданный чудом в исторический музей,

водку любит, воду мутит собутыльник мой Аркадий,
а в халупке под Алупкой трезво мыслит Алексей.
Жаль, что ты не помнишь имя той, без рифмы. И не надо –
всё равно уже полвека вечно юные глаза
греют душу мне, смывая муть и копоть лаской взгляда...
Как там твоя сентябрь, Алупка, – море, охра, бирюза?
Может быть, ещё приеду. А скорее – издалёка
потреплю по холкам-гривам каменных озябших львов.
Время – зверь холоднокровный, память же – тепло без срока.
Вытирает осень слёзы мехом рыжих рукавов.

Я ДУМАЛ О ТЕБЕ...

Не шёлков был при жизни мой отец –
рычал, грозил мне в детстве нагаями.
Но вышло так, что дней его конец
стал выше всех раздоров между нами.

Уже без сил, как стоик на столбе,
за сутки до прихода стервы-смерти,
он мне сказал: «Я думал о тебе...»,
и то был дар-завет – и вод, и тверди,

и тех неповторимых облаков,
что у Донца над нами проплывали –
в июльском дне, в пространстве ста веков,
в исполненном значения астрале...

Не людям лепетать, судить – судьбе.
А мне всё явней свет той речки летней,
и на моей теперешней тропе
мне всё слышней: «Я думал о тебе...» –
слова любви и горечи последней...

ПОМЯТЫ АСТРЫ ПЕРВОЙ РАННЕЙ СТУЖЕЙ...

Помяты астры первой ранней стужей,
растрёпаны причёски нежных фей...
Что ж, затяни предзимний пояс туже
и по глотку и сласть, и горечь пей.

Щепотку соли и толику перца
добавь в осенний ледовитый хмель.
Быть может, слово любящего сердца
спасётся средь простуженных земель?

Быть может, сам спасёшься от раскисших
кладбищенских неумолимых глин, –
в каких-то высших пазухах и нишах, –
ты, собеседник темно-красных вин,

ты, книжник расходящегося ряда,
сообщник обречённых лепестков? –
Шуршит парчюю скатерть листопада,
и поминальный стол уже готов...

ПОКА МЫ ДЫШИМ...

М.

Пока мы дышим, смерти нет.
И вслед за ней – мы живы снова
в иных слоях. Не счесть примет
мерцаний мира неземного.

И я по зыбкому лучу
вернусь к тебе, мой сын, оттуда,
зане одно сказать хочу:
«Любил, люблю и снова буду

хранить тебя, мой книгочей,
мой хрупкий, грустноокий отрок!»
Все сорок сороков свечей
зажгу я, отгоняя морок,

чтоб высветлить твои пути,
жестокосердые дороги...
До встречи, милый, не грусти,
ведь в хитро вытканной сети
и мы – бессмертны, словно боги.

ИЗАБЕЛЛА

Августовский сгущается зной,
и текущий огонь «Изабеллы»
вдоль гортани горячей волной
проникает и в душу, и в тело.

Цезарь пьян, и, похоже, стихи
любят бодрый напор возлиянья.
Солнца святость и мира грехи –
свет единый в багряном стакане!

Как причастье, по капле беру
на язык крепко-терпкую влагу.
Пью за жизни большую игру,
за любовь её, риск и отвагу.

За всё то, чему быть суждено,
за невольничьи зимние сроки,
чтоб в бродильном апреле зерно,
расколдовано, вознесено,
стеблем брызнуло ввысь у дороги.

ПАМЯТИ ЕЛЕНА КАСЬЯН

Спасибо, Лена, что была,
что сквозь жестокий зной
с улыбкой кроткою ушла
за вечною весной -

туда, где снова так легко
к руке прильнёт рука,
где, словно в детстве, высоко
сияют облака.

Про свой гешефт талдычит жизнь,
а мы – своё поём.
И мы – во Львове родились
и в Харькове умрём.

И будет там, в Галичине,
и здесь, на Слободе,
мирволить Бог тебе и мне
в безбожном дне-труде.

На свете Он, конечно, есть,
но нет Его, когда
спекаются во зло и в месть
огонь, земля, вода.

О, как Он нужен нам сейчас –
и мёртвым, и живым!
Молюсь я за тебя, за нас
сквозь подлость, смог и дым.

Тасует век свои дела –
на холке дыбом шерсть...
Спасибо, Лена, что светла.
Светла – была и есть!

У очага

Владислав КИТИК
Одесса

ВЕСНА В ПАРКЕ ИМ. Т. ШЕВЧЕНКО

Март полным ходом движет, в полный рост,
Он рад послушать новости сорочки,
Что продолжают небо многоточья
Недавно свитых новобрачных гнезд.

В мечтах примерив будущий наряд,
Чтоб удивить потом атласным блеском,
Переплетенных веток арабески,
Заранее приковывают взгляд,

Ракушкой с круглой пластикой воды
Нависли своды над фанерной сценой,
Где в пестрых платьях встали манекены,
Образовав торговые ряды.

И только пианино в стороне
Обречено, как перышко побега,
Любить среди былой беды и снега
Саму печаль по будущей весне.

Не музыка фальшивит, не струна,
А – музыкант. А ты опять представишь.
Как занемевший от застоя клавиш
Запал... на цвет вишневый после сна.

***

Вчерашний день у перекрестка
Смолит для форса папироской,
Глядит у лавочки питейной
На ножки барышни кисейной.

Подобье шахматной фигурки
Теряется в дыму окурка
Под разноцветным листопадом!

...Вот так и шел бы с нею рядом
Под охровым, янтарным, красным,
С туманным будущим, с неясной
Развязкой...

Обморочно где бы
Так сыпалось листвою небо?

Среди надежд и имитаций
Давно могло бы не казаться,
А быть:

    побег под дождь из дома
В грозу с басистым майским громом,
То выбор платья, то обоев,
Что нравились бы нам обоим,
На теплой кухне посиделки,
Уткнувшиеся в полночь стрелки,
Чтоб снова каждый год и снова
Не замечать в канун еловый
Нежданной осени сединку,
У губ запавшую морщинку.

***

Не болей, не грусти, что прихода
Светлой осени долго мы ждем.
Яблоком цвета гречишного меду
Принесу в твой задумчивый дом.

Я спущусь по Матросскому спуску,
Мимо синих трамвайных путей.
И еще подарю таракуцку,
Как тепло бессарабских степей.

В этой тыковке с круглой верхушкой,
Что, как праздник воскресный, красна,
Если высушить, как в погребушке,
Будут дробно шуршать семена.

Помнишь детство под Новым базаром,
Где дырявый стоял балаган?
Покупали – почти что задаром -
Мы такие у пестрых цыган.

Давних дней все длинней силуэты,
Вянут мальвы и зреют дожди,
Безоглядно кончается лето,
Будто снова вся жизнь впереди.

Не болей, мы поправим подушку,
Наше снадобье будет иным:
Желтой тыковкой с красной верхушкой,
С молдаванским названьем чудным.

***

Сладко ль жить в отдалении мгlistом?
Виноградом кудрявится двор,
Свесясь, жимолость веткой душистой
Прикрывает от света забор.

Затаенной обиды отраву
Пьешь упрямо глоток за глотком.
Ни к чему приворотные травы,
Что растут по дороге в твой дом.

Но, винясь перед ним за разлуку,
Так хотел бы вернуться с пути,
Чтоб его, как слепого за руку,
Через улицу перевести.

***

Всхлипком водостока в шуме дня
Улица окликнула меня,
Бочку арестантов наврала.
Выплакалась...
В небыль уплыла.
Мы когда-то здесь влюблялись вместе
В маттиолы дымчатых предместий,
Шли и собирали по пути,
И несли шелковицу в горсти.
Ничего, что время смыло сок
С липких пальцев и со сладких щек.
Было, что делить и что терять.
Вот судьбы двукрылая тетрадь,
Высохший сиреневый цветок
Между двух страниц.

А между строк
Перспектива улицы закатной.
Мне надежд застиранные пятна
Не свести.
Да я и не берусь.
Я и сам без просьбы оглянусь:
Где была, шелковица стоит.
То, что отболело, не болит?

***

С подспудной грустью монологов
Мы проживем – и будем квиты.
И дворники сметут с порогов
Крупинки лет.
Сто раз подшитый,
Видавший времена и виды
Пиджак обнимет спинку стула.
С былой горчинкой звякнут тосты.
Я буду старым и сутулым,
А ты ворчливою и толстой.
Но мы пройдем, как прежде, мимо
Ларьков мешочного базара,
Церквушки бережно хранимой
Святой Марией, мимо старой
Казармы, – по тому же кругу,
Чтоб я, над будущим шаманя,
Опять твою сжимал бы руку
И согревал в своем кармане.

РАССВЕТНОЕ

Это время короткое, словно тост,
Промелькнуло праздничным серпантином:
Было раннее таянье льдистых звезд.
В филармонии утреннее пианино

Непокоится.

Там, за витражным стеклом
Кто-то, веки прикрыв, наклоня шею,
Шлет послание звуками в чей-то альбом,
О любви по-другому сказать не умея,

Городского уклада нарушив статью,
Не желая, не думая остановиться,
Он нежданную осень играет свою:
Как легло – так идет, как идет – так ложится.

Больше музыки этой не слышал никто,
Разве только лишь листья в оранжевой дрожи,
Может быть, промелькнувшее мимо авто...
Может, вброд эту ночь перешедший прохожий.

***

Пусть то, что начал, заново начать
Уже нельзя, но можно продолжать,
Перевернув песочные часы.

...Смех, леденцы, футбольные пасы,
Песочница...
Любимая игра:
Копать колодец детского двора.
Посмотришь с крыши, как с вершины лет:
Все тот же двор, а дна как будто нет.

Есть отраженный окнами зенит.
По тротуару дождик семенит.
Струится свет по мокрому плещу.

Я, наконец-то, сам себя прощу
За то, что время у себя украл,
Когда перемудрил и перестал
Из горсти в горсть пересыпать песок
Так, словно детством запасаясь впрок.

***

Время то снегом идет, то дождем...
То подставляешь ладонь звездопадам.
Что ж мы друг друга никак не найдем,
Будто забыв, что нездешнее – рядом?

Вновь ворошит с любопытством рассвет
Воспоминанья, как письма в шкатулке.
Что ж мы блуждаем, и каждому вслед,
Щурясь от солнца, глядят переулки?

Поиск вчерашнего дня на потом
Перенести бы рассеянным взглядом.
Где эта улица? Где этот дом
С криком грачей над щербатым фасадом?

Возглас предательски громкой петли?
Дверь, а за ней – все, что было вначале?
... Будто давно мы друг друга нашли
И не заметили, как потеряли.

***

Каштаны, падая, стучали
Под окнами. И в некий миг
В вечернем сумраке возник
Свет очистительной печали.
Рябили ядра, – а зачем? –
Асфальт, лоснящийся в тумане.
Так лишь клеенчатая чернь
Любила охру Пиросмани.
И не как свет, уже точь-в-точь,
Как память света, непрерывно
На землю падали каштаны.
Всю ночь.

ОДЕССА – КИЕВ

Инне Ковальчук

Отсюда, где море зачато в безбрежье степном,
А степь – продолжение Черного моря, отсюда
Я еду на север. И трасса верстается в том
Заметок своих путевых и дорожных этюдов.

Свет-город встречает, откинув, как плед, налегке
И краску смущенья, и оторопь непостоянства.
Чтоб вволю напиться, спускаются вербы к реке
И бредят столетьями в белых одеждах славянства.

...Столичный отель. Тишина. Горбоносый портье.
Как стрелки, по кругу проходит скрипучий троллейбус
У плеса, где Лыбедь застыла в недвижимой ладье.
Прекрасна княжна, но влюбляться в виденье – нелепость,

Как быль воскрешать.

Лишь в тоннельном галопе метро
Из древности слышатся ветра поющие герцы.
И часа творения жаждет и ноет ребро,
Которым, как веткой ольхи, прикрывается сердце.

***

Когда был берег пуст,
и ни причал,
Ни мачты с фонарями на макушках
Не грезилась ему,
у диких скал
Ракушке ветер на ухо шептал
То, что навек запомнилось ракушке.

С тех пор в ней шум сакральный...
Разбери
Те голоса, что слышатся внутри, -
В спирали, сжатой, как виток сознания.

Приморский ветер треплет рукава.
В пространстве том, где родились слова,
Я не был. Но – ловил его дыханье.

Елена ЛАЗАРЕВА

Киев

ДАЧНЫЙ ВЕЧЕР

Облако цвета морской волны
Влажно скользит по небесной глади.
Зреет гранатовый плод луны
В дымчатой майской густой прохладе.

Хлеба краюшка да мятный чай –
Наш на двоих деревенский ужин.
Спрячь свой мобильный – не отвечай,
Нам ведь сегодня никто не нужен.

Плещется рыба в ночном пруду.
Рай на земле – без метро и пробок...
Только оклихни – и я приду.
Наш мегаполис свою утробу

Вряд ли насытит. И мы с тобой,
Как ни прискорбно, но часть процесса.
Там продолжается вечный бой
За торжество... Говорят, прогресса,

Впрочем – не важно... Летят на свет
Бабочки, словно погибель – милость.
То, что вдали – суета сует.
Время как будто остановилось.

Ночь коротка, тишина – легка.
Небо прищурилось с укORIZНОЙ.
Люди, подобные мотылькам,
Так невесомо скользят по жизни,

Чтобы однажды сгореть дотла,
Точно они и не жили вовсе...
Страшно увязнуть в своих делах.
Странно, что дышит в затылок осень.

Время стоит, но часы идут.
Воздух пропитан чужими снами.
...Жизнь состоит из таких минут,
Что навсегда остаются с нами.

ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС

Ночь непроглядно чиста –
Птицей лесной пролетела.
Требуют ласки уста –
Сопrotивляется тело.

Ломится утро в окно.
Горечь вчерашнего хмеля
Перебрoдила. Давно
Реки мои обмелели.

Ветхое солнце моё
Лижет края горизонта.
Ветер играет бельём.
Близится смена сезона.

Грозы стихают вдали –
Зной подползает лениво.
Можно ли быть на мели,
Но оставаться счастливым?

Жалко скукожилась лесь –
Всякое мы повидали.
Это неправда, что есть
Две стороны у медали.

Истина только одна,
То, что с изнанки – осадок.
Призраком бродит луна
В сумерках майского сада.

Не искушают мечты
Пеплом вчерашнего пыла.
Правда важней правоты.
Всё наносное – остыло,

Будто погасла свеча
Или фонарик бумажный...
Главное – здесь и сейчас.
Всё остальное – не важно.

ВРЕМЯ

...А когда обветшает ложь
И обнажится дно,
И окажутся все слова
Бурей в пустом стакане,

Ты полюбишь – или умрёшь.
Третьего – не дано.
Брось тоску свою заливать,
Слаще уже не станет.

Потому, что твои пути
Все к одному ведут,
А в конце – оборвётся нить,
Даже не будет боли.

Ты себя самого прости.
Страшно гореть в аду,
Но страшнее при жизни гнить,
Только ведь кто неволит?

На работе, в метро, в кино –
Музыка. Просто фон:
Отгоняет все мысли прочь,
Если они – о вечном.

Ты боишься открыть окно,
Пялишься в свой айфон,
Отравляешь снотворным ночь
И алкоголем – вечер.

От рожденья считаешь дни,
Словно мотаешь срок,
Прожигая в пространстве брешь
И убивая время.

Коль наскучило плыть – тони,
Или спусти курок.
Ну, хоть вены себе порежь –
Тоже поступок. Бремя

Отбывания бытия...
Воздух взрывает грудь,
И сползает в колени дрожь,
И отступает сумрак.

Воля Божья, но жизнь – твоя,
Значит, не обессудь,
Ты полюбишь – или умрёшь.
Если уже не умер.

БИТВА СТИХИЙ

Ты просыпаешься поздним утром...
В свете реалий – уже не мудро,
Город как будто присыпан пудрой –
Пылью и копотью. Влажный зной.

Нехотя, в сумку бросаешь зонтик –
В городе Бог уравнил сезоны –
Чтобы в толпе образцовых зомби
Отгородиться дождя стеной,

Коль посчастливится. На работе
Изображаешь покорно бота –
Глухонемого. Твоя забота –
Слушаться дядю и быть как все.

Всё надоело – и былъ, и небыль.
Будто в порыве слепого гнева
Пламя и гром изрыгает небо...
Что остаётся: бежать в соцсеть –

Или исчезнуть, пока не поздно?
Там сотрясают впустую воздух,
Будто бы ты для того и создан,
Чтобы скорей обратиться в прах.

Время уходит... Уходит время!
Что это – финиш, провал, экстремум?
Давит надежды живое время,
И наплевать, кто в итоге прав.

Можно кричать, хоть совсем оглохнуть:
«Мы слишком редкие, чтобы сдохнуть!»
Можно открыть нараспашку окна –
Пусть соревнуются зной и дождь

В комнате, где беспросветно душно.
Ты не умеешь рыдать в подушку,
И отпускаешь на волю душу:
Сдохнешь – так сдохнешь, зато не лжёшь.

ХРАМ

Был рассвет, как смертная кара,
Небеса иссякли от плача,
И плясали черти в угаре,
Словно впали ангелы в спячку.

Разлетелись призраки истин,
Что поднять из пепла могли бы...
Видно, бросил спичку нечистый,
Предложив «по скидке» погибель,

И разверзлась адская бездна,
Поглощая левых и правых,
И толпой командовал бездарь,
Призывая к скорой расправе...

Стало всем давно не до смеха,
Но доколе пишутся главы,
Будет нас преследовать эхо
Заключённой сделки с лукавым.

Я сама не знаю ответа,
Как душа удержится в теле...
Не конец, и даже не света –
Лишь начало новой недели.

Лишь страница нового блога,
Лишь приметы нового века...
Человек ошибся ли Богом?
Бог ошибся ли человеком?

Я живу, куда живётся,
И наивно хочется верить,
Что зажётся новое солнце,
Распахнутся новые двери,

Но выходит, кажется, плохо...
...Был рассвет. И новые драмы.
И торговцы бросили Богу:
«Уходи из нашего храма!»

ТРУБА

Как дела? Да по-прежнему – в храме торговли.
А твои? В канцелярии – штатным рабом?
...Два поэта столкнулись, две старых оглобли,
В переходе, который зовётся «трубой»*.

Нам труба, говоришь? Или медные трубы?
Нас уже не возьмут ни вода, ни огонь.
Мы по жизни идём, игнорируя грубость,
А порой игнорируя даже закон.

Пей до дна, для веселья души – или тела.
Наши встречи не часты с той самой поры,
Как, не помня себя, полстраны захотело
Добровольно отправиться в тартарары.

Мы ушли, мы почти что удрали со сцены –
Не зазорно, когда не приемлешь войны,
Зная цену словам, ибо слово бесценно,
Зная цену поэтам кровавой волны.

Я пишу, упиваясь единственной ложью:
Всё минует – и это. Но, вряд ли, меня.
Мой любимый размер. Повторяюсь безбожно,
Ни о чём не моля, никого не кляня.

Что осталось – любить. Ведь любовь – изначально,
Хоть порой интерьер непригляден на вид.
Кто не знает любви – тот не знает печали.
Кто не ведал печали – не знает любви.

Ты у Бога ни славы, ни денег не клянчи –
Нам дарована свыше иная судьба.
Два поэта, две дряхлые винные клячи –
В основании мира два вечных столба.

Мы живём в нищете, но отнюдь не убого.
Если трубы горят – значит, ты не убит.
Если дело – труба, значит, Господу Богу
Не оставили выбора. Ангел трубит...

---

* «Труба» – подземный переход на Майдане в Киеве.

Татьяна ОРБАТОВА
Одесса

СЛОВО

Рассвет ещё мерцал лилово,
ещё сновидела земля,
но летний ветер на полях
уже искал живое слово.
Негромкое, ловчей стрижа,
исконное, древней божницы,
острей восточного ножа.
упрямей юного возницы.
Рождался день и времена
ему дарили много строчек.
Но в слове том – тепло зерна,
улыбка сына или дочки.
Но в слове том – печаль бела.
Ровняла строчки (бог свидетель)
на небе – вечная швея,
рождался день, слова секретил,
листал минуты и меня...

БЫЛ ДЕНЬ ДВАДЦАТЫЙ...

Она так далека от жизни этой,
как смерть от нарисованной грозы,
не венчана ещё и не отпета –
воскресшая река, почти что Лета,
наяда с полным ковшиком росы.

Приснилась мне, почудилась ли? Помню
стоял между мирами долгий гул,
и очередь в старинную часовню
тянулась, а вдали басок – сыновний
среди говора шумливого тонул.

И не было развития сюжета,
лишь взгляд её, предчувствие родства.
– Испей росы, – послышалось мне. Где-то
был день двадцатый от начала лета,
была я горем, ищущим слова.

Из древних звуков ли, имён безликих,
из мёртвых песен или из живых
слова рождались – дивные калики,
но были их пути равновелики –
в любви и в горе не было иных.

***

Радуга июньских красок,
птицы солнечной рассвет.
В небе чуть заметный след
алой ленточки атласной.
Алый, алый лепесток...
Шутит ветер – по спирали
не со зла и без морали
гонит ленту на флагшток.
И горит огнём атлас,
или роза над Голгофой,
или кровью пишет строфы
будущий Экклезиаст.

***

Тучи надевали камилавки,
шли по небу строго и без слов,
а на острие большой булавки
вили гнёзда тысячи ветров,
Ах, запольхают в небе свечи! –
крестится свечница на восток.
Старый сад, семья и летний вечер,
гоголь-моголь – сахарный желток.

Бабушка к столу зовёт внучонка,
у него весёлая игра –
с ангелом господнюю соломку
стелет в гнёзда завтрашним ветрам.

***

Если дождь этот – слово и чудная весть, –
изрекается Небом не слова ради,
значит, аве земля!
Льют дожди в её честь,
и она всё невестится – в девичьем взгляде.
И воркует она, но в её глубине
рык таится вселенский – пылающих змиев...
Дождь стучит по вискам, по открытой спине,
или память стучит лёгкой рифмой стихии –
из заплаканных слов строит маленький плот,
а из горл онемевших – кораблик бумажный.
Спит в земле побеждённый собой Ланселот,
отражаясь победными грёзами в каждом.

***

Ходят по древним землям дети богов –
лица суровы, чётки их пальцы греют.
Выбыл один дитятя и был таков,
выбыл из общих игр, он был добрее.
Братьям оставил чётки, в себя ушёл,
стал ходоком к своим венценосным генам.
Небо в лавровых тучах, венец тяжёл,
ген обнулится к ночи зерном ячменным.
Раннее утро с проседью облаков,
в поле далёком маревый жнец колдует:
вот вам, дитятя, чётки из колосков,
вот вам бычок соломенный, обалдуи...

***

Не отменяет связи небо,
роня звёзды в долгий сон.
А где-то свечи, крест и требы,
и лик страданьем иссушён.
А где-то строчки криво-косо,
кустом терновым по листу.
Не отменяет знак вопроса
полётов птичьих красоту.
Резвятся буквы, мотыльками
летят на ручки детворе.
Не отменяет мёртвый камень
нетленность яблок в букваре...

***

Парусник вдалеке, ласковый бриз...
Выплыло слово некстати –
«запечье».
Стало тёплой волной, но
ни вверх и ни вниз
слово-памятка,
тихое, человечье.

Стопки исписанных листьев,
жар простыни,
ночь диктует, как прежде,
сверчковые песни.
Каждый слышит своё.
Слышу я: не усни,
спят умбрийские сосны,
не жди от них вести...

Что мне сосны умбрийские?
Дом мой увит
былью знойной степи,
болью памяти,
или берёзовой грёзой.
Не молчи и не спи, –
ночь моя говорит –
там восход на крови,
горше доли одной,
горче сока
одной сокрушённой берёзы...

МИРАЖИ

Болью памяти не оплачены,
главным словом не обозначены –
рифмы шли в Гефсиманский сад.
И молчала вдали пустыня.
Что ей слово? – Камней рабыня.
Ей ли здравицы петь? Виват!
Рифмы шли, угасало солнце,
на другом континенте овцы
шерсть теряли и часть души,
часть себя или части речи...
Слово бляло издалече,
беспокоило миражи.

БАЮ-БАЙ...

Уходили на бой солдаты.
Уходили и вновь уйдут.
У войны нет лица и даты,
она – там или тут...
Ей – слова, что вода в песочек,
капнет море в бездонный рот.
Баю-баю, ты спи, сыночек,
мир придёт...

Баю-бай, не тревожьте дочку,
спит она не один годок,
снится ей, что в белой сорочке
над окопами ходит бог...

НО ЗАЧЕМ ГОВОРИТЬ?..

...Но зачем говорить, если птицы в стихах,
если ангел весны блистает?
Только в сердце печаль, как погибель – тиха –
звука нет, но не утихает.

Грезят словом рассветы, несть им числа,
грезят числа о вечном – в сумме,
но растратит свой пыл над цветком пчела,
и никто ей не скажет: все...

И никто не срифмует её с числом,
не истреplet глаголом душу.
Что ей песни печальные – о былом, –
если рвётся душа наружу.

Лишь цветок повернётся за солнцем вслед,
не заметив пчелиной смерти.
Что цветку чьи-то смерти, пока есть свет
и землистый кусочек тверди.

КАЗАЛОСЬ МНЕ

Казалось мне – я умерла.
Шли мимо люди и летели
куда-то жизни и слова.
Белели хлёткие метели
и лишь беззлобная вдова –
соседка с чёрными глазами –
кивала мне и чудесами
предновогодними жила...

АКВАРЕЛЬНОЕ

Я не считаю сентябри,
не жду декабрь и апрели...
Над морем синей акварели –
воздушные поводыри
забредивших поэтов гонят
домой, к привычной суете.
Там крепкий гуж на хомуте
для скакуна или для пони,
там дух войны и детский смех,
там человек – «венец природы»,
там жив оксидом водорода
бездомный кот, тиран и снег...

ПАМЯТЬ

Помню не мёд – над вереском
сонной пчелы полёт.
Помню, крошился вдребезги
серый, миражный лёд.
Время ломалось, с мёртвыми
в землю входило, вглубь,
в душу её, упёртое,
метило – приголубь.
Голубь летел над городом,
с ним и мой сын – пострел,
в белой рубашке с воротом.
Воздух бедой звенел,
словно монетой, брошенной
в банку с надёжным дном.
Катятся дни-горошины,
катятся за окном...
Память – земля без имени,
слой чернозёма чист.
Может быть, кто-то выменял
имя – на павший лист.

БЛОКНОТ

Сгорает лист в огне рассвета,
и осень пишет в белый день
виденья – охрой, и приметы.
Платан – ветвями набекрень –
безвольно кланяется птицам,
летающим в дальние края.
В развалах книжных – Джона Китса
не ищут юные мужья,
и девы томные проходят –
айфон, айпад... Им недосуг,
их ждут в подземном переходе
то мелкий бес, то милый друг.
Соседке – дверь в покой больничный
открыта настежь год уже,
но запах жизни – земляничный,
как вечность, дан её душе.
А мне – блокнот подарен сыном –
на годы долгие вперёд,
и лёгкий запах апельсина
в листах не тронутых живёт...

Комната смеха

Элина СВЕНЦИЦКАЯ
Киев

ПРОСТАЯ ЖЕНЩИНА ИЗ БЕРДЯНСКА

Я думаю медленно, потому что у меня голова большая. Вот пришла в голову мысль – а там огромные пространства, и тяжело ей неведомо куда и зачем тянуться по этой раскисшей, полностью убитой дороге. Кора у меня, женщины в возрасте и много пережившей, в рытвинах и ухабах, каждый момент эта бедная мысль рискует провалиться в подкорку. С одной стороны – серое вещество, с другой стороны – белое вещество, а с третьей стороны – ствол, и движется она по этим темным местам, заросшим бурьяном и извилинами, вдруг откуда-то выныривает гипофиз, и, избежав столкновения, мысль теряется где-то в районе мозжечка. Еще как-то можно проникнуть через твердую оболочку, но в паутинной оболочке любая мысль запутывается окончательно, и поскольку энергия иссякает, окончательно растворяется в спинномозговой жидкости.

Я думаю медленно, зато рука у меня тяжелая. Потому что я работаю в нечеловеческих условиях – в школе учительницей пения. Работа, конечно, чистая, но нервная, ученики под ногами путаются – страшные. Но это ничего, голос у меня настоящий, зычный, только он никому почему-то не нравится, а ученики – они обязаны меня слушать. Я пою классический репертуар, Чайковского и Стравинского люблю, мне ближе всех Бизе и Моцарт, особенно «Реквием» люблю, удивительная вещь, мощно написана.

Лучше всего меня слушает моей любимым ученик Вася Зеленов, который время от времени уходит из дому. И тогда в школу приходит его отец. Стоит у кабинета директора и бормочет: искали его, искали, весь двор облазили, и на деревьях смотрели, и под деревьями, и на всех скамейках, и в кино, и в пивбар заходили – нет его нигде, что делать?

Мой любимый ученик Вася Зеленев всегда меня внимательно слушает и даже подпевает. Вася самый маленький, но самый страшный. Я раньше его очень боялась и каждый раз, идя на урок в его класс, шепотом просила: «Хоть бы Вася Зеленев подевался куда-нибудь». Вначале он не пропадал, а был тут, на предпоследней парте, растрепанный, грязный, веселый. И когда я снова его видела, мне не хотелось петь даже хабанеру Кармен, а вертелось в голове только одно: «Пропади ты пропадом!». И тогда он в самом деле пропадал – и появлялся через три дня с бланшем под глазом.

Это он заметил, что у меня очень большая голова и стал дразнить меня самкой головастика. Ну и все стали это повторять громко, слишком громко – но я тогда уже умела с ними обращаться.

– Почему вы все время орете? – стукнула я указкой по столу. – Используйте другие виды гештальтирования!

Последнее слово их испугало, но ненадолго. Указкой пришлось стучать не только по столу – ученики так лучше понимают, потому что от этих умных слов толку никакого – только голова болит.

Да и зачем эти умные слова, если вокруг меня – удивительные люди. Ну вот например наш учитель английского языка Леонид Абрамович – на уроках ему ученики на голову садятся, а он, оказывается стихи сочиняет, и такие красивые, он мне давал прочитать – там было про какого-то мужика – он вчера улетел и растаял, как дымка, запорошил его след свежевывающий снег... Кто бы мог подумать! А еще удивительнее учительница химии Лидия Семеновна Норкина – ей всего тридцать пять лет, а у нее все зубы золотые и дома трое детей.

Но лучше всех – Вася Зеленев, мой любимый ученик. Его двоюродный брат-боксер вместе со Шварценнегером на рыбалку бухать ездил. А его отец может пить целый день – а утром никакого похмелья, удивительный человек!

Я за Васей наблюдаю. Вот он бежит навстречу мне по коридору, в черном свитере и своей вечной защитной рубашке, и кричит: «Я – король! Я король!». Наблюдение – это такой научный метод. С его помощью пишут диссертации. Я тоже пишу диссертацию – все пишут, и я пишу. Я наблюдаю учеников в естественных условиях – в школе. В школе их собирают для того, чтобы они в отсутствие родителей не поубивали друг друга и не забеременели.

Вот придут родители – тогда пусть убивают друг друга и беременеют сколько хотят.

Между прочим, меня в детстве родители привязывали веревкой

к батарее, чтоб не убежала. И я не убегала никуда, а потом выросла и поняла, что это глупо. Муж меня сейчас тоже время от времени привязывает – просто так, для профилактики. Хорошо хоть кляп не сует в рот – я могу петь. Правда, когда я начинаю петь – он убегает. Но вчера он все равно меня привязал – смотрел футбол, а я хотела переключить на концерт симфонической музыки. Когда он меня отвязал, я решила разобрать елку. Вышла на балкон, увидела некрасивую даму с некрасивой собачкой – и передумала. И в школу пошла.

Моего любимого ученика Васи опять не было на уроке, и опять возле учительской топтался его отец, пошатываясь и блестя глазами.

А под утро я увидела во сне Васю. Вначале он долго пел хорошо поставленным баритоном партию Нормы из одноименной оперы Беллини, но, увидев, что для меня эта музыка сложновата и я не могу ему подпевать, начал петь арию Лулу из одноименной оперы Берга.

Тут меня муж разбудил и спрашивает:

– Ты где была вчера целый день?

– В школе, на дне открытых дверей.

– В школе теперь – дно открытых дверей ? Однако же...

И что его удивляет? Наша директриса говорит, что школа – это шахта, а укаждый шахты есть дно, а на дне – открытые двери.

И теперь я точно знаю: на выпускном вечере мы споем с Васей Зеленовым арию Тореодора из гениальной оперы Жоржа Бизе. Эту оперу очень любил Бальзак – удивительный писатель, женившийся на простой женщине с Бердянска. А потом я напишу завещание – завещаю своей дочери, которая не хочет иметь со мной ничего общего, кроме моей зарплаты, мое кольцо с хризопразом, а мое расстроенное пианино – Васе Зеленову.

Владимир КАДЕНКО
Киев

СТИН ФАН ЛЕЙН
(фламандская баллада)

Борису Владимировскому

1.

Когда мрачнела даже днем
Во Фландрии земля,
Когда мешали кровь с огнем
Солдаты короля,

Когда текли в могучий Рейн
Ручьи горячих слез,
Стоял за правду Стин фан Лейн,
Неустршимый гёз.

Он слабых в битвах прикрывал
И грудью, и плечом,
Дрожал испанцев грозный вал
Перед его мечом.

И нам признаться не грешно –
О том шумит молва –
Отважный Стин любил вино
И крепкие слова.

2.

За страшной армией, пыля,
К страданиям слепа,
Брела по воле короля
Святых отцов толпа.

Святоши, алчности полны,
Забыв про рай и ад,
В огне неправедной войны
Лишь множили разврат.

Раз подле города Малин
Тяжелый бой гремел,
На третий день отважный Стин
Испанцев одолел.

В траве, у низких берегов,
Где дым, и кровь, и страх,
Среди поверженных врагов
Лежал старик-монах,

В последнем взгляде старика
Застыла жажда жить,
Сжимала жирная рука
Жемчужных четок нить.

Тянуло ветром от реки
И кровью – от полей,
Едва из скрюченной руки
Смог вырвать четки Лейн.

В ладони крепкой, наконец,
Он жемчуг ощутил,
Подумал Стин: «Не зря чернец
С собой его носил».

«Друзья мои! – воскликнул он,
И руку вдаль простер, –
Сегодня скрасит смерти стон
Вечерний мой костер!

Мы отдохнуть дадим мечу,
Пусть пенится вино!
Поведать притчу я хочу,
Забытую давно!»

Едва закат погас вдали,
Едва пришла пора,
Все в нетерпении пришли
На жаркий блеск костра.

И осушив бокал вина,
Сощутив хитрый глаз,
Лишь наступила тишина
Фан Лейн повел рассказ:

3.

«Когда-то в буковых горах,
Над пропастью крутой,
В пещере жил один монах,
Степенный и святой.

Не знал он женщин и вина,
Не ведал воровства!
Едой была ему одна
Опавшая листва.

Румян и чист он сердцем был,
Хоть грязен был лицом.
И вот однажды он решил
Навеки стать скопцом.

Но прежде, чем свершить обряд –
Мужских лишиться сил –
В пещере мрачной год подряд
Молитвы он вершил,

И умирал живую плоть –
Не ел, не пил, не спал –
И я не знаю, как Господь,
Но бес ему внимал.

День над горами бронзовел,
И месяц свет исторг,
Как раз монахом овладел
Молитвенный восторг,

В пещеру дева вдруг вошла,
Прекрасна и стройна,
Ведь на подобные дела
Способен сатана.

Дышали свежестью уста,
Казался кротким нрав,
И прикрывалась нагота
Нарядом легких трав.

«Чем я могу тебе помочь,
Прелестное дитя?» –
Спросил монах, и рясу прочь
С себя срывал, кряхтя.

Припал он к деве жадным ртом, –
Был милостив Господь, –
Восстала огненным столпом
Монашеская плоть.

Был Божий раб неукротим,
И к делу приступил,
И жарким семенем своим
Он деву окропил.

Тут волю дал монах рукам
В молении святом –
Все, что изверг его вулкан,
Он осенил крестом.

Привычен крест для праздных рук,
Как грязь для сапога,
Но семя превратилось вдруг
В морские жемчуга!»

И взором, блещущим в огне,
Окинул Стин друзей:
«Напомнил эту притчу мне
Сегодняшний трофей».

И тут спросил безусый Снетт:
«Ответь мне, Стин, теперь:
Все это правда или нет?!»
Ответил Стин: «Проверь!»

Казалось, ясного ясней
Сей повести конец,
Ушел подальше от огней
Осмеянный юнец...

Но все ж рассудку своему
Не верил храбрый гёз,
Когда под утро Снетт ему
Жемчужину принес...

Детская

Евгений НОВИЦКИЙ
Харьков

СТИХИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

АЙ ДА ЯБЛОНЬКА!

Ай да яблонька, раскрасавица,
Всюду яблочки её славятся.
Ни в садах, ни во дворике вашем
Не найти их вкуснее и краше.
Прибежали к яблоне дети
И глядят на яблоки эти.
Манит их вкуснота краснобокая,
Да уж яблонька больно высокая.
Наклонила яблонька ветки:
– Угощайтесь, милые детки,
Только воли рукам не давайте,
Мои веточки не ломайте...

ПОЧЕМУ ПИНГВИН ВО ФРАКЕ

Говорит пингвину чайка:
– Ну зачем ты носишь фрак?
Антарктида – не Ямайка,
Южный полюс как-никак.
Может, летом фрак и в моде,
Но зимой уж точно нет.
Одевайся по погоде –
Вот такой тебе совет.

Или ты идти собрался
В этом фраке на приём?
Тут пингвин расхохотался:
– Да ведь я родился в нём!

ОБИДНО!

Разошёлся мороз
Просто не на шутку:
Щиплет уши, щёки, нос
Каждую минутку.
Я и сам бы мог с наскоку
Ущипнуть его за щёку,
Но его ж не видно...
До чего обидно!

СОСУЛЬКА И СОЛНЦЕ

Сосулька просит солнце:
– Взгляни же на меня,
Вишу я над оконцем
Уже четыре дня.
Гляди как я сверкаю,
Спустись, не поленись.
Ой, таю, таю, таю...
Всё. Хватит. Отвернись!

Я ПОДОБРАЛ НА УЛИЦЕ ЩЕНКА

Я подобрал на улице щенка,
Отвоевав его у зимней стужи.
Он греет у печи свои бока –
Большой и по-щенячьи неуклюжий.

Согреется от жаркого огня,
Пройдёт волна холодного испуга,
И знаю, с той минуты у меня
Уже не будет преданнее друга.

ПРИЗНАНИЕ СТАРОЙ МЫШИ

Книги делают умней,
Но не всех, поверьте мне.
Я изгрызла их немало,
А умнее, вот, не стала.

ТУРИСТ

Рыжий кот мечтал о дальних странах,
Островах, морях и океанах,
Оттого и спал не на диване,
А в большом дорожном чемодане.
И ему всю зиму до весны
Снились туристические сны.

СИНИЙ СЛОН

– Для своей сестрёнки Ани
Я нарисовал слона,
Вот идёт он по саванне
Синий-синий, как волна.
– Синий слон?
– Синий слон.
– Отчего же синий он?
– Я слонов с такой окраской
Сам ни разу не встречал,
Просто тюбик с синей краской
Ближе всех ко мне лежал...

САМЫЙ ЛУЧШИЙ СЛОН

Я скучал один в квартире,
И тогда явился он:
Самый-самый добрый в мире,
Самый лучший в мире слон.
Слон в многоэтажном доме!
Как же он сюда попал?
Этот слон в моём альбоме,
Я его нарисовал!

В СТРАНЕ НЕБЫВАЛОЙ

В далёкой стране небывалой
(На карте её не сыскать)
Чудес повидал я немало,
О них и хочу рассказать.
Там бублики, плюшки и пышки
На ветках, как груши, растут,
И добрые белки-малышки
Охотно их всем раздают.
В лесу на тенистой лужайке
Дворец шоколадный стоит,
Живут в нём весёлые зайки,
Не зная ни ссор, ни обид.
Струятся кисельные речки
По сине-зелёным горам,
И сказочные человечки
Хлебают кисель по утрам.
Там есть говорящие звери,
Я их понимал без труда...
А если мне кто-то не верит,
Пусть сам приезжает туда.

НЕ ХВАТИЛО ПЛАСТИЛИНА

Я хотел из пластилина
Сделать крошку Чиполлино,
Но подумал, что ему
Будет скучно одному.
И слепил, на всякий случай,
Чиполлоне, Чиполлучча,
Чиполлетто, Чиполлотто
И ещё, кажись, кого-то.
Вроде вся семейка в сборе,
Только вот какое горе:
У меня на Чиполлино
Не хватило пластилина...

ВОЛЧИЙ АППЕТИТ

Зайчиха зайцу говорит:
– Мы на волков похожи.
У волка – волчий аппетит,
У нас с тобою – тоже.
– У волка аппетит иной, –
Ответил заяц грустно, –
Ведь утоляет голод свой
Он не листом капустным...

МЕНЯЮ ШКАФ НА АНТРЕСОЛЬ

На стенке шкафа – объявление:
«В связи с прибавкой населения
Меняю шкаф на антресоль,
С доплатой. Платяная моль».

ТАЙНА ПАУКА

На такую высоту
Я забрался не случайно,
Паутину здесь плету.
Для чего? А это – тайна.
Я бы вам шепнул на ухо,
Да боюсь, услышит муха.

ЧУДО-ПТИЦА

Одинокий самолёт
В небе серебрится.
Смотрит гусь и не поймёт:
– Что за чудо-птица?
Вроде бы породы нашей –
Высоко летает,
А вот крыльями не машет.
Разве так бывает?

Поседевшие времена, попадая в ладони мельниц.
Тишина на душе – умолчание катастроф.
Превращая кровать в моленную в отсутствие нежных слов,
Вспоминаешь мелодию бабушкиной колыбельной
И тревожишь покой золотых челнов да волшебных птиц.
Увлажняется тёмный след под чертой ресниц.
...Бог полощет в твоей печали длинные рукава
И не знает, что ты когда-либо существовал.

МИЛАЯ

И всё-таки ночь – плохая привычка для нас,
влюблённых друг в друга
В первой степени крайности, в крайне тревожной степени.
– С тобой не соскучиться... – выдыхаю в радиусе испуга,
И даже цепная луна тяжелеет под круглыми белыми звеньями:
Таблетки рассыплются, звякнув о горизонт,
О крышку комода, утонут в постели да по полу спешно раскатятся...
Утро – последняя изгородь, где каждый зубец заострён:
– Вот твои туфельки, милая, вот – нарядное платьице,
В них и предстанешь на светлом пороге рая...
Болезни приходят, не спрашивая, не выбирая.
Сон побеждает, и в чёрном тумане спутываются ресницы.
Пчела возле сердца, молочная дымка в стакане и запах мёда;
Я закрываю тебе глаза, обещая сниться
Целую вечность, если считать от ухода
И выдоха в ночь, избавляющую привычки...
Не всё решено – преодолеть, осознать и постичь, и...
Но время идёт, беспокойно роятся цветы над могилою.
Я принимаю:
– С тобой не состариться, милая...

БЕЛЫЙ ФЛАГ

Сидя на подоконнике, ты подставляешь миру своё плечо –
Вдруг он свалится без опоры, спастись не сможет?
Безразличный простор сквозь стекло приникает к коже.
Долгий день за окном обесцвечен и обречён.
...Оказалось, что можно при встрече обняться так,
Чтобы пульс колотил в брусчатку и резко замер;
И заранее вытряхнуть память; и выбрать знамя,
Под которым впоследствии явится ёжистая пустота –
Помолчит, остановится у можжевельного куста,
Словно обыск, тревожна, как чёртова пуля – мгновенна.
Спросит лишнего, полыхнёт, будто нефть, по венам,
Замеится рекой, вдоль которой идти устал...
И придётся опять обменять или сдать билет,
И тиранить часы, и назло нарушать присягу.
Раз ты знаешь, что будет, и знание это в тягость,
Может, стоит сберечь между вами стекло и нейтралитет?
Сколько можно дробить на осколки твой левый фланг,
Обрекая на нежность едва уцелевших пленных?..

– Не хочу уходить.

...и рыжеют глаза вселенной,
и зима расстилает под окнами белый флаг.

ТЫ ДОЖИВЁШЬ ДО ДЕВЯНОСТА...

Ты доживёшь до девяноста, я приду
акации ломать в твоём саду,
жечь хворост, чабрецам срывать меха...
У бога время в вечных должниках –
медвяный вечер будет лить гречишный свет
в твоих морщин тиснёные узоры...
Нет в памяти провалов – есть зазоры,
и, уместая в них и миг, и век,
ты станешь пуговку трепать на рукаве,
пока не обнаружишь, что разорван,

как ниточка, и сам... Вскипит гроза,
и, если слёз не прячешь – прячь глаза,
...и громыхнут ругательства, и стёкла
на окнах звякнут, маятник дамоклов
обяжет стрелки ринуться назад –
на запад, в западню, и на авось –
в сегодня, что уже оборвалось.

РАСПАЛЯЯСЬ ОТ ДЫМА АКАЦИЙ...

Распаляясь от дыма акаций и вишнёвого табака,
Вознесенский спуск уползает в клубящиеся облака.
На одном боку у него гора, на другом – грозовые ночвы,
И моток серебристых молний вскоре скатится на Валы,
Паутиной вплетясь в говорливую здешнюю ночь... Вы
Наблюдаете, как медлительно рельсовые волы
Топчут пыль и бодают ветер, рассыпая по следу соль.
И темнеет глубокий Подол поперёк и вдоль.
Крепко держит тебя за бороду сонный счастливый бес –
Хорошо, что, едва беда подкрадется, ему знакомы
И янтарные реки в густой темноте, и её разломы,
Уводящие в пропасть спокойных, дремотных мест,
Где скучают певцы в кабаках, и птенцы сирен
Никогда не взрослеют в обрывистых снах сирени...
И дожди настигают вас, вечно бегущих от потрясений
В умолчание грусти и предвкушение перемен...

ПЕРВОЕ НЕБО

Первое небо,
на которое наступлю,
плотно прижмётся к хрупкому хрустально
иллюминатора, и голубая твердь
обозначится в равной мере как жизнь и смерть,
себя испытав на вечность, усиливая восторг...
Затем два крыла осторожно забросят в меня восток.

В пространстве воздушного страха о внезапном
я стану беспёрым журавликом и зерном,
но здесь, на высоком заоблачном рубеже,
дай бог, обойдётся без жёрнова и без жертв.
Превозмогая закон притяжения, опровергая что-то,
из сердца протянется прочная нить – к хвосту самолёта,
и далее – белым стежком, полным чистой воды, прорисует след,
и тот, кто идёт по нему неустанно две тысячи лет,
помолится обо мне
и благословит пилота.

СЕРЕБРИСТЫЕ ЛАСТОЧКИ

Память как глубина марианской впадины,
но все измерения, графики, планы украдены,
и потому расстояний не существует – они бесполезны,
как горка тупых да изломанных ржавых лезвий –
ни пройти по ним, ни зажать в руке...
Может, неплохо, что глубина эта делает нас никем...
Но ты вспоминаешь теперь какие-то глупости, в общем –
как долог был день, а вечер за ним – обесточен,
и безупречное ожидание связи,
и липкие связки
голосовые, и неумение говорить...
Хочется говорить о девочке в свете лёгком,
прислушаться к сердцу, осевшем на левом лёгком,
молчать о прекрасном, собаку жалеть чужую...
И думать о поцелуях. Ждать, чёрт возьми, поцелуя.
Возможно, что память –
        это тяжёлые ливни и городское утро на тёмном камне,
но мы не узнаем и в письма бесследно канем –
в прощальную их глубину,
        не взойдя на очерченный будущим эверест...
Да, в мире для двух безумцев хватило бы славных мест.

... память уставших и ставших друг другу никем
врезают морщин серебристые ласточки на щеке.

Тая НАЙДЕНКО

Одесса

ВДОВА

У маленькой заплаканной вдовы
Все письма начинаются на «Вы»,
Заканчиваясь просто «Ваша Вера».
Соседи крутят пальцем у виска:
– Да не было у бабы мужика!
Придумала трагедию, холера...

По-книжному, наивно, в никуда,
Растрчивая попусту года,
На клетчатых листочках из блокнота,
Она всё пишет глупости про дом,
Про «нам сказали – умер, но мы ждём!».
Как будто это прочитает кто-то.

Вдова выводит маленькой рукой
«Я всё смогу – и счастье, и покой -
Одумайся, прости, остановись мы...».
Соседи сушат во дворе бельё,
А на одной верёвке – лишь её
Ненужные, нечитанные письма.

Безумие такое, что врача
Не раз ей предлагали сгоряча
И дворник-хам, и дворовые тётки.
Другие шепчут «Зажилась... Пора!»,
И выжили бы, в общем, со двора.
Но и заступник есть у идиотки.

Вернувшийся из плена ветеран,
Полгода оправлявшийся от ран,
Пугающий соседей до икоты,
За странную вдову стоит горой.
И все ворчат «Нашёлся, блин, герой!»,
Но связываться с парнем – неохота.

А он ночами курит у окна
И думает: «Бессмысленна война...
И мир... и я... и надо ставить точку...».
Но ждёт, пока безумная вдова
Развесит поутру свои слова –
Бессмысленные серые листочки.

Он вспоминает: год тому назад
Вот так же к темноте привыкший взгляд
Всё различал на дне того подвала...
И вдруг – тепло, и солнце, и рассвет...
И злобный крик «Придурок! Слышишь, нет?!
Твоя жена уже вконец задрала!».

И крик, и мат, и спор чужих бойцов,
Что надо прекращать, в конце концов,
Весь этот балаган, раз даже бабы
Не только точно знают, кто и где,
– Ещё и пробираются везде! –
И письма доставляют прямо к штабу.

Чудовищный, бредовый анекдот?
Ошибка? Пытка новая?.. Но вот
И стопка писем – грязных, мятых, серых.
И в каждом – пробирающий до слёз
Рассказ о том, что ждут его всерьёз.
И что дождутся! Подпись – «Ваша Вера».

Он думает, качая головой:
«Не факт, что я вообще ещё живой...
А вдруг всё это – братская могила?..
Как странно мы войной обожены...
Ведь не было – ни веры, ни жены!
Ни ждущих дома... Но письмо-то – было».

18.01.2019, Краматорск – 24.01.2019, Одесса

БЫТЬ ПРОЩЕ

Один говорит «будь проще»,
Второй собирает вещи,
А третий – почти прощён.
Мужчина вообще не прочен,
Мужчина вообще не вечен,
Мужчина пройдёт, как сон.

Останутся просто люди
На общем большем портрете,
Где каждый трагично мал.
Один обещал «мы будем»,
Другой уточнял «как дети»,
А третий уже дремал.

Один научил без звука
Рыдать по утрам, мечтая,
Что кто-то расслышит стон.
Один говорил «ты сука»,
Другой возражал «святая!»,
А третий не знал имён.

Но надо уметь, как ящер,
Заботясь о благе общем,
Отбросить их всех, как хвост...
Один улыбался чаще,
Другой говорил «будь проще!»,
А третий и сам был прост.

Я стала ещё сложнее
(Что каждый из них пророчил,
Как самый дурной исход).
А всё-таки – чуть нежнее.
Особенно – ближе к ночи.
Но это само пройдёт.

УХОДИТ ЧЕЛОВЕК

Вот мёрзнет человек. Он дьявольски устал.
Ему нужны слова, которые согреют.
А я – такой дурак, что досчитав до ста,
Способна выдать лишь «тепло» и «батарею».

Вот злится человек. Он холодом взбешён.
И, кажется, уже готов согреться в драке.
А я – что я могу? Уткнуть под капюшон
Холодный мокрый нос, как у любой собаки.

Обнять его собой, пока мороз не стих?
Украсть у холодов, укрыть в норе глубокой?
Да лапы коротки. Да он не из таких,
Кто станет зимовать под чьим-то тёплым боком.

Почти за горизонт уходит человек,
И запахи его крадёт листва гнилая.
А скоро будет снег, глубокий белый снег,
В котором утону, захлёбываясь лаем.

Пока не занесло, пока не замело,
Так важно прорычать в отчаянном запале:
– Я вся – твоё тепло! Я – всё твоё тепло!
И честно проскулить: – А значит – мы пропали...

***

Крадётся кот, и ночь его крадёт,
Срезая по частям границей мрака,
А чтоб не образовывать пустот –
Выбрасывает под ноги собаку.

Так жадно нарезает светотень
Пределы между «не было» и «нету»,
Что, кажется, рукой её задень –
И пальцы обглодает до скелета.

Пока ещё я светом залита,
Но думаю на каждом повороте:
Что выплюнет на смену темнота,
Когда меня изрежет и проглотит?

Инесса ДОРОФЕЕВА
Киев

ИНДИГО

Небо запуталось в космах Мальвины,
Цвета индиго, запах – фиалки.
Мальвина гуляет по крышам Берлина –
Так избегая людей и фиаско,
Так понимая язык птиц и кукол
(Которые в небе мерещатся ей же),
Так постигая солнечный купол
И то, как меняется «после» на «прежде».
А город пронизан таинством звука.
Звук же, по сути, является Словом.
Мальвина, по сути – небесная хрупкость.
А Небо – Отцово.

БЕЛЫЕ ЯБЛОКИ

Море шумит балладой Металлики,
Теплое, словно кровь.
И опять мы, как раньше, маленькие,
Облака превращаем в волов.
Море волнует глаза мозаикой,
Мокрое, словно слеза.
Море пахнет мечтой и архаикой
И стихами, что суть – Небеса,
Где созрели белые яблоки,
Ведь на пятках лета сентябрь.
Уплывает цветочком аленьким.
То ли август, то ли корабль.

***

То ли мы верили не в тех,
То ли в нас верили не так,
Избегая грустных тем,
Избегая жутких плах.
Видишь небо виснет синим,
Видишь тучи матеруют?
Мы минуем, друг мой, мины,
Омерзительно белея,
Когда страх на фоне черный,
Когда песни наболели,
Когда все послать бы к черту,
Чтоб не ныло антитело.
Вот, возьми в колодце небо –
Да напейся, что есть мочи!
Закуси буханкой хлеба,
На себя надень сорочку
Цвета снега, цвета манны –
А узоры нарисуем,
А потом построим храмы
Там, где молятся Йешуе.

СОН

I

Мне снилось, как сакуры белой перо
Сорвал ветер, кружа в своем танце,
Снился серый вокзальный перрон,
Снились чьи-то холодные пальцы,

Снилась высь, что близка к слову «вечно»
Снились ангелов белые косы,
Снились хрупкие женские плечи
Цвета спелого абрикоса.

А потом чьи-то стылые пальцы
Уронили на грунт сигарету
Ветер пепел развеял в танце
И в депо ускользнуло лето.

II

Мне снилось, как сакуры белой перо
Становилось отрадной приметой,
Как все тот же вокзальный перрон
Ожидал ускользнувшее лето.

Как вихрастые рифы джаза
Становились кровными ветру,
И как солнце мигало глазом,
Раздавая детишкам конфеты.

И, как пальцы, как плечи, те же,
Становились на солнце теплее,
И как город был некий нежен,
В коем сакурой пахли аллеи.

И как чьи-то тонкие пальцы
Уронили опять сигарету,
И кружился опять пепел в танце
Вместе с ветром.

КИНО

Ты. А дальше джаз и пламя в камине.
Белое/черное. Руки. (Светлое в доминанте).
Метроном вместо пульса. Ее имя
Стоит познать после слияния в тантре.
Вариация: вспомни на ощупь касание.
Язык ангелов – когда твои пальцы перебирают джаз.
Эротика чувств наполняет звуки желанием.
«Стоп! Снято!» Умолкла музыка. «Который час?»

ЗОРИ

Корабли возвращаются в гавань,
Солдаты – в небо.
Умылись солнцем, укрылись в саван.
Бросают жребий,
Как камень в море,
Внутриутробным холодным криком.
А тьма красива, хоть и безлика,
Смиренны зори.

САНКИ

«Еду. Тихо. Слышны звоны».
Сергей Есенин

Часики на стене, идущие вверх тормашками,
Время сцедили, как молоко, у юной мамки.
«Здравствуй, детство, словно вчерашнее,
Где все мы дети, и нет войны, и едут санки».
А циферблат дрожит от вневременья;
Кто-то скользкий прячется за деревьями:
«На, съешь плод с древа древнего»;
Выстрел! Падших столько, что пасть негде нам.
Едем. Тихо. Слышны звоны.
В вооруженных городах – слезы мамки.
Пахнут кровушкой вороны.
А мы все дети, и нет войны, и едут санки.

СОСЕДИ

Наталия ХМЕЛЁВА
Дюссельдорф

НА ЯРМАРКЕ

Вот чистота разбегом манит,
в своё ничто стремясь, как в кокон.
Ещё один сезон туманит,
седой крутя на пальце локон.
А где-то на воскресном рынке
не я, а девушка иная,
пчелиный дух почуяв в дымке
Предрождества, себя узнает
во время праздного веселья
<не повторится это впредь!>
в свече, оставленной на ели
коварно до утра гореть...
Заплачет срубленная ёлка
шарами, звёздами и лентой,
и время упадёт обломком
себя, не ставшего моментом,
и нужно выстоять январь,
как продавец стоит в кабинке,
передвигая инвентарь,
сбывая сонные пылинки,
в церковном золоте луча
пробившиеся под навесом –
<прах казаков и янычар,
кочующий над диким лесом
голов, повернутых к лоткам,
локтей воинственно-упрямых>
уйдут пылинки с молотка,
осядут на травинках пряных.

Там вор, когда дрожит зима,
крадётся утром за старушкой
и опускает ей в карман
большое яблоко в веснушках.

***

В каком-нибудь листке окно проделав,
увидишь: шестерёнки света пляшут
и тихо открываются пределы,
где нет того тебя, который старше.
Стоим в конце времён, как ослеплённые,
в конце себя стоим – и не найти
ни друга, ни врага, но ткань зелёная
внезапно разрастается в горсти.
Пройду сквозь дни – и выйду в каждом лете,
ушком игольным преломляя шум.
А ты уже стоишь в его просвете
и так молчишь, как я
не напишу.

***

Берлинского неба открылась шкатулка,
рассыпав по крышам прозрачный стеклярус,
и ночь, растворяясь в седом переулке,
раскатисто злилась, но даром старалась.
Мелькали зонты и плащи разноцветные:
сиял-серебрился фонарный плафон,
и лились тридцатые в окна рассветные,
в квартире напротив воскрес патефон.
Стоял человек перед ним, не мигая,
как будто он сам – механизм заведённый,
и, с края шагая, взлетела нагая
кудрявая память с корзиной плетёной.

***

Бежать из зданий, полных геометрии,
гудящих покупными новостями,
куда-то, где живут ещё поверия
и почва не расчерчена путями.
Где есть ещё и мхи, и привидения,
где пахнет <мыслью> лесом и грибами
и папоротник ждёт поры цветения,
<а зелень вся на самом деле – память>.
Но первотишина уже нарушена
то плачем, то грозою, то рычанием...
Кто к людям шёл со снами – наилучшими,
тому они словами отвечали.

***

...А когда оскудеет слово, как всё скудеет,
как нищает мир, слепой к удалому злу –
не истлеет скарб заветный, когда истлеют
полотенца, скатерти, доски в твоём полу.
Выйдешь вон из прелой избы, а степи
помянут тебя, последнего в их роду.
Здесь когда-то жили люди, рождались дети.
Я иду к тебе, мой милый, уже иду.
Как сто лет назад волы оставляли полосы,
так тебе гортань мою удалось всполоть:
из ребра колосса, колоса, гумуса, логоса
твоего я плоть, родящая смыслы плоть.
Мы пойдём куда-то, мы соберёмся с силами,
наш ребёнок вскроет недра и даст нам стали.
Что за дивный дом был уготован милому!
...Я в саду потеряла ключ, когда мы бежали.

***

Приходят с верой – посмотри –
слова, которые внутри
дрожат, готовые сорваться
<по капле света фонари
тепло растрачивают, вкратце
себя зернисто изложив
светящимся, как этажи,
каким-то новым Лорелеям> –
но выдай тайну мне, скажи,
каким мы чудом молодеем,
и почему нам так легко,
размахивая рукавами,
разлить и мёд, и молоко
<но мы стоим, как древний камень,
но мы стоим, как в горле ком>,
и почему у стариков
лицо как девственный пергамент?

***

Уснёшь, проснёшься в новом теле –
уйдёт усталость без следа.
Гляди: внезапных превращений
нечаянная череда
заставит вдумчивей проститься
и новый кто-то соберёт
свой мир случайный по крупицам,
себя не зная наперёд.
Не оттого ли так неловко
пугать словами тишину,
что Рейн бездомной полукровкой
переливается в весну,
покинув праздное веселье,
втечёт к тому, кто домик свил,
войдёт эпохой новоселий
в холодные подвалы вилл –

и, с миром заключая мир,
узнает тех, кто нас забросил
сюда, в наполненный людьми
трамвай, бегущий мимо сосен...

***

Идём со мной – увидишь мир предметов,
кричащих: «Забери меня отсюда!»,
своей чудной всего одной приметой
входящих в затуманенный рассудок
овальной глазуньей циферблата.
Верь, на него бросая взгляды искоса:
в его полях цветут последней правдой
латинские – не цифры, но гибискусы.
И здесь, где чернобривцы и чабрец
июньское справляют новоселье,
оранжевый забытый леденец
лежит среди всеобщего веселья.
Как тёплая земля к нам добра!
Каким бывает добрым дно колодца!
Но треснула на яблоне кора,
белей орла, от извести и солнца,
и Августин сказал: «В какое место
ты улетишь, себе не подчиняясь,
в счастливом сне, недолгая невеста,
не можешь знать, но знает эта завязь,
куда ей расцветать – навстречу хаосу
случайного добра; фотон без цели
струится в никуда, и жизнь без паузы
продолжится, как боги захотели».

***

На острове каждый привык потрошить себе рыбу,
с чертами другого знакомиться больше на ощупь.
Торговец погодой предложит муссоны на выбор,
и ты примеряешь свой ветер почти еженощно.
Там круглые пятна сетчатку тревожили светом,
как будто писали на ней о забытом и главном,
и ты в океан на байдарке уходишь с соседом,
а он не рыбачит, а вдруг обращается фавном.
И мир, успокоившись в сущем, не ведает боли,
но ищет, как демон, своё изначальное имя,
и к вечеру кожа становится гладкой от соли,
и вечер такими нас, кажется, больше не примет...

***

Сама исполняешь свой список простых поручений:
сжечь старые письма,
взойти под их пеплом озимой.
Бельё на морозе ломается, словно печенье.
И веет озоном – и чем-то невыразимым.
Во всём, чем мы стали, порядок найдётся едва ли:
мы неотличимы от птицы, сидящей на ветке.
Покоится сдобное тесто под бережной марлей,
под снегом и глиной покоятся скифские предки.
– Мы дома! Мы дома!
В чернильной родной пустоте...
Не спрашивай, кутаясь в дым от свечного огарка,
найду ли родство между голубем этим – и тем
седым собирателем крошек на площади Марко.

Алексей БОРЫЧЕВ
Москва

ЭТОТ ДЕНЬ ПОХОЖ НА КРОЛИКА...

Этот день похож на кролика.
Те же глупость и испуг.
Страх катается на роликах
В окружении подруг.

Боль и жалость – червоточины
В зыбком яблоке души.
А на ней клеймо: «просрочена».
В мыслях ползают ужи.

Разливается чернильница.
Пятна – осень на холсте.
Мгла могильная пружинится.
И не где-то, а везде!..

То ли буквы, то ли нолики
На снегу – не разберешь...
Этот день похож на кролика.
Потому – и страх, и дрожь!

ЧАС ЗАКАТНЫЙ. ФОНАРИ...

Час закатный. Фонари
Пьют настой сентябрьской ночи.
Что не делится на три -
Кажется, мешает очень.

Ты, подруга, не гляди -
Что в углу темно и пусто.
Так же, как в твоей груди,
Где живет шестое чувство.

Потому что в час, когда
Фонари лакают темень,
Легче кажется беда
И стремительнее время.

ВРЕМЯ ВЫРАСТАЕТ ИЗ ЗЕМЛИ...

Время вырастает из земли,
Кучерявясь летними цветами...
Сорняком, желтеющим меж нами,
Времени соцветья расцвели.

Смотрят одноглазые на нас
Корневища, в наше беспокойство,
Отвергая все мироустройство,
Что мы видим в профиль и анфас.

Прошлокрылых буден мотыльки -
Абрисы известных нам событий -
В том, что было намертво забыто,
Растворятся, чувствам вопреки.

Сорняки времен заглушат все,
Вырастая стеблями до неба,
Жизни обжигающую негу
Обращая в бесконечный сон.

ОТТЕНКИ

Ловец хрустальных состояний,
Не кратных тридцати семи!
Поймай пятнадцать расставаний,
А на шестнадцатом – пойми,

Что обретенья и потери
Взаимно отображены
То многоцветностью истерик,
То белым тоном тишины.

Когда в пыли истертой ночи
К нам страх врывается, как тать,
То все оттенки одиночеств
По пальцам не пересчитать,

И опрокинутое завтра
В еще глубокое вчера
Чернильной каплею азарта
Стекает с кончика пера.

СЕНТЯБРЬСКИЙ ДЕНЬ

Стекает утро вязким солнцем
С покатых крыш,
И день стоит над горизонтом,
Кудряв и рыж.

Осенней солнечной слезою
Позолочен,
Он ловит блик под бирюзою,
Хрустит лучом.

И пусть сентябрь горчит повсюду
Сырой строкой,
Но этот день подобен чуду,
Живой такой!

И что ему угрюмый невод
Земной тоски,
Когда задумчивое небо
Кормил с руки!

НОЧНАЯ МИНИАТЮРА

Синей бабочкой лесною
В паутине темноты
Билась позднею весною,
Тронув крыльями цветы,

Полночь,
звездною пылью
Опыляя небеса,
Где – луны полукольцо и
Бездны темные глаза.

От биенья крыл полночных
Трепетала темнота.
Паутина, хоть и прочно
Полночь сцапала, но та

Порвала ее, на запад
Улетела. А клочок
Паутины трогал лапкой
Злой рассветный паучок.

ТРИ СТАЙКИ ЯБЛОНЬ МОЛОДЫХ...

Три стайки яблонь молодых
На луг из леса прибежали.
Смотрю приветливо на них,
Как на врагов моей печали.

Простор поёт, простор звенит
Пичугой малой в гуще сада.
Пронзает чувств моих зенит
Неотвратимости досада...

На каждой ветке времена
Бутончик алый распустили.
Тебя хватает мне сполна,
Земной и небыли и были.

Но страшно оттого, что здесь
Всё будет точно так, как было,
Когда привычной жизни песнь
Заглушит тишина могилы.

Аркадий ГОНТОВСКИЙ
Прокопьевск

ПУТНИК

Что за ним? Что за правда сермяжная?
По следам позабытых примет
Находить, как единственно важное,
Родников угасающий свет.

Что юродствует? Может снится им
Тишина ... , а он шепчет извне.
Тишине, словно истинной жрице,
Говорит о родной стороне.

Что молва шумит: «Впору свечи нести,
Отпевать у святых икон».
А он песни слагает о вечности
Над проснувшимся родником.

Кто-то бросит вслед – на кой чёрт оно?
Чего ради? С какой тоски?...
Он идёт туда, где исчерпано,
И зовёт из глубин родники.

***

Я слышу, как взывают к небу ветры.
И падают, и падают дожди.
Хоть пропади, но не найдёшь ответы.
А и найдёшь ответы – пропади.

Зачем ты здесь? Зачем ласкает смута
Твои мечты?... И кажется – ты есть.
Во тьме зрачков дрожит, дрожит минута.
Но рушится небесной влаги взвесь.

Ты умер? Или жив? ... А ветер свищет.
Дороги нет. И крова не найти.
И ты бредёшь во тьме, последний нищий,
Сквозь глухомань невнятного «прости».

ВИДЕНИЕ

Разве кто-нибудь в том виноват?
День оставил ключи на гвозде.
Деревенька пятнадцати хат
Доживает неведомо где.

Затерялась в разломе времён,
Только вечному небу нужна.
А соловушка – знай о своём.
И отступит старуха-нужда.

Льётся трель в переливы росы.
И колеблются на озерце
Тишина и напевность красы
В отражённом водою лице.

И, внимая знакомым чертам,
Бродят тайны языческих вед
В безднах сердца. И чудится – там
Неизбывный колеблется свет.

Кто я? – Горечь теснится в крови.
Через тысячи жизней в огне
Помню боль – это сумрак травил
Всё святое, что было во мне.

Всё, что было ... лишь рябь по воде.
Исчезает видение, и
Проступающей в небе звезде
Всё поют и поют соловьи.

***

Звезда моя, гори неугасимо!
Пусть ждёт меня родительский очаг.
О, эти сны – безжалостные мимы...
Я третий день в запое, натошак.

И, одиночеством судьбину меря,
Блаженный, у пространства на краю,
Стучусь молебно в запертые двери,
Вы душу окаянную мою

Примите под всевышние покровы,
Молитвою омойте. Блудный сын,
Я харкал кровью, очищая слово.
И шёл по углям прошлого босым.

Я прахом был. И мёртвою водою.
Я прорастал из мёртвого зерна.
Но в небе путеводною звездю
Меня запомнят эти времена.

ПЕСНЬ СКИТАНИЙ

Я дождусь, когда день приветит.
В шёпот листьев и трав шептанье
Упадёт с небес свежий ветер,
Поверяя свои скитанья.

Он расскажет о Лукоморье,
Где ждут витязя издалече,
И кострами встречают зори,
Чтобы вышел живым из сечи.

Как невеста, венок сплетая
С нежной песней, – опустит в речку:
«Прими, матушка, моих тайн,
Изболелось от дум сердечко.

А когда он в краю далёком
Преклонит колени напиться,
Напой его нежным соком,
Наших песен живой водицей».

И услышав её – заплачу,
Неумело сдержав рыданья.
Ты лети к ней, лети с удачей,
Не забыл я земли преданья.

Не искал у чужого тына
Ни порога и ни приюта.
Я по ней вовек не остыну,
Даже если на сердце смута.

Даже если во мгле кровавой
Недостанет сил до молитвы,
Допоют надо мною травы,
И вернусь я с последней битвы.

СОДЕРЖАНИЕ

ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА

Дмитрий БЛИЗНЮК 3

ПРИХОЖАЯ

Игорь КАСЬЯНЕНКО 13

БЕСЕДКА

Александра ШАЛИНА 19

Мария КИТАЕВА 27

ДУЭТ

Андрей ПОЛЯКОВ 33

Маргарита МОСКВИЧЁВА 57

ОТРАЖЕНИЕ

Анатолий ЛЕМЫШ 82

Ирина КАРПИНОС 89

ПОРТРЕТ В ЧЕРНОМ

Татьяна АИНОВА 100

Владимир ПУЧКОВ 104

Елена КАСЬЯН 110

Анна СОН 114

ГОСТИНАЯ

Денис ГОЛУБИЦКИЙ 122

Татьяна БЕРЕЗНЯК 129

Диана СУШКО 134

Владимир ГЛУЩЕНКО 140

Анна МАЛИЦКАЯ 145

Снежана МАЛЫШЕВА 148

Наталья ФИЛИППОВА 151

КУХНЯ

Елена ЧЕРНЕНКО 160

Юлія БЕРЕЖКО-КАМІНСЬКА 169

София ФРУНЗЕ 178

ОДИНОЧКА

Елена ШЕЛКОВА 183

Сергей ГЛАВАЦКИЙ 184

КУРИТЕЛЬНАЯ КОМНАТА

Андрей ГРЯЗОВ	185
Игор ПАВЛЮК	208
Дмитрий БУРАГО	221
Виталий КОВАЛЬЧУК	225
Василий ДРОБОТ	230
Вячеслав РАССЫПАЕВ	235
Сергей ШЕЛКОВЫЙ	242

У ОЧАГА

Владислав КИТИК	248
Елена ЛАЗАРЕВА	256
Татьяна ОРБАТОВА	262

КОМНАТА СМЕХА

Элина СВЕНЦИЦКАЯ	272
Владимир КАДЕНКО	277

ДЕТСКАЯ

Евгений НОВИЦКИЙ	282
------------------------	-----

ГАЛЕРЕЯ

Елена ДОРОФИЕВСКАЯ	286
Тая НАЙДЕНКО	291
Инесса ДОРОФЕЕВА	296

СОСЕДИ

Наталья ХМЕЛЁВА	300
Алексей БОРЫЧЕВ	306
Аркадий ГОНТОВСКИЙ	311

«КАШТАНОВИЙ БУДИНОК»

ЛІТЕРАТУРНИЙ АЛЬМАНАХ

Випуск 11

Головний редактор

Андрій Грязов

Випусковий редактор

Олена Шелкова

Редакційна колегія збірки

Сергій Главацький, Юрій Ковальський

Обкладинка

Маргарита Москвічова

Верстка

Сергій Главацький

Свідоцтво про реєстрацію №86020 від 25 грудня 2007 року

Видавничий дім Дмитра Бурога

ФОП «Бурога Дмитро Сергійович»

Свідоцтво про внесення до державного реєстру

ДК № 4558 від 05.06.2013 р.

04080, Україна, м. Київ-80, а / с 41

Тел. / факс: (044) 227-38-28, 227-38-48;

e-mail: info@burago.com.ua, site: burago.com.ua